

А. Л. ЛИТВИН

ЗАПРЕТ НА ЖИЗНЬ

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1993

ББК 84 Р7-4
Л64

Литвин А. Л.

Л64 Запрет на жизнь.—Казань: Татарское книжное
издательство, 1993.—224 с.

ISBN 5-298-00283-8

В книге профессора-историка Алексея Литвина на основе ранее
"засекреченных" архивных документов восстановлены трагические
страницы жизни и смерти писателей, ученых, общественных
деятелей Татарстана в годы сталинской реакции.

Л 4702010204 - 133 31 - 93
М132(03) - 93

ББК84Р7-4

ISBN 5-298-00283-8 © Татарское книжное издательство, 1993.

*Светлой памяти моего отца, Литвина Льва
Вульфовича, узника советского Гулага,
посвящаю*

*Водою пахнет резеда
И яблоком—любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет кровь.*

А. Ахматова

ПРОЛОГ

Над прошлым не властен даже всемогущий аллах. Прошедшее—в памяти людей, в том, с чего они начинали свою жизнь, какой род продолжают. Люди не просто помнят, а хотят понять, как жили их родители и прадеды, как случилось, что за несколько десятков лет в одной, отдельно взятой стране было пролито столько крови сограждан, унижено и растоптано достоинство столькоких, что нет возможности содеянное с чем-либо сравнить...

Давно известно, что демократия может быть только в правовом государстве, иначе—тоталитаризм, опирающийся на террор. Ныне вряд ли у кого вызывает сомнение наступление этого времени в первые же годы Советской власти. Для этого достаточно сравнить хотя бы два документа. Первый опубликован в "Известиях ВЦИК" 3 января 1919 г. председателем Революционного военного трибунала республики Карлом Данишевским: "Военные трибуналы не руководствуются и не должны руководствоваться никакими юридическими нормами. Это карающие органы, созданные в процессе напряженной революционной борьбы, которые постановляют свои приговоры, руководствуясь принципом политической целесообразности и правосознанием коммунистов". Вот и второй: это из доклада Лазаря Кагановича 4 ноября 1929 г. в институте советского строительства. "Мы отвергаем понятие правового государства,—заявил он.—Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие "правового государства" к Советскому государству, то это значит, что он идет на поводу у буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве". Беззаконие рождало произвол, культ силы власть имущих, страх и доносительство. Эпоха террора увечила психику и нравственность поколений, парализовала общество. Под марши энтузиастов, фанатиков и коррупционеров обол-

панивались люди, им вдалбливалось беспрекословное повиновение воле партийного, идеологизированного государства. Все население страны, по циничному определению железного наркома Ежова, было разделено на три категории: заключенных, подследственных и подозреваемых.

Робеспьер видел в терроре добродетель, Ленин, Луначарский и другие большевики объявили нравственным то, что служит классовой борьбе и интересам пролетариата. В результате XX век стал в истории России наиболее кровопролитным, когда террор на какое-то время провозгласил торжество коммунистической идеологии, но нанес сильнейший удар по разрушению души народов. Одним из первых это понял М. Горький, когда записал в 1918 году в "Несвоевременных мыслях": "Народные комиссары относятся к России как к материалу для опытов, русский народ для них—та лошадь, которой ученые-бактериологи прививают тиф для того, чтоб лошадь выработала в своей крови противотифозную сыворотку". Эта сыворотка—привыкание к насилию, убийству и смерти, к необычайно низкой цене жизни, к лицемерию и жестокости.

"Трудным воздухом тянет сейчас из России,—писал философ-эмигрант Г. Федотов.—Имморализм присущ самой душе большевизма... Его система—действовать на подлость, подкупать, развращать, обращать в слякоть людей, чтобы властвовать над ними, дала блестящие результаты" (Дружба народов.—1990.—N 4.—С. 230).

Труднее всего познать и знать правду. Это связано не только с отсутствием достоверной документальной информации, но и с серьезным психологическим моментом: нелегко смириться с тем, что жертвы, море невинно пролитой крови, многочисленные самоограничения не приближали, а отдаляли нас от цели, достойной перенесенного в жизни. В октябре 1934 года ученый-физиолог академик Иван Павлов писал наркому здравоохранения страны: "Думаете ли Вы достаточно о том, что многолетний террор и безудержное своеволие власти превращает нашу и без того довольно азиатскую натуру в позорно-рабскую?.. А много ли можно сделать хорошего с рабами?—Пирамиды?—Да; но не общее истинное человеческое счастье" (Литературная газета.—1989.—29 ноября). Стыдно признать себя рабом, человеком, попавшим в историческую ловушку, участником, активным или молчаливым, кровавой утопической вакханалии. Ведь Михаил Пришвин еще много лет назад говорил: "Величина государственного насилия обратно пропорциональна величине гражданского безразличия". Революция смела фундамент прежних общечеловеческих ценностей и объявила классовые критерии высшим достижением справедливости.

Но лозунг "Грабь награбленное!"—сопровождался таким разрушением и разнузданностью, что новое нравственное здание оказалось невозможно построить. Вряд ли теперь возможны гимны в честь насильственных революций, только сумасшедшие фанатики могут убивать невинных людей ради своих несбыточных идей. Нет, цель не может оправдать средства, если они безнравственны и бесчеловечны...

Ныне известны страшные, невероятные по своим масштабам цифры расстрелянных, заключенных, растленных системой насилия. Данные разноречивы, но общее число жертв сталинизма, как полагает Р. Медведев, достигало 40 млн. человек (Аргументы и факты.—1989.—N 5). В 1921—1954 гг. только за так называемые контрреволюционные преступления было осуждено около 4 млн. человек, из них расстреляно 642980. Только в 1937 году по политическим приговорам "троек", особых совещаний и военных трибуналов было расстреляно 350 тысяч человек. Разумеется, цифры эти условны и наверняка они больше названных.

Среди репрессированных были рабочие и крестьяне, военные и партийно-советские работники, интеллигенция, люди всех профессий и национальностей, населявших страну, представители компартий многих зарубежных стран. Были и вчерашние палачи, сегодня ставшие жертвами... По состоянию на 1 января 1939 г. среди 1317195 лагерных заключенных Гулага был 830491 русский, 181905 украинцев, 44785 белорусов, 24894 татарина, 24499 узбеков, 19758 евреев, 18572 немца, 17123 казаха, 16860 поляков, 11723 грузина, 11064 армянина, 9352 туркмена, 4874 башкира, 4347 таджиков, остальные 96948. человек принадлежали к более чем 100 другим национальностям. Возрастной состав заключенных Гулага (1 марта 1940 г.): моложе 18 лет—1,2%, от 18 до 21 года—9,3%, от 22 до 40 лет—63,6%, от 41 до 50 лет—16,2%, старше 50 лет—9,7%. К началу Великой Отечественной войны мужчины составляли 93% заключенных Гулага, женщины—7%, в июле 1944 г.—соответственно 77 и 26% (Аргументы и факты.—1990.—N 35).

Наверное, особую категорию репрессированных составили миллионы крестьян, ставших жертвами не только арестов, но и высылки "по раскулачиванию" и инспирированного голода на Украине, Северном Кавказе и других районах в 1932—1933 гг. В местах заключения в 1927—1938 гг. погибло и умерло от голода и болезней около 7,9 млн. человек. Кроме того, 2 млн. человек покинули тогда пределы страны.

"Смерть побежденных нужна для спокойствия победителей",—говорили древние. Поэтому накануне войны лагеря пополнились жителями присоединенных к Союзу территорий—молдаванами, западными украинцами и белорусами,

прибалтами. После войны появились репатрианты, военнопленные из немецких лагерей, космополиты, ленинградская интеллигенция, врачи... И целые народы: советские немцы, чеченцы, ингуши, крымские татары, балкарцы, карачаевцы, калмыки...

Сегодня не все реабилитированные вызывают восхищение. Наряду с революционной романтикой, спутницей их биографий была жестокость. За грубейшие нарушения всяких законов 1342 бывших ответственных сотрудника НКВД—МГБ были приговорены к расстрелам и длительным срокам заключения, 2370—уволены, наказаны в административном порядке. А как быть с теми судьями, которые выносили заведомо несправедливые приговоры, их рядовыми исполнителями, сексотами, ведь только в Гулаге агентурно-осведомительная служба в 1947 году охватывала около 8% заключенных, или 139 тысяч человек? Трудно понять, почему авторам бесчеловечных законов до сих пор стоят памятники в столице государства, провозгласившего переход к правопорядку. Это Сталин, Калинин и Молотов утвердили 7 августа 1932 года постановление ЦИК и СНК СССР "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности", известное в народе как "закон от седьмого-восьмого". По этому закону "за халатность", за колосок или кочан капусты, унесенные с поля, полагался расстрел или 10-летнее заключение. В июне—июле 1934 г. были приняты постановления о наказании семей осужденных "за измену родине", при НКВД СССР были созданы Особые совещания для ускорения массовых репрессий. 1 декабря 1934 г., в течение нескольких часов после сообщения об убийстве Кирова, было подготовлено страшное постановление "О порядке ведения дел по подготовке или совершению террористических актов". Согласно этому постановлению срок следствия сокращался до 10 дней, суд рассматривал обвинение без прокурора и адвоката, обжалование приговора не допускалось, приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение незамедлительно. На основании этого постановления только в декабре 1934 г. было репрессировано около 7 тысяч человек. Тогда же был реанимирован и давно забытый в цивилизованном мире принцип "признание вины—царица доказательства". Именно в те годы вновь широкое распространение получили внесудебные репрессии, когда приговоры выносили "тройки", "двойки", Особое совещание при НКВД СССР, часто судили списками. Судили всех, в том числе и детей с 12-летнего возраста. Продолжали железной рукой загонять людей в неведомое им счастливое будущее. Национальная трагедия, вылившись после

революции в братоубийственную, а потому бессмысленную войну, продолжалась и позже государством против своего народа. Молох был беспощаден и несправедлив.

С лета 1918 года белый и красный террор в стране расцвели пышным цветом. 20 июня 1918 г. в Петрограде был убит комиссар печати В. В. Володарский, 30 августа совершено покушение на Ленина и убит председатель петроградской ЧК М. С. Урицкий. НКВД зарегистрировал с июня 1918 г. по февраль 1919 г. по 16 губерниям Европейской России более 3 тыс. мятежей и заговоров.

Введение красного террора Ленин оправдывал тем, что "логика борьбы и сопротивление буржуазии заставило нас перейти к самым крайним, к самым отчаянным, ни с чем не считающимся приемам гражданской борьбы" (ПСС.—Т. 44.—С. 204). Террор узаконивался декретами, приказами, распоряжениями. 16 июня 1918 г. нарком юстиции П. И. Стучка подписал приказ: "Революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и прочим не связаны никакими ограничениями". Ленин после убийства Володарского писал: "Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что Вы (не Вы лично, а питерские чекисты или пекисты) удержали. Протестую решительно!.. Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает" (ПСС.—Т. 50.—С. 106). Откровенен был тогда в своих взглядах и Троцкий: революция требует от рабочего класса, чтобы он добился своей цели всеми средствами, какие имеются в его распоряжении: если нужно—вооруженным восстанием, если требуется—терроризмом. Вопрос о форме репрессий или об их степени не является принципиальным. Это вопрос целесообразности. Устрашение есть могущественное средство политики. Победоносная война истребляет по общему правилу лишь незначительную часть побежденной армии, устрашает остальных, сламывает их волю. Так же действует революция: она убивает единицы, устрашает тысячи (Троцкий Л. Соч.—Т. XII.—М.—Л., 1925.—С. 59—60).

Красный террор был введен постановлением Совета Народных Комиссаров 5 сентября 1918 г. В нем говорилось, что расстрелу подлежат "все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры". Его наибольшее применение имело место в сентябре—октябре 1918 года, когда было расстреляно более 6 тысяч человек.

Но было бы неверным не отметить и другое: за последние семь месяцев 1918 г. белогвардейцы на территории только 13 губерний расстреляли 22780 человек. Звериный оскал гражданской войны проявлялся в действиях обеих сторон. Точных подсчетов жертв ни белого, ни красного террора нет, но в зарубежной литературе встречаются данные, определяющие число пострадавших только от красного террора в 1,5 млн. человек.

В годы гражданской войны красный террор стал государственной политикой, хотя и преподносился как волеизъявление революционных масс. Горький в "Несвоевременных мыслях" писал об этом: "Матрос Железняков, переводя свирепые речи своих вождей на простецкий язык человека массы, сказал, что для благополучия русского народа можно убить и миллион людей... Людей на Руси много, убийц—тоже достаточно... Поголовное истребление несогласно мыслящих—старый, испытанный прием внутренней политики российских правительств".

Шедшая тогда по стране кровавая чума способна поразить любое воображение своим безрассудством и ослепленностью, стремление выместить друг на друге вековую озлобленность от безрадостного существования и унижения. Иногда кажется, что не было у нас ни пролетарского государства, ни классовой борьбы после прихода к власти большевиков, а была диктатура узкого круга партийных функционеров и идеологов. Ведь все карательные вердикты осуществлялись с одобрения ЦК, Политбюро или вождя. Потому и шли расправы не только с врагами пролетариата, но и самими рабочими, потому столь беспощадно изничтожалась интеллигенция за склонность к инакомыслию и презрительно заклеянная "прослойкой". Иначе трудно объяснить массовое уничтожение астраханских рабочих (1919 г.), или кронштадтских матросов (1921 г.), выступавших не против Советов, а заявивших всего лишь о своих человеческих правах. Ленин, Троцкий и другие вожди произносили тогда гораздо чаще слово "расстрелять", чем какое-либо иное.

В средневековые инквизиция, сжигая на кострах отступников от веры истинной, обещала еретикам спасти их души. Идеологи нового типа государства, обещая рай на земле, превратили страну в ад, осуществляя геноцид против целых сословий и народов. Творцы "красного террора" боялись своего народа больше, нежели откровенных врагов. И, прежде чем вылиться в неслыханную трагедию архипелага Гулаг, был грандиозный эксперимент времен гражданской войны, были идеологические обоснования творившегося беззакония.

Руководитель казанских чекистов М. Лацис писал в журнале "Красный террор" 1 ноября 1918 г.: "Мы не ведем войны против отдельных лиц, мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите в деле обвинительных улик; восстал ли он против Совета с оружием или на словах. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны разрешить судьбу обвиняемого". Чекисты из Нолинска Вятской губернии тогда же в "Еженедельнике чрезвычайных комиссий" призвали не миндальничать на допросах врагов и любыми путями, в том числе и пытками, добиваться признания. Эти положения тогда критиковались, публично осуждались. А как было на самом деле?

10 сентября 1918 г. красноармейцы освободили Казань от белых. Через день газеты запестрели списками расстрелянных ЧК за различные преступления против Советской власти. Подписывал списки Лацис. Но все ли расстрелянные были врагами?

12 сентября 1918 г. в Казани на квартире Александра Боратынского, внука известного поэта, был произведен обыск и сам он арестован. На допросе в ЧК Боратынский сказал, что ему 51 год, он вдовец, до революции был членом 3-й Государственной думы, октябристом, но после "Октябрьского переворота политической деятельностью не занимался". За его освобождение ходатайствовали его сослуживцы, прислуга усадьбы сообщила, что "для бедного класса он был очень хороший". Ничего не помогло. 18 сентября следователь ЧК постановил "Боратынского, как бывшего предводителя дворянства, дворянина, сыновья которого находятся в рядах белой гвардии, расстрелять". Приговор утвержден Лацисом. Сыновья Боратынского были мобилизованы в Казани белыми. Его сестра, Ксения Боратынская, позже опубликовала воспоминания об этом. "Теперь я расскажу, как его убили... Нам сказали... что их расстреливают за Архангельским кладбищем. День был серый, пасмурный, сырой... Его расстреляли между полотном новой самарской ж. д., Архангельским кладбищем и полуобгорелой избушкой сторожа..." Тело разрешили взять домой и похоронить. В него стреляли три раза, убили выстрелом в затылок. "Рабочий, сидевший с ним и выпущенный на свободу, говорил, что он вел себя твердо и гордо, когда выходили из тюрьмы на автомобиль. Сидел до этого в подвале темном, сыром. Людей там было много, так много, что ему пришлось сидеть, не разгибаясь, на корточках всю ночь, т. к. он свою постель уступил больной татарке. Он всех поддерживал и утешал. Вот и все". (Юность.—1990.—N 10.—С. 80—81).

Власть развращает и портит людей. Возможно, Лацис, ставший большевиком в 1905 году, было тогда не тем человеком, каким он и многие другие чекисты стали в 1918-м. И все-таки прав Солженицын, когда пишет о Крыленко и других в "Архипелаге Гулаг", что "линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека. И кто уничтожит кусок своего сердца?.. В течение жизни одного сердца эта линия перемещается и на нем, то теснимая радостным злом, то освобождая пространство рассветающему добру. Один и тот же человек бывает в свои разные возрасты, в разных жизненных положениях—совсем разным человеком. То к дьяволу близко. То к святому. А имя—не меняется, и ему мы приписываем все". Да, многие старые большевики сами способствовали созданию системы Гулага, были ведущими винтами в машине произвола, пока сами не стали ее жертвами.

Вряд ли у кого ныне вызывает сомнение тот факт, что сталинизм возник на почве ленинизма. Ведь Ленин даже в последних статьях не осудил насилие как революционный способ решения социальных проблем. Это Ленин в марте 1922 г. опустил до написания членам Политбюро инструктивного письма по поводу методов изъятия церковного имущества и расправы над духовенством; это он дал указание тогда же выслать из страны за инакомыслие большую группу интеллектуалов, произвести показательный, "образцовый" политический процесс над лидерами правых эсеров. Это Ленин в письме от 17 мая 1922 г. наркому юстиции Д. Курскому сформулировал принципы будущей 58-й статьи Уголовного кодекса, при помощи которой Сталин уничтожал "врагов народа". В этом письме Ленин писал: "В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса... Основная мысль, надеюсь, ясна... открыто выставить принципиальное и политически правдивое... положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость... Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас" (ПСС. — Т. 45. — С. 190). Это Ленин создал, наметил механизм действия тоталитарного государства, который Сталин довел до совершенства. Это при Ленине были созданы в стране концлагеря, чуть позже превратившиеся в "архипелаг Гулаг".

Тоталитарное многонациональное государство немыслимо без имперского принципа единой и неделимой страны, оно невозможно без уничтожения национальных особенностей, культур, всеобщей ассимиляции. Потому уже в первые годы Советской власти началась ликвидация

религий, традиций, позже—замена письменности русским алфавитом. Маниакальная страсть к погромам коснулась всех народов и всех культур. Делалось это необычайно изощренно. 20 ноября 1917 г. в "Обращении" к мусульманам России Ленин и наркомнац Сталин заверяли: "Мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока. Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями России. Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Вы сами должны быть хозяевами вашей страны. Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию". Но когда мусульманские национальные организации в начале 1918 года решили создать культурно-национальную автономию Идель-Урал и самим устроить свою жизнь, как тут же были разгромлены, а чуть позже были образованы отдельные республики. Вскоре началась расправа и с национальными политическими деятелями. Человека, радеющего за свой народ, стали называть презрительным и опасным именем: националист.

Среди них были те, кто вынужден был эмигрировать: А. Исхаки—писатель, историк, политический деятель; С. Максудов—адвокат и политик, профессор Сорбоннского и Стамбульского университетов; Ф. Туктаров—журналист и политик, и многие другие. До революции все они жили и творили в Казани и Уфе. Они—реальная, существенная часть культуры татарского народа, от которой вынуждали отказаться, и связь с ними преследовалась арестами и расстрелами. Ныне наследие этих вынужденных эмигрантов возвращается к своему народу...

Страшно, когда из памяти пытались изъять, предать проклятию то, что на самом деле составляло гордость нации. Можно и нужно говорить о каждом, кто в тяжелейшие времена национального нигилизма не забывал о нуждах и традициях своего народа, стремился сохранить его язык и культуру.

Фуад Фасахович Туктаров родился в 1880 году в семье крестьянина деревни Кулбаево Чистопольского уезда. Закончил татарскую учительскую школу в Казани и юрфак университета. В 1905 году казанские жандармы арестовали его как эсера. Позже он стал активным участником мусульманских съездов, провозгласив идеи национально-го возрождения. Они тогда были едины в своей ненависти

к царизму: Исхаки, Максудов, Туктаров, Ф. Амирхан... Туктаров в 1917 г. редактировал газету "Курултай", стал депутатом Учредительного собрания, членом Самарского комитета членов Учредительного собрания, пытался создать автономию Идель-Урал. Затея не осуществилась, и Туктаров эмигрировал: Маньчжурия, страны Западной Европы. Преподавал, вместе с Исхаки обдумывал идею подготовки национальных кадров за рубежом... Он умер в Анкаре в 1938 году, и все это время его "не забывали" дома... И дело не в советских писателях и историках, которые в угоду властям и режиму предавали проклятиям его и других эмигрантов. Он и за границей представлял опасность для тех, кто боялся борьбы за национальное возрождение и самостоятельность народа.

3 ноября 1921 г. ГПУ завело на Туктарова новое дело, обосновав это тем, что он имеет большие связи и влияние среди татарской интеллигенции. Назывались писатели К. Тинчурин, Г. Ибрагимов, Ф. Бурнаш, состоявшие с ним в переписке. Письма Туктарова, Исхаки, Максудова в Казань и ответы им перлюстрировались. За родственниками, остававшимися в республике, устанавливалось наблюдение. Когда одна из сестер послала брату в Париж в 1925 году журнал "Чаян", где Туктаров оценивался весьма критически, его ответное письмо было вскрыто, и в деле появились строки о статье в "Чаяне": "...хотя в этих словах нет ни одной доли правды, но все же я обязан отблагодарить авторов статей лишь за одно то, что они все же меня не забыли". В деле есть ответ и на несуразное обвинение в адрес Туктарова, Г. Терегулова, Ф. Тухватуллина и Г. Исхакова в причастности к расстрелу М. Вахитова. Им инкриминировалось то, что они были членами самарского Комуча, от имени которого был расстрелян Вахитов, хотя их личная ответственность не установлена. Это было все равно что за преступления сталинского режима сделать ответственными всех советских людей за исключением заключенных.

Память о Туктарове и других искоренялась и так: в 1937 г. была арестована его сестра Ильхамия, ее муж Я. С. Богданович был расстрелян. В ноябре 1946 г. этим делом заинтересовался начальник 2-го отделения МГБ Татарии подполковник Веверс. Безжалостный палач в поисках новых жертв стал собирать компромат на сына сестры Туктарова, проживавшей в Чистополе. Гайнутдинов Салих Махмудович—племянник Фуада Туктарова, военнослужащий, фронтовик. Дело о нем тянулось до 1953 года, когда было закрыто за отсутствием компрометирующих материалов.

Не много известно и об одном из популярных политических деятелей Ильясе Саид-Гиреевиче Алкине. Сын

присяжного поверенного в Казани, в 1917 г. 22-летний прапорщик, председатель Харби Шуро и многих национальных съездов, активный участник борьбы с корниловщиной, один из устроителей Идель-Урала и Забулачной республики в Казани в феврале—марте 1918 г. Он рассказал о себе следователю Казанской ЧК в июне 1919 г., когда был арестован по подозрению в участии в восстании мусульманского запасного батальона в городе. "В 1917 г.,— говорил Алкин,—был выбран членом Учредительного собрания. Когда город взяли чехословаки, я занял должность помощника чрезвычайного уполномоченного Комуча по Казанской губернии. Часто выступал на татарских митингах при чехословаках и призывал татар на защиту Казани от большевиков. Когда Казань взяли красные, то я отступал до Уфы, где был съезд Всероссийского Учредительного собрания, где я участвовал и был выбран членом бюро. А когда был в Екатеринбурге, то был выбран товарищем председателя съезда Учредительного собрания. 18 ноября 1918 г. появился Колчак, и 20 ноября был арестован и выслан в Челябинск, где был вторично арестован Колчаком. Как первый, так и второй раз был освобожден чехами и направлен в Уфу..." Алкин стал членом Башкирского ревкома, стал воевать с Колчаком, был амнистирован Советской властью, работал наркомом труда Башкирской республики. Тогда в августе 1919 года следователь Казанской ЧК освободил Алкина "за недоказанностью преступления". После окончания гражданской войны Алкин уехал в Среднюю Азию, преподавал экономическую географию в университете в Ташкенте. Но его книга о географии Узбекистана тут же была подвергнута политической критике со стороны Амины Мухитдиновой (Революция и национальности.—1932.—N 12). Алкин был назван последователем Султан-Галиева и буржуазным националистом. Судьба Алкина неизвестна. Г. Шараф вспоминал, что видел его в 1936 году в Москве, нет его и в списках реабилитированных.

Явно другое: интеллект нации распылялся, репрессировался, уничтожался. Этот процесс касался всех народов, населявших страну, татары не были исключением. Теперь можно с уверенностью говорить об "антиинтеллигентской" политике тоталитарного государства, в основе которой находились принципы классовой нетерпимости ко всякому независимому инакомыслию. Тогда насилие стало входить в нашу жизнь—цинично, хамски, попирая мораль, нравственность, закон.

Государственная политика селекции кадров, интеллигенции в целом, касалась не только тех, кто выступил с самого начала против советского режима (Ф. Туктаров

и др.), кто колебался, но в конечном счете начал сотрудничество с властями (И. Алкин и др.). Эта политика подавления всякого, думающего иначе, чем предписано вождями, быстро сказалась и на положении большевиков, имеющих свое мнение, планы реализации, отличные от рекомендаций властей. Одной из самых первых жертв этой ситуации стал М. Х. Султан-Галиев, член партии большевиков с июля 1917 г., активный участник гражданской войны, член коллегии Наркомнаца и многих других правительственных учреждений. Еще в ходе образования СССР, в 1922 г., Султан-Галиев не согласился с мнением главного специалиста по делам национальностей Сталина. Последний предлагал в формирующиеся органы всесоюзной власти включить лишь представителей союзных республик (так и случилось), Султан-Галиев утверждал, что необходимо представительство в них и автономий (оказался прав, вопрос об этом поставлен в 1990 г. вновь). В апреле 1923 г., выступая на заседании секции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу, Султан-Галиев заявил о своем несогласии со Сталиным и вновь подчеркнул важность расширения прав автономных республик до повышения их статуса до равноправных субъектов СССР. Султан-Галиев выступил против огульного обвинения в национализме тех, кто выражает чаяния своего народа. "Что же такое местный национализм?"—задавал вопрос Султан-Галиев. И отвечал, что если под "национализмом" понимать борьбу с великодержавным шовинизмом, то это не национализм, а это просто борьба с проявлением великодержавного шовинизма".

Сталин отреагировал быстро: через 10 дней после этого выступления Султан-Галиев был исключен из партии "как антипартийный и антисоветский элемент", снят со всех постов и дело о нем было передано в ГПУ. Он был арестован. Ему было предъявлено обвинение в создании националистической организации. В качестве документального обоснования приведены перехваченные ГПУ письма Султан-Галиева наркому просвещения Башкирии А. К. Адигамову, в которых он просил помочь ему установить связь с З. Валидовым, находившимся тогда в Средней Азии. Султан-Галиев эти обвинения отверг.

В июне 1923 г. на втором совещании партийных работников по национальному вопросу вновь всплыл вопрос о Султан-Галиеве. С обвинениями в его адрес выступил В. В. Куйбышев. Куйбышев впервые употребил обобщение: султангалиевизм. Султан-Галиева попытались взять под защиту Орджоникидзе, Фрунзе, Мухтаров, Фирдевс, Енбаев. Сталин резюмировал: Султан-Галиева не судить, из тюрьмы освободить, из партии исключить и использовать на советской работе.

В декабре 1928 г. Султан-Галиев был арестован во второй раз. Вместе с ним были арестованы те, кто за него заступался: К. Г. Мухтаров, член партии с 1918 г., член коллегии Наркомздрава РСФСР, бывший председатель Совнаркома Татарии; А. М. Енбаев, член партии с 1919 г., бывший заместитель наркома земледелия Татарии, И. К. Фирдевс, член партии с 1917 г., инспектор Северо-Кавказского краевого отдела народного образования, бывший нарком юстиции Крымской АССР и многие другие. Так началось широкомасштабное дело "султангалиевской контрреволюционной организации", организатором которого выступил мастер провокации Генрих Ягода.

В печати была развернута шумная пропагандистская кампания "по разоблачению", подключились к делу парт-организации. Пленум Татарского обкома ВКП(б), состоявшийся 3—9 ноября 1929 г., в своем постановлении записал: "Пленум призывает всех членов партии выкорчевывать остатки султангалиевщины, усилить борьбу с националистическими предрассудками в отсталых массах, разоблачать конкретных проводников султангалиевской идеологии, которые еще имеются в наших аппаратах" (См. кн.: Против султангалиевщины и великодержавности.—Казань, 1929.—С. 125). Началась "охота на ведьм" под флагом борьбы с национализмом, или—проще—началось избиение национальных кадров. Достаточно заметить, что за связь мнимую или реальную с Султан-Галиевым в 1930 г. было исключено из партии 2056 человек, или 13,4% общего числа коммунистов. В 1929 г. было спешно переименовано общество татароведения в общество изучения Татарстана, началось преследование татарской и русской интеллигенции (появились термины "сагидулловщина" и "фирсовщина"—по фамилиям историков М. Сагидуллина и Н. Фирсова).

Султан-Галиев был не партийным функционером, а думающим, сомневающимся коммунистом. Он полагал, что без мировой революции Советская власть обречена: либо перерождение, либо гибель в войне. Потому его теоретические построения о Туранском государстве, возможном объединении восточных народов как равноправных в федерацию, способной возникнуть в результате крушения или размежевания СССР, носили тогда утопический, но отнюдь не антисоветский характер. Между тем многие татарские коммунисты в 1930—1931 гг. были приговорены коллегией ОГПУ к расстрелу, затем замененному различными сроками заключения. Султан-Галиев 28 июля 1930 г. был приговорен к расстрелу. 13 января 1931 г. высшая мера была заменена десятию годами заключения. В 1934 г. его неожиданно освободили и даже разрешили жить в Саратовской области.

В 1937 г. Султан-Галиев был опять арестован, а в январе 1940 г. после избиений и пыток расстрелян.

Разумеется, никакой "султан-галиевской контрреволюционной организации" не существовало. К. Г. Мухтаров, Г. Г. Мансуров и Р. А. Сабиров писали в начале августа 1929 г. в ЦКК ВКП(б): "...нам предъявили ряд весьма серьезных обвинений...: участие в антипартийной группировке, которая ставила задачу давать скрыто от партии директивы работникам национальных республик, связь с пантюркистским движением, связь с Султан-Галиевым и участие с ним в создании программы отдельной мусульманской Коммунистической партии, участие в подготовке раздела национального вопроса в программе оппозиции и даже связь с крымской контрреволюцией. Единственное, в чем мы должны признать себя виновными,—это в сохранении личной связи с Султан-Галиевым после исключения его из рядов ВКП(б)". Во время одного из допросов Сабиров пояснил: "Никакой политической связи. Последний год он (Султан-Галиев) фактически голодал. Я раз дал ему 10 рублей, в другой раз—5 рублей".

К делу "султангалиевской контрреволюционной организации" были приобщены материалы на большую группу жителей Казани и Ташкента, которые были обвинены в принадлежности к этой организации. В заявлении от 13 февраля 1930 г., адресованном Восточному отделу ОГПУ, проходившие по делу студенты Восточного педагогического института в Казани М. Курамшин, Х. Джагофаров (Ягафаров), Н. Еникеев и Х. Ширин писали: "Мы... были арестованы еще в начале августа 1929 г. в Казани Тат. отделом ОГПУ по обвинению в контрреволюционной султангалиевщине. Татарский отдел ОГПУ обвиняет нас в нелегальной контрреволюционной работе, в связи с какими-то зарубежными организациями и пропаганде антисоветских идей и применяет к нам ст. 58-4 и 58-10 уголовного кодекса, тогда как Тат. ОГПУ отлично знает, что у нас никаких нелегальных работ не было, а также не было никакой агитации султангалиевских идей. Ибо мы до нашего ареста о султангалиевщине ничего не знали".

Бывшие сотрудники ОГПУ, принимавшие участие в расследовании дела,—Я. С. Айзенбург, К. П. Константинов, Х. С. Петросян—впоследствии были привлечены к уголовной ответственности за фальсификации, допущенные ими при создании и этого "дела". Все обвинения "султангалиевцев" рассматривались во внесудебном порядке, показания в буквальном смысле выбивались.

При обыске 23 мая 1939 г. у бывшего заместителя наркома внутренних дел Татарии М. И. Шелудченко было обнаружено письмо бывшего наркома внутренних дел

Татарской республики В. И. Михайлова. Последний писал: "т. Шелудченко! Грош цена будет делу, если не получили выхода за кордон, в частности Японию, Германию. Гаяз Исхаков является идейным руководителем контрреволюционной организации "Идель-Урал", финансируется со стороны Японии. Есть данные, эmissар организации Курбан-Галиев был у нас в республике, имел встречи. Надо крепко мотать Мухаметзянова на японский, а Лепа на латвийский, германский шпионаж. Требуется факты подготовки к террористической деятельности. Возьми дня на 3—4 лично в работу Султан-Галиева и Сагидуллина. С этой публикой церемониться не следует. Взять от них все до единой капли. Фриновский не возражает эту публику, в крайнем случае, пустить через особую сессию... Все внимание групповым делам с выходом на центр или за кордон. Займись мусульманским духовенством. Оно тесно связано с контрреволюционной организацией панисламистов "Идель-Урал" и т.п. формированиями.

Низовку немедленно изъять, причем увязывая в группу человек 150—200. Надо вычислить, вылизать все корни татарского национального фашизма. Надо нанести сокрушительный удар. Одиночек брать только в крайнем случае, не стоит последним загружаться.

Передай Железникову—изъять всех польских перебежчиков, эмигрантов. Форсировать латышей, так как на этом участке мы работали (далее нецензурные выражения в тексте.—Авт.)... Взять в работу Музафарова и крепко увязать с контрреволюционной националистической организацией Татариин. Москва ждет Марголина 25.01, но если нет выхода за кордон, а заусики есть, лучше задержаться дней на 15, а дать дело. Мухаметзянов, Лепа и другие дадут показания не хуже Разумова. Дай указания начальникам районных отделений немедленно учесть лиц, подлежащих изъятию: татарских националистов-фашистов, контрреволюционное духовенство, карателей, поляков, латышей, повстанцев и повстанческих групп. Я думаю, что по линии только к/р национальных формирований мы должны взять 2—3 тысячи. Я буду просить 5—8 тысяч человек, так как мы работали слабо и участок еще не начат. Надо залезать в периферийное подполье. Чистопольское дело—"гвоздь дня". Займись".

И Шелудченко занялся. Подобные документы и действия в комментариях не нуждаются. Они вне здравого смысла и разума. Дают план на избиение людей, стремятся уничтожить как можно больше... Для чего и кого?

Шелудченко судили в 1939 году. Находясь под арестом, он 23 июня написал Сталину, что выполнял его указания о применении физического воздействия к явным и

неразоружившимся врагам народа. "Я применял,—писал он,—физическое воздействие к таким врагам, как известный Вам Султан-Галиев, который не хотел рассказать правды о своей к.-р. деятельности, несмотря на то, что его два раза судили. Вы говорили о нем, ...что Султан-Галиев вместо ЦК ВКП(б) побежал в Турецкое консульство. Султан-Галиев признался, что с 1919 года он стал орудием иностранных разведок и с того времени вел контрреволюционную работу во всех организациях ВКП(б) тюрко-татарских советских республик, создавая и руководя так называемыми правыми группами".

Дело Султан-Галиева готовилось два с половиной года, но открытый судебный процесс председатель военной коллегии Верховного суда СССР Василий Ульрих, известный палач, провести не решился. Султан-Галиева судили по упрощенной схеме: без вызова свидетелей, прокурора и адвоката, в закрытом порядке. Доказательств виновности Султан-Галиева не было, сам он на суде себя виновным не признал. Чувствуя свою обреченность, измученный нечеловеческими пытками и унижениями, держался с достоинством. "Да,—говорил он,—взглядов Сталина в начале 20-х годов не разделял. Открыто везде указывал, что права автономий надо расширять, а не урезать, людей и нации по сортам делить нельзя, шпионом никогда не был". На вопрос Ульриха, почему же на следствии были другие показания?—Султан-Галиев ответил: "А вот почему. Вначале следственные органы меня убеждали, чтобы я добровольно разоружился и этим самым помог советской разведке. Я виновным себя не признал. После этого меня поставили "на конвейер", в результате которого в сентябре 1937 г. я дал вынужденно ложные показания о своей якобы шпионской деятельности. В данный момент свои показания о связях с агентами иностранных разведок с целью шпионажа я отрицаю" (Известия ЦК КПСС.—1990.—N 10. С. 75—88).

Вместе с Султан-Галиевым взойшли на эшафот 77 человек. Сейчас они посмертно реабилитированы. И можно лишь поражаться судьбе, которая ненадолго продлила жизнь их казанских (не московских!) палачей. Василий Михайлов, 1901 года рождения, нарком внутренних дел Татарии, присланный в республику Ежовым; Матвей Шелудченко, 1898 года рождения, замнаркома внутренних дел Татарии, оба из рабочих, большевики, образование начальное и курсы работников НКВД—были расстреляны 1 февраля 1940 г. по постановлению той же Военной коллегии Верховного суда СССР. Они обвинялись, и справедливо, в том, что, пользуясь служебным положением, проводили массовые необоснованные аресты, поощряли фальсифи-

кацию, применяли методы физического воздействия. Хотя с главным обвинением в их адрес—в преступных целях извращали директивы ВКП(б) и советского правительства—согласиться трудно. Они их не извращали, а неуклонно выполняли, потому Шелудченко в письме Сталину и возмущался—его-то за что, он верно служил, искоренял по инструкции, а его... арестовали... Что имел в виду Шелудченко?

В начале 1939 г. волна массовых репрессий стала слегка ослабевать, в народе глухо заговорили о пытках и издевательствах, творимых в застенках НКВД. Тогда Сталин от имени ВКП(б) их освятил... 10 января 1939 г. его шифрованная телеграмма легла на столы партийных и НКВД-шных функционеров. В ней говорилось: "ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 год с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении и недоразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод" (Известия ЦК КПСС.—1989. — № 3. — С. 145).

После получения подобных директив палачи, подобные Шелудченко, вытягивали признание, в средствах не церемонясь. Они оправдывали себя тем, что выполняли партийные указания и действовали от имени партии, которая всегда права... По иронии или беспощадности судьбы, с исполнителями партийной воли обошлись сурово: многих расстреляли, заключили в тюрьмы и лагеря. А вдохновителей и организаторов хоронили торжественно, их бюсты по-прежнему красуются и, мертвые, они не способны покраснеть и ужаснуться содеянному...

Протоколы заседаний тройки в Казани. Август—сентябрь 1937 года. Члены тройки: наркомы внутренних дел Татарии Михайлов и Алемасов, председатели — секретари ОК ВКП(б) Мухаметзянов и Динмухаметов, прокуроры Лейбович и Перов. Они сменяли друг друга, часто после того, как кто-то из них был арестован. Это пугало, заставляло доказывать преданность неистовым усердием. Погруженность в атмосферу насилия, всевластия над несчастными людьми опьяняла. Кого же они судили?

23 августа 1937 г. тройка приговорила к расстрелу 29 человек, в большинстве за антиколхозные высказывания;

31 августа—51 человек. Среди них—Степан Новичков за то, что увел из колхоза свою свинью; Иван Бычков, бывший эсер, за утверждение, что в стране царит произвол. 8 октября—24 человека: Михаил Вайнер за то, что украл шапку у сотрудника НКВД; 11 сентября—77 человек; 17 сентября—56; 22 сентября—127. Судили по доносам, за “старые грехи”: Михаила Родионова за участие в Кронштадтском мятеже 1921 г.; Андрея Степанова—за сочувствие Троцкому; муллу Казыма Бикчентаева за антиколхозные высказывания; Николая Павлова—за защиту идей Бухарина в Мамадыше. 26 сентября—97. Только за месяц внесудебным решением тройки и только в Казани был уничтожен 461 человек за неосторожное слово, за то, что в гражданскую вначале был на другой стороне, за то, что до революции сочувствовал эсерам или меньшевикам... Убивали не за действие—за слово, по доносам... А может быть, и “слова” не было, просто соседу не нравился, он и написал...

6 января 1938 г. по постановлению тройки расстреляно 202 человека. Султан Шарафутдинов за то, что сравнил Сталина с Магометом; Александр Касторский, профессор Казанской духовной академии за “восхваление Троцкого”... 2 октября—49; 14 октября—79; 3 ноября—51; 14 ноября—61. В тот день был расстрелян Карим Тинчуринов как “японский шпион”; Ксаверий Корбут, 69 лет, поляк и музыкант, за участие в работе мифической троцкистской группы в Казани. Со 2 октября по 14 ноября 1938 г. расстреляно 240 человек.

Еще древние египетские фараоны считали, что страха ради и укрепления власти своей надо убивать невинных, а чем зловещая система, возглавляемая Сталиным, отличалась от старых восточных деспотий? Наверное, более массовыми и более утонченно-ожесточенными методами расправы со своим собственным народом.

Ныне все решения троек, особых совещаний, двоек и других внесудебных органов признаны незаконными, все, кого они уничтожили, посмертно реабилитированы, исполнители в большинстве наказаны, а партийные председатели этих органов? Только те, кто сам попал в неумолимую для того времени мясорубку. Как относиться к бывшим секретарям Татарского ОК ВКП(б). М. Разумову, А. Лепе, Мухаметзянову и многим другим партийным функционерам, вначале способствовавшим работе гильотины, а затем ставшим ее жертвами. Ведь к январю 1938 г. из Татарской партийной организации было исключено 11% коммунистов, 1,3 тысячи репрессированы как враги народа, из 61 члена обкома, избранного в июне 1937 г., арестовано 40. Их жаль по-человечески и в то же время трудно забыть их собственные бесчинства... Они очень быстро во всем

сознавались, не щадили друг друга—хорошо знали методы, которые до собственного ареста поощряли. 14 декабря 1937 г. Альфред Лепа дал показания против председателя Совнаркома республики Кияма Абрамова, заявив, что “он один из руководителей пантюристской организации и не только руководитель подрывной вредительской деятельности контрреволюционных буржуазных националистов, но и сам лично провел большое вредительство (срывал лесозаготовки, строительство дорог, развалил мукомольное дело в республике)”. Нарком юстиции республики Мавлюд Усманов, 1898 года рождения, сын рабочего, образование низшее, специального не имел, член партии с 1918 г., до того санкционировавший массу незаконных арестов, на очной ставке с Абрамовым 17 декабря 1937 года уличали друг друга во взаимной вербовке в “националистическую пантюристскую организацию”. Не хочется их ни в чем обвинять. И все-таки большего уважения заслуживают те миллионы невинных, ставшие в полном смысле слова жертвами массового безумия, охватившего страну в поисках “врагов”, сваливания на них своей трудной, неустроенной жизни...

Это—прежде всего интеллигенция, беззащитная перед властями, по терминологии тех лет—“прослойка”. Она—мятушаяся, сомневающаяся—была не нужна тоталитарному государству, требующему подчинения и послушания. 26 января 1937 г. в “Литературной газете” писатели А. Толстой, К. Федин, Н. Тихонов, Ю. Олеша, И. Бабель, Л. Леонов, М. Шагинян, В. Шкловский опубликовали верно-подданнические статьи с резким осуждением участников проходивших тогда в стране политических судебных процессов. Дзамбул разразился поэмой о наркome Ежове. А вскоре были арестованы и сгинули в лагерях Бабель и Олеша. Не помогли им эти статьи. Сняли с постов, арестовали и позже расстреляли железного сталинского наркома Ежова. Того самого, который в 1921 г. заведовал казанским агитпропом, а до того был питерским слесарем, членом партии большевиков с февраля 1917 г., кто с гордостью писал в анкете, что он самоучка, образования никакого, кличка “Колька-книжник”. Иногда думаешь, а что было бы, если бы тогда, в Казани, люди увидели бы в нем своего будущего палача,—что бы они с ним сделали? Как поступили бы те, кого воспитывали, как писал Багрицкий, так:

А если прикажет солгать—солги,
И если прикажет убить—убей.

Речь идет о партии, давшей заключенных по соотношению к беспартийным как 1 к 10.

Не хочется соглашаться с провидцем Волошиным, считавшим, что вчерашний раб быстро устанет от свободы и потребует новых цепей.

Построит вновь казармы и остроги,
Воздвигнет сломанный престол,
А сам уйдет молчать в свои берлоги.
Работать на полях, как вол.

Трудно осознать поколениям советских людей, что они были рабами и жили среди рабов, пригибаемые к земле страхом. Интеллигенция не могла участвовать в убийствах и терроре и потому сама становилась беззащитной перед теми, кто фанатично верил в Маркса, как первые христиане в Христа. Террор порождает два стана людей: для одних—все позволено; для других—только унижение и страх подвергнуться геноциду за происхождение, национальность, невольное горькое слово...

Жестокость века—самое удобное оправдание тиранов и палачей. На фоне чужой мерзости к своей снисходишь. Но ведь жестокость в принципе оправданию не подлежит, а тиран и палач не могут быть двигателями прогресса!

Жертвами репрессий в Татарии, как и во всей стране, были рабочие и крестьяне, разные категории интеллигенции: военные, партийно-советские работники, хозяйственники, люди творческого труда. Их судьбы трагичны, а жизнь порою кажется бессмысленной...

В конце 1937 г. в Казани были арестованы директор завода киноплёнки Василий Раковский, коммерческий директор Финогенов, начальник технического отдела Алексей Федорин. Судили их за "контрреволюционные троцкистские взгляды", за то, что в установленный планом срок не пустили фабрику. Одновременно под суд пошли токарь Иван Ледяев, электросварщик Гариф Мингалиев. На суде никто из них виновным себя не признавал. Кому и зачем нужно было изолировать от общества, убивать невинных людей? Этот вопрос звучит как рефрен ко всем сфабрикованным в ту пору делам. На него трудно ответить.

В том зловещем 37-м взялись за руководство многих предприятий Казани. Вот характерное дело—сразу на 13 человек: Маршева Николая Дмитриевича, 1901 г. рождения, исключенного из партии в 1937 г. за связь с троцкистами, грамотного, окончившего начальную школу, женатого, по социальному происхождению из крестьян-бедняков, уроженца деревни Малое Фролово Тетюшского района, работавшего до 1 июня 1937 г. на строительстве завода в должности начальника Госсюзстройконторы, русского; Шейнмана Зелика Яковлевича, 1895 г. рождения, инженера-строителя, еврея; Гусарова Ивана Савельевича, 1891 г.

рождения, инженера-строителя, русского; Бурого Константина Киприяновича, 1896 года рождения, главного бухгалтера, белоруса; Ермакова Афанасия Дмитриевича, 1900 г. рождения, техника-строителя, русского; Криволапа Ивана Петровича, 1905 г. рождения, начальника стройучастка, украинца; Махно Бориса Поликарповича, 1906 г. рождения, главного механика завода, украинца; Яковлева Владимира Матвеевича, 1903 г. рождения, инженера-электрика, русского; Кислова Ивана Кузьмича, 1889 года рождения, начальника водозабора, русского; Полякова Александра Михайловича, 1886 года рождения, экономиста, русского; Гизатуллина Назипа Зайнулловича, 1890 года рождения, начальника снабжения завода, татарина; Старова Петра Григорьевича, 1894 года рождения, инженера-моториста, русского; Моргулева Якова Ароновича, 1901 года рождения, инженера-механика, еврея. Им всем инкриминировали создание на заводе "правотроцкистской организации", срыв плана строительства. На суде они все отрицали, заявив, что на следствии "себя оклеветали под морально-физическим воздействием". Директор завода Шахонин под влиянием такого "воздействия" 14 мая 1938 г. на допросе признал: "В антисоветскую организацию, существовавшую в авиационной промышленности, меня завербовал в июне 1937 г. в своем рабочем кабинете... Туполев Андрей Николаевич". Все это были люди в самом расцвете жизни—почти все моложе 30 лет. Многие из них погибли в лагерях. Кому нужно было калечить их жизнь?

Жестокая волна репрессий прокатилась и по Красной Армии, и в результате она была фактически обезглавлена (были уничтожены 90% генералов и 80% полковников). Среди них были и наши земляки. Назовем лишь некоторых из них. Хусаин Багаутдинович Мавлютов родился в 1893 г. в Чистополе, в 1915 г. подпоручик, командир роты, окончил Чугуевское военное училище, большевик с апреля 1918 г., в годы гражданской войны—командир полка 1-й татарской стрелковой бригады, за храбрость и умение командовать награжден двумя орденами боевого Красного Знамени. В 1926 г. закончил восточный факультет Военной академии РККА, свободно владел турецким и персидским языками. Начал успешно работать в военной разведке, полковник. В 1931 г. руководитель советской военной разведки Я. Берзин аттестовал его так: "Тов. Мавлютов Хусаин Багаутдинович, развитой и способный работник с большой инициативой и эрудицией... Во взаимоотношениях с товарищами держится ровно и спокойно, не склонен". 31 июля 1937 года Мавлютов был арестован и расстрелян. Документ о реабилитации 1 июня 1957 г. сообщил, что состава преступления не было!

Ади Каримович Маликов родился в деревне Малые Клеры на Каме в 1897 г. Образование получил в городском Тетюшском училище, Казанской торговой школе, казанской пехотной школе прапорщиков, позже в Военной академии РККА. Большевиком стал в мае 1917 г., работал в Мусульманском социалистическом комитете под руководством М. Вахитова и М. Султан-Галиева. В гражданскую воевал: в 1919 г. возглавил разведотдел штаба Казанского укрепленного района, был начальником штаба 2-й татарской стрелковой бригады, с 1928 г. — на разведывательно-дипломатической работе. О себе Маликов писал: "Затем на дипломатической работе в Турции, Иране, Китае, тюрьмах Москвы, Казани, Куйбышева и лагерях Красноярского края". Маликов был арестован 19 июня 1938 г. Обвинительное заключение военного трибунала Приволжского военного округа 21 мая 1939 г. инкриминировало ему участие в "контрреволюционной правотроцкистской националистической организации", которая была "создана" в казанском гарнизоне в 1931 г. В последнем слове перед трибуналом Маликов говорил: "Винным себя ни в чем не признаю... Я оклеветал на предварительном следствии Чанышева, Имангулова, Сайфи. Клеветать на этих лиц заставил меня следователь, он написал о них эту ложь в протоколе и заставил меня его подписать. Все показания, данные на предварительном следствии, ложные. Они вынужденные, формулируемые следователем и подписаны мной под физическим насилием... В казанской внутренней тюрьме я хотел покончить жизнь самоубийством вследствие невыносимого режима, созданного органами следствия. Меня избивали, устраивали стойки и всячески оскорбляли". Он назвал фамилии следователей: Усманов, Новошинов, Игумнов и проклял своих палачей! Был ему тогда 41 год. Вышел из лагерей в 1954-м, в 57 лет. 16 лет были вырваны из жизни, в которую ему так и не суждено было вернуться. Кто повинен? Маликова полностью реабилитировали и возвратили полковничью форму с полковничьими погонами. Трудно сказать, какие в тот момент его обуревали чувства!

Идут чередой люди с изломанными судьбами. Александр Тальковский, литовский татарин, сын генерала пограничной стражи. Его отец, Александр Османович, командовал в Красной Армии бригадой, в 1920 году — казанскими командными курсами, умер в 1923-м. Сын, 1894 года рождения, окончил гимназию, Павловское военное училище, воевал в первую мировую командиром батальона, в гражданскую был начальником штаба 1-й татарской стрелковой бригады, затем учился в Военной академии РККА, был начальником объединенной татаро-башкирской военной школы в Казани. Его аттестовали так:

“Знающий достаточно военное дело. Энергичен, достаточно политически развит, но недостаточно активен в области политработы”. Потом командовал дивизией, а в феврале 1938-го был арестован. Его освободили в 1940-м за недостаточностью улик, вернули звание, назначили начальником курса в Военной академии, а 23 июня 1941 г. арестовали вновь. Шла война, комдивы с опытом первой мировой и гражданской войн были нужны на фронте. Но бдительное око решило его арестовать и обвинить в связи с немецкой разведкой... Тальковский уверял следователя, что ни в каких военных заговорах он не состоял, что он признал себя виновным в результате избиений во время следствия в 1938—1939 гг., и что он виновен лишь в том, “что на протяжении почти двух лет обманывал следствие и оговаривал невиновных людей”, что шпионажем не занимался и был знаком с немцами, бывшими в 1928—1931 гг. на казанских бронетанковых курсах. Следователь ему не поверил. 23 февраля 1942 г. Тальковский был расстрелян. Реабилитирован в 1956.

Такова же судьба и комдива Мргазияна Галиулловича Крымова. Прошел он через многие испытания и погиб в бою 15 апреля 1945 г. Других не спасла и война. Василий Ефимович Власов, 1901 года рождения, из деревни Черный Ключ возле Набережных Челнов. Воевал в гражданскую, Великую Отечественную закончил генерал-майором, командиром бригады. В декабре 1947 г. Власов разоткровенничался перед группой офицеров, вспомнил Троцкого, его речь перед личным составом полка, то глубокое впечатление, которое эта речь оставила. И тут же последовал донос, что Власов пропагандировал троцкизм. Арестовали генерала, осудили на 10 лет заключения и 5 лет поражения в правах. Дорого обошлись ему минутные откровения. А в чем, собственно, было его преступление? За что искалечили жизнь боевому генералу, не раз доказывавшему свою преданность власти, которая и предала его?!

Национальная трагедия затронула всех. Согласно закону от 1 декабря 1934 года все судебные процедуры были сведены до минимума: срок следствия до 10 дней, обвинительное заключение вручалось обвиняемому за сутки, кассационное обжалование, или подача ходатайства о помиловании, не допускалось, приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно. Этот закон лишь ужесточал и ускорял конвейер репрессий, маховик которых был раскручен намного раньше. Диктатура опирается только на силу, ее власть не ограничена законом. Классовая диктатура не приемлет общечеловеческих ценностей, ибо она сопровождается политикой геноцида, ненавистью и неприязнью ко всему, что противоречит

ей. Одними из первых это почувствовали на себе служители церквей и мечетей, синагог и баптистских храмов. По самым неполным данным, в 1918—1938 гг. было репрессировано только около 250 митрополитов, архиепископов и епископов. Этот список возглавил патриарх Тихон (1865—1925), в конце прошлого века—директор духовной семинарии в Казани. Это он бросил прямое обвинение в 1918-м в адрес тех, кто разжигал гражданскую войну: "Вы разделили весь народ на враждующие между собой страны и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду" (Наш современник.—1990.—N 4.—С. 161). Много священнослужителей было арестовано в 1922 году, во время изъятия церковных ценностей, только в Татарии государство экспроприировало 400 пудов драгоценностей. С 1928 года начались широкомасштабные операции ОГПУ по ликвидации священников, мулл, раввинов, ксендзов. Арестовывались бывшие профессора духовных академий и семинарий, Павел Флоренский из Троице-Сергиевой лавры (вместе с ним арестовано 80 богословов и монахов), 33 человека изолировано в Казани.

Из обвинительного заключения "о контрреволюционной, религиозно-монархической организации филиала контрреволюционного центра "истинно-православной церкви" в Татарской АССР": "В 1930 г. ОГПУ ликвидировало в Татарии контрреволюционную церковно-монархическую организацию, руководимую бывшими профессорами Казанской Духовной Академии В. И. Несмеловым, Н. В. Петровым, бывшим казанским викарным епископом Иоасафом Удаловым, ... священником Н. М. Троицким, ... епископом Нектарием Трезвинским".

Давно замечено, что частое повторение слова "контрреволюционный" было грозным знамением и самооправдательным штампом для тех, кто тем самым пытался уверить себя в правильности преступно-творимого. Осуждены были невинные. Им выпала мученическая дорога к смерти. Но самое необъяснимое то, что их реабилитировали только в марте 1990 года! Что же они совершили, что и после физического ухода в небытие над ними десятилетиями продолжала витать черная тень запрета, поруганной памяти?

22 июля 1931 г. уполномоченный ОГПУ Степанов допрашивал Виктора Ивановича Несмелова, 1863 года рождения, в 1888—1918 гг.—профессора Казанской духовной академии, в 1919—1920 гг.—служащего губстатбюро, в 1920—1922 гг.—профессора истории, философии и логики Казанского университета, в 1922—1931 гг.—без определенных занятий (нигде не брали на работу). Заявил о себе как

стороннике патриарха Тихона. Несмелов говорил следовательно то, что думал, не заботясь, а может быть, не представляя последствий: "Последнее время меня иногда посещали студенты Иван Соколов и Виталий Гринберг, говорили о Гегеле. С теорией материалистов я не согласен. Имен Маркса и Ленина не упоминал, так как ни того, ни другого не считаю философами. К. Маркс с точки зрения философа-мыслителя—самый жалкий немецкий бюргер. В таком свете я только и мог оценить Маркса и Ленина. О том, что учение Маркса и Ленина есть лоскутная философия, или, что это есть догма, убивающая в человечестве все лучшее—в подлинном выражении этих слов—я заявлений никому не делал... Мероприятия советской общественности, касающиеся церкви, одобряя ни в коем случае не могу. Считаю, что духовенство властью притесняется".

Из доноса студента Восточно-педагогического института В. Гринберга: "Я обратился к профессору Несмелову и он высказал мысль: "Нечего марксизму гордиться новизной, это—очень старая философия. Марксизм есть смесь различных философских систем, есть лоскутная философия. Никакого ленинизма в марксизме нет. Есть просто догма, которая убивает всякую свободу мысли и калечит молодежь".

Несмелов, а потом и другие заявляли, что не только не имели отношения, но даже и не слышали о какой-либо церковной контрреволюционной организации в Казани. Привлеченному к этому делу профессору протоиерею Якову Галахову поставили в вину дневниковые записи типа: "Христианство и социализм столь непримиримы, что о мирных отношениях церкви христовой и коммунистического государства нельзя даже мечтать". Нектарию Трезвинскому инкриминировали слова его проповеди: "Лучше старый строй с богом, чем новый без бога". Этого было достаточно, чтобы людей изъять из жизни, сделать бесправными рабами Гулага. "Социализм—это христианство без Бога",—писал русский философ А. Изгоев в 1918 г. Оказалось, что вместе с Богом стала исчезать не вера, а общечеловеческая нравственность и мораль. Беспрекословной веры себе стали требовать люди, отождествлявшие себя с народом и страной. Они ошибались: Родина—это не географическое понятие, это прежде всего человеческая свобода!

Судьба мусульманского духовенства была столь же трагична. В Татарии были расстреляны десятки мулл, закрывались мечети. Под запретом оказались коран, библия, талмуд. Следствием этого стал дефицит совести. Повышению нравственности не способствовало и учение о классовой борьбе и непременной победе, изложенное в

кратком курсе истории ВКП(б) изданной впервые в 1938 г. и ставшей "партийной библией".

"У каждого—своя правда,—считал один из великих русских праведников XV века, основатель знаменитого Кирилло-Белозерского монастыря Кирилл Белозерский.—И пока люди не научатся видеть и уважать чужую правду, цепь злодеяний останется непрерывной". Принципы человечности и нравственности были потеряны, потоплены в людской крови еще в годы гражданской войны. Все последующие репрессии—оттуда, из тех лет. В 1918-м был убит генерал Лавр Корнилов, один из первых руководителей белого движения. Перед отступлением его успели похоронить. Но пришли в Екатеринодар (ныне Краснодар) красные, вытащили тело генерала из могилы и повезли по станицам "для устрашения". (А нынешние мародеры, разрушители памятников и могил, не их ли потомки?!) В советской истории судьбы преступников и жертв тесно переплелись. Романтика и жестокость, слитые воедино, придали их образам трагический оттенок.

22 июля 1938 г. в Архангельске был арестован Мидгат Юнусович Брундуков, 1896 года рождения, бывший член партии, в прошлом нарком просвещения Татарской республики, с 1933 года отбывавший ссылку в этом северном городе как сподвижник Султан-Галиева. Работал учителем в школе для несовершеннолетних нарушителей. В Казани его дело вел сержант госбезопасности Гатин. Он объединил обвинения в адрес Брундукова, Исаака Мустафовича Казакова и Махмута Гадиевича Будаили в одно общее "дело". Все они были участниками борьбы за Советскую власть, и все "вдруг" стали "националистами", связанными с татарской эмиграцией и, прежде всего, с Г. Исааки. Историк М. Сагидуллин на допросе 4 января 1937 г. сказал: "В 1922 г. исполнилась тысяча лет со дня принятия булгарами ислама. К этому готовилась татарская эмиграция. Председатель Совнаркома Татарии Мухтаров заказал профессору Худякову книгу на эту тему. Тот под руководством Г. Максудова и Брундукова выполнил ее, указав на значение ислама в культурной жизни татарского народа. Официальный юбилей не состоялся, Г. Ибрагимов отговорил Мухтарова от этого". Султан-Галиев на допросе 17 марта 1938 г., говоря о совместной работе с Брундуковым, И. Казаковым в Центральной мусульманской военной коллегии в 1918—1919 гг., продолжал: "...встречался с Троцким в 1923 г., сказал ему о недовольстве тюрко-татар решением национального вопроса. Троцкий спросил: "Как же так случилось, ведь вы, кажется, в одно время были заместителем Сталина по Наркомнацу?" Я ответил, что дело не во взаимоотношениях со Сталиным, а в том,

что на партию усиливается нажим русского национализма и это ощущается в национальных республиках и областях. Троцкий обещал защиту”.

Брундуков на очной ставке с Насыхом Фатыховичем Мухтаровым, бывшим владельцем типографии в Казани, позже служащим банка в Уфе, вспомнил 25 сентября 1938 г., что Мухтаров в 1921—1922 гг. имел связь с Г. Исаковым. “В 1921 г.,—говорил он,—у меня и у других татарских правых возникла мысль вернуть в Советскую Россию белоэмигранта Гаяза Исакова... По тогдашнему мнению правых, очень желательно было иметь крупного писателя, способного проводить через художественную литературу пропаганду националистических идей”. Письмо Исакову было отправлено, но тот отказался, сообщил через брата, Хасана Исакова, проживавшего в Казани, что опасается ареста. Примечательно, что формулировки: зафиксированные в показаниях, часто подсказывались следователем.

Из лагерей после 24 лет отсидки вернулся политический деятель и писатель Махмуд Будаили. Его реабилитировали 2 июля 1958 г., признав невиновным. Но в партии как бывшего “султангалиевца” восстановить отказались. Это произошло лишь посмертно, в 1989 году. Будаили умер в 1975 г., так и не получив ответа на вопрос, заданный им в одном из заявлений в Татарский ОК КПСС: “Неужели я умру, так и не добившись справедливости?” Этот недоуменный вопрос задавали себе миллионы людей. И те, кто погиб в застенках Гулага, и те, кто вернулся.

Ибрагим Зарифович Амирханов и Михаил Ксаверьевич Корбут не вернулись. Оба были расстреляны решением “тройки”. Амирханов—3 ноября 1938 г., Корбут—1 августа 1937 г. В их судьбе есть то, что роднит их с судьбой российских интеллигентов, это потрясающая беззащитность перед властью имущими, перед тоталитарной государственной машиной. Амирханову в год расстрела исполнилось 49 лет, Корбуту—38. Обоим бы еще жить и работать...

Амирханов родился в Казани в семье муллы и получил хорошее образование. Закончил медресе, американский колледж в Бейруте, был учителем, солдатом. В 1918 г. вернулся в Казань и был избран народным судьей, в 1918—1937 гг. был членом партии большевиков, работал в Наркомате юстиции Татарии, был членом ее верховного суда, сотрудником посольства СССР в Саудовской Аравии, помощником прокурора республики, а после исключения из партии—юридическим консультантом фанерного завода в Казани. На первом допросе 23 декабря 1937 г. он отрицал все нелепости обвинения, признав только одно: он под-

твердил, что Фатих Амирхан его брат. В феврале 1938 г. Амирханов "признался" в том, что был японским шпионом. 14 октября 1958 г. его посмертно реабилитировали.

Из справки КГБ республики Татарстан о Корбуте. "20 февраля 1933 г. Постановлением особого совещания при ОГПУ Корбут осужден по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР на 3 года ссылки в Казахстан, 7 февраля 1936 г. особым совещанием при НКВД СССР по той же статье осужден к 3 годам ссылки в Казахстан, 22 июня 1936 г. постановлением особого совещания при НКВД СССР заключен в лагерь "Ухтпечлаг" на 5 лет. 29 декабря 1936 г. по указанию НКВД ТАССР этапирован в Казань и привлечен в качестве обвиняемого по делу "правых" в Казани (по делу Слепкова В. Н.) по ст. 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР, содержался в Казанской тюрьме. 1 августа 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР в закрытом судебном заседании в г. Москве приговорила Корбута по вышеуказанным статьям УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение в Москве 1 августа 1937 года. 28 июля 1956 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 1 августа в отношении Корбута отменен, дело о нем в уголовном порядке производством прекращено за отсутствием состава преступления".

Итак, преступления не было, но нет и человека. Тогда же был расстрелян и его отец, старый музыкант, пенсионер, воспитавший многих казанских музыкантов, в их числе и знаменитого Салиха Сайдашева... В чем же все-таки обвинялся Михаил Корбут, чьи злключения начались в 34-летнем возрасте? Это был талантливый историк, автор 26 научных работ, в том числе лучшей и до сего дняшнего дня двухтомной истории Казанского университета, опубликованной в Казани в 1930 году. Он работал доцентом и профессором университета, заведовал рабфаком, архивом, был ректором Казанского института сельского хозяйства и лесоводства, с 1930 г. — заместителем директора Татарского научно-исследовательского института по экономике. На допросах Корбут виновным себя ни в чем не признавал, утверждая, что он "контрреволюционной деятельностью не занимался, а допускал только ошибки". К ним Корбут отнес свое отношение к Троцкому. "Снятие Троцкого с поста Наркомвоенмора мне показалось несправедливым. Мне казалось, что Троцкого партия обижает", — говорил он. За сочувствие он был зачислен в троцкисты. В 1930 г. Корбут навещил в Москве Г. Е. Зиновьева, официально назначенного, но фактически не ставшего ректором Казанского университета. И немедленно был

назван... зинovieвцем и оппозиционером. В последнем слове на суде Корбут заявил, что партию критиковал, но "террористических" разговоров не вел, что врагом народа не был. На заранее приготовленный приговор его речь никоим образом не повлияла.

Страшно, когда убивают одного невинного человека, а когда тысячи, миллионы? Надо бы написать о всех, упомянуть каждого, воздать невинно убиенным хотя бы добрым словом! Но как это сделать, если неизбежно стоят памятники организаторам массовых убийств? У некоторых народов есть обычай не хоронить в земле преступников, поднявших руку на свой род. Может, поэтому многие из убийц не покоятся в земле, и урны с их прахом замурованы в стенах... Не нужно разрушать могилы, но, может быть, на мраморных табличках следует написать: это убийца и преступник!

11 сентября 1941 г. 157 заключенных орловской тюрьмы были расстреляны по приговору военной коллегии Верховного суда СССР. Дополнительного следствия не было, судьи, не видя приговоренных, утвердили список, подписанный Сталиным. Среди них бывший студент Казанского университета, учитель, председатель Свияжского уездного крестьянского Совета в 1917 г., левый эсер Илья Майоров. Ныне все они—157 человек—реабилитированы. Давно нет в живых и судей-палачей: В. Ульриха, Д. Кандыбина (хорошо известного казанцам председателя ГПУ в 20-х), В. Буканова. Оказывается, они ни в чем не виноваты,—так заявил главный военный прокурор страны 12 апреля 1990 г.—они просто выполняли приказ! А если приказ преступный? Суд должен быть независим, иначе судья такой же преступник, как и отдавший приказ, и реабилитация наравне со своей жертвой не подлежит.

Из 70 с небольшим советских лет большая часть — войны, голод, террор, волнами набегающие репрессии, гибель невинных людей не от ножа бандита или пули противника, а в результате целенаправленной политики государства против своего народа... Внутреннее опустошение рождало цинизм, презрение к людям, защита человеческой личности стала выглядеть странной. Началось все это давно, об этом писал еще Николай Гумилев, поэт, один из первых невинно погибших:

Крикну я... Но разве кто поможет,—
Чтоб моя душа не умерла?
Только змеи сбрасывают кожи,
Мы меняем души, не тела...

В годы гражданской войны так называемое революционное преобразование мира, по существу, вылилось в варварство, в удушение людей, которые считали, что

освобождаются от гнетущего пресса нищеты и несвободы, а на самом деле попали в еще более невыносимую обстановку повседневного насилия над малейшим инакомыслием. Гражданская война оставила в наследство беззаконие и человеческое опустошение. Смерть, убийство стали обычным, будничным явлением. Это порождало страх и безразличие ко всему, что не касалось лично тебя. Большевики начинали с мести старому режиму, но заряд ненависти и озлобленности оказался столь сильным и мощным, что в этом пламени сгорели многие из "поджигателей", и перманентный поиск врагов привел к геноциду целых народов и сословий. Понятия были настолько извращены, что уничтожение "врага" стало составной частью гуманизма.

Сколько тогда погибло поэтов и прозаиков, сколько их прошли через гулаговские испытания—никто не знает. Было репрессировано около двух тысяч членов Союза писателей, но если Евгения Гинзбург вернулась писателем из лагеря, то сколько не вернулось? Сколько было уничтожено талантов, которые были совестью народа, его заступниками и кого судили, выдвигая универсальное тогда обвинение—национализм. Разве есть идеи, ради которых можно было бы распорядиться чужой жизнью? Из национальной литературы изымались целые периоды. Называются цифры расстрелянных, доведенных до преждевременной смерти писателей: украинцев—128, узбеков—72, белорусов—46. А сколько русских, татар, евреев, других представителей многонациональной страны было уничтожено?!

Когда-то Борис Пильняк задал сакраментальный вопрос: коммунисты для России, или Россия для коммунистов? Сталин и его окружение ответили утвердительно на вторую часть вопроса, с отметкой, что не для всех коммунистов, а только для тех, кому они определяют жить. То же было и в литературе. Расстреливали, убивали не только писателя, но и саму память о нем, его книги и рукописи. При арестах изымалось и, как правило, сжигалось многое из того, что, по мнению гопэушников, не представляло никакой ценности. Опубликованное передавалось в спецхраны и изымалось из библиотек, имена вымарывались из учебников. Это касалось не только тех, кто был растерзан на родине, но и тех, кто ее покинул. Большинство "писательских" дел в Татарии увязывали в те годы с именем Гаяза Исхаки.

Он был сыном муллы из деревни Яуширма неподалеку от Казани. Ко времени Октябрьской революции ему исполнилось 39 лет. Это был полный сил и творческих замыслов

Гаяз Исхаки

политический деятель, писатель и редактор. Годы его учения прошли в Чистополе и Казани. Он автор около 50 литературных произведений, во всех—тревога за судьбу, будущее своего народа. В начале века Исхаки заявил о себе изданием нелегальной газеты "Тэрэккый" (Прогресс) и обозрения "Хоррият" (Свобода), затем нелегальных газет "Таң йолдызы" (Утренняя звезда) и журнала "Таң" (Заря), "Ил" (Страна). Девизом для своих газет он избрал слова: "Свои права обретем в борьбе". До революции его не-

сколько раз арестовывали, ссылали. Но характерно другое—тогда во имя свержения самодержавия в России все татарские демократы были вместе, их развела лишь Октябрьская революция.

Для доказательства этого утверждения сошлемся на такой своеобразный источник, как доносы провокаторов в Казанское губернское жандармское управление. Один из них, Тухватулла Мамлеев, доносил в сентябре 1911 года о кружке татарской молодежи, в который входили Б. Ахтямов, Х. Ямашев, Г. Кулахметов, Г. Губайдуллин, сестры Терегуловы и другие. По его сведениям, среди кружковцев были социал-демократы и эсеры. Но "Ямашев и Ахтямов,—отмечал осведомитель,—пытались придать кружку социал-демократический характер". В марте 1914 года Мамлеев в очередном доносе отмечал стремление создать два кружка среди татарской молодежи, один социал-демократического направления (руководитель Г. Сайфутдинов), другой—национальный (руководители А. Давлетшин и Г. Исхаков). Об Исхакове Мамлеев писал: "Известный своей революционной деятельностью и скрывшийся из мест высылки из Архангельской губернии татарин-литератор Мухамед Гаяз Исхаков проживает нелегально в Петербурге и бывает часто у муллы Л. Исхакова..."

Они все хорошо знали друг друга, общались, спорили и мечтали о будущем. Из досье Казанского жандармского управления: "В 1895—1900 гг. в Казанской татарской учительской школе был кружок, во главе которого стояли Гаяз Исхаков, Садретдин Максудов, Гумер Терегулов и Хусаин Ямашев. Они изучали русскую литературу, и под влиянием газеты "Тарджиман" и русской литературы стали создавать татарскую литературу". Объяснение примитивно и неверно: татарская литература имеет многовековые

корни и традиции. Важно другое—они, позже разошедшиеся по партиям и организациям, начинали вместе. В мае 1915 года очередной доносчик писал казанским жандармам о том, что состоялось два собрания татарской молодежи, одно в квартире Шигаба Ахмерова, устроенное татарским актером Абдуллой Кареевым, а другое—на квартире учителя Гафура Кулахметова, заведующего русским классом в медресе Галеева (“Галия”). На собраниях говорили о скором приезде в Казань Г. Исхакова, у которого оканчивался срок надзора полиции в Вологодской губернии. “Ожидают его как своего будущего руководителя и вдохновителя”.

Г. Исхаки не признал режим, установленный большевиками на его родине. В 1919 году он отправился на Версальскую мирную конференцию как представитель штата “Идель-Урал” и обратно уже не вернулся. Но не признать режим, критиковать его—не значит быть врагом народа, хотя обычно любой режим стремится представить себя выразителем интересов народа. Он был в разных странах мира, где были созданы татарские общины, написал книгу о несостоявшейся культурно-национальной автономии “Идель-Урал”, издавал журнал “Янга милли юл”, где подверг яростной критике советскую национальную политику. Его политическая и литературная деятельность за рубежом вызывала ответную негативную реакцию и неприязнь, способствовала превращению его имени в жупел “врагов” и “националистов”. Потому так часты были обвинения в 30-х годах к писателям в связи с тем, что означало тяжелый приговор.

Службы НКВД завели на Исхаки досье, фиксировали его участие в зарубежных съездах мусульман: в Палестине (1931 г.), Мукдене (1935 г.), установили создание им в Берлине (1934 г.) “Культурного общества тюрко-татар (мусульман)” и др. Вскоре после окончания Великой Отечественной войны, когда органы “Смерш” (военная контрразведка “Смерть шпионам”) начали фильтрацию в советские лагеря Гулага бывших военнопленных, представителей тюркских народов, интерес к Исхаки как политической фигуре обострился. В ноябре 1945 г. бывший пленный старшина Ф. Муратэв сказал сотруднику “Смерш” на допросе, что особенно активно ратовал за объединение мусульман России Исхаки; спустя год арестованный М. Курбангали сообщил, что он еще в 30-е годы в Мукдене выдвинул в противовес идее Исхаки о создании государства “Идель-Урал” “Урал-алтайский вариант”, так как эта территория менее окружена русскими и потому менее уязвима. В апреле 1949 г. МГБ СССР объявило союзный розыск на Исхаки в связи с его возможным появлением

в стране. В деле хранятся десятки ответов из Крыма, Молдавии, Еврейской автономной области и других мест о том, что Исхаки там не проживает. На всякий случай было установлено наблюдение за его сестрами, проживавшими в Ташкенте и Чистополе, двоюродным братом и друзьями, жившими в Казани. И только после сообщения агента из Турции о том, что Исхаки умер в Анкаре 24 июля 1954 г., розыск был прекращен и его приметы (среднего роста, плотного телосложения, волосы седые, лицо круглое, полное) перестали рассылать.

Культура не знает границ, времени, режимов. Нельзя сказать: Валиди, Исхаки—часть советской культуры, но можно и нужно: это составная часть культуры татарского и башкирского народов. Творчество и чиновничья вседозволенность—антиподы.

Ныне мы столкнулись с еще одной проблемой того проклятого прошлого: многие мусульманские народы страны не могут прочесть тексты... на родном языке. Непонятна им арабская вязь, на которой писали столетиями предки. Десятки лет по указке "сверху" они читают и пишут, пользуясь не арабской графикой, а "предложенной" им кириллицей. Так была репрессирована национальная культура и надолго прервана связь поколений. Так бывает, когда к руководству культурой приходят манкурты и торжествует номенклатура, должность, а не знание, уважение к прошлому своего народа.

Разгром культуры и последующее ее "директивное" развитие продолжались слишком долго, чтобы можно было бы быстро восстановить утраченное. Разрушали и строили новое не только в конце 20-х и 30-х годов, но и в годы Великой Отечественной войны, когда в 1944 году было принято постановление ЦК ВКП (б) "О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации", объявившее даже эпос об Идегее (XIV в.) образцом пропаганды национализма!

В первые годы войны на территории Татарии нашли приют многие эвакуированные писатели, деятели науки и искусства. Судьба некоторых из них сложилась трагично. Не выдержав издевательств чиновников, погибая от голода и безработицы, увидев безысходность своего существования, 31 августа 1941 г. в Елабуге повесилась Марина Цветаева. Ее сестра, Анастасия Цветаева, писала, что Марина покончила счеты с жизнью не от нищеты, а потому, что устала от жизни. Пастернак, живший тогда в Чистополе, почувствовал вину перед погибшим поэтом:

Что сделать мне тебе в угодую—
Дай как-нибудь об этом весть,
В молчанье твоего ухода
Упрек невысказанный есть.

На заявление Цветаевой о помощи в устройстве на любую работу отмолчались, а потом оправдывались: кому тогда, во время войны, не было трудно? Конечно, жизнь у всех одна, но люди не одинаковы. Талант—явление редкое и уникальное, он—национальное богатство. Его следует лелеять, а не стараться уравнивать и унижить. Горький еще в 1918 возмущался решениями армейских комитетов всех отправлять на фронт. “Посылать на войну талантливых художников—такая же расточительность и глупость, как золотые подковы для ломовой лошади”,—писал он в “Несвоевременных мыслях”. Горький делал вывод, что лозунг “культура в опасности!” страшнее лозунга “отечество в опасности!” Его не послушали ни тогда, ни позже, когда и сам он отказался от этого мнения.

Вероятно, Цветаеву не взяли на работу уборщицей конторы директора совхоза и потому, что она находилась под наблюдением представителей госбезопасности. Они никого и ничего не выпускали из поля зрения. А тут поэт, вернувшийся из-за границы, и у которой расстрелян муж как враг народа. Наверное, все это вместе сделало жизнь Цветаевой невыносимой, и она решила махом покончить со всем: не выдержала душа, измученная, израненная и больно реагирующая на всякую несправедливость. Цветаева писала в дневнике: “Я постепенно утрачиваю чувство реальности: меня—все меньше и меньше, вроде того стада, которое на каждой изгороди оставляло по клочку пуха... Никто не видит, не знает, что я год уже ищу глазами кряк... Я год примеряю смерть. Все уродливо и страшно... Я не хочу умереть. Я хочу не быть... Моя жизнь очень плохая. Моя нежизнь... Я сейчас убита, меня сейчас нет, не знаю, буду ли я когда-нибудь...”

В связи с этим вспоминается еще один эпизод—случай со вполне “благополучным” по тем временам человеком. Народный артист, любимец публики Сергей Лемешев в воспоминаниях “Путь к искусству” (М., 1982.—С. 182—183) писал: “Не успел я в первую военную зиму спеть десятка два спектаклей и концертов, как у меня открылся активный процесс в правом легком. Вместо театра я очутился в больнице. Стоял ветреный и выюжный февраль 1942 г. Через два месяца меня отправили на лечение в Елабугу... Чистый, смоляной воздух быстро помог мне почувствовать себя здоровым—в лесу пелось свободно, легко!” Не знал певец, что чуть не угодил тогда в капкан, расставленный необычайно “бдительными” людьми, оправдывавшими неописуемым усердием свое пребывание в тылу в годы великой войны...

23 июня 1942 года из Москвы в адрес наркома внутренних дел Татарии майора госбезопасности Габитова

поступила служебная телеграмма: "24 мая 1942 г. из Москвы в Елабугу (ул. Маленкова, д. 11) выехали к Франио на летнее время разрабатываемые нами по подозрению в шпионаже в пользу немцев Верзер-Лемешева Любовь Арнольдовна с мужем Лемешевым Сергеем Яковлевичем. Просьба обеспечить их агентурным обслуживанием и сообщать о всех проводимых мероприятиях". И подпись: зам. начальника 2-го управления НКВД СССР старший майор ГБ Райхман.

"Операция" была поручена старшему лейтенанту госбезопасности Татарии Козунову. Из докладной записки последнего: "Лемешев Сергей Яковлевич, 1902 года рождения, беспартийный, артист оперы; Лемешева Любовь Арнольдовна (его вторая жена), 1906 года рождения, уроженка г. Винницы, еврейка, беспартийная, артистка Московского художественного театра. Из Москвы Лемешевых провожала жена Молотова—Жемчужина П. С.

В г. Елабугу Лемешев приехал к Франио Зинаиде Анатольевне, 1893 года рождения, русской, беспартийной, работает зав. хозяйством детского интерната хозяйственного управления СНК СССР, проживает по ул. Маленкова, д. 11, у которой находились несколько дней. С Франио живет второй муж—Ребрик Николай Иванович, 1875 года рождения, беспартийный, русский, бухгалтер и кассир детского интерната хозяйственного управления СНК СССР.

Франио нашла для Лемешевых комнату в д. N 55 по ул. Ленина. Это дом старухи Горячкиной, глухой. С ней живет сын, его жена и трое детей. Лемешев занимает одну комнату в 14 метров на 2-м этаже. Лемешев с женой бывает каждый день у Франио. У них дружба, он даже согласился петь с ее разрешения".

Затем пошли донесения Козунова, окружившего Лемешевых своими "агентами", запуганными им людьми, докладывавшими о каждом шаге певца. В донесениях сообщается и о странностях: Лемешев с женой не ходят рядом, а один за одним. Козунов предложил организовать в Танаевском лесу засаду и выяснить: ходит Лемешев по грибы или к радиопередатчику. И организовал... Лемешевы погуляли по лесу, ушли, а вскоре уехали из Елабуги...

А сколько еще подобных фактов остаются неизвестными! Они—страшное напоминание о том недавнем прошлом, когда все должны были думать одинаково, а значит—не мыслить самостоятельно, ибо твои думы и личная жизнь—под надзором...

Эпизодические попытки противодействовать репрессиям, тоталитаризму были неэффективными и не имели большого значения. Открыто противостоять напору демагогов и карателей рисковали немногие. Пассивность и равноду-

шие, цепенящий душу страх становились национальным бедствием. К тому же многие из руководителей, сложивших голову в 1937 году, на самом деле были "героями" чрезвычайок, раскулачивания, выколачивания хлеба из умирающих деревень, преследования инакомыслящих, а потому их арест воспринимался зачастую как заслуженная кара. И все-таки многие были арестованы за то, что или выражали несогласие, или сомневались в политике террора, отказывались сами принимать участие в этой кровавой вакханалии.

В Казани известно несколько подобных случаев. В 1928 г. был арестован Анатолий Петрович Жаков, член партии с 1917 г., преподаватель обществоведения. Был обвинен в троцкизме, в том, что отказался назвать людей, дававших ему читать запрещенные книги. У его жены, Любови Харлампиевны, были обнаружены и изъяты листовки "В защиту ленинизма". Оба сгинули в лагерях, реабилитированы только в апреле 1989 г.

21 ноября 1937 г. младший лейтенант госбезопасности Юрченко арестовал младшего лейтенанта госбезопасности Аухадеева Сулеймана Аухадеевича, 1905 года рождения, члена партии с 1928 г., из семьи крестьянина-бедняка, работающего в органах ОГПУ—НКВД с 1932 г., и посадил его в камеру тюрьмы N 2. Он обвинил Аухадеева в том, что тот "расшифровывал оперативные мероприятия УГБ перед классовым врагом" и "высказывал контрреволюционные суждения". В доказательство приводилось свидетельство осужденного как врага народа работника наркомата юстиции Фаизова, при встрече с которым Аухадеев говорил, что прокуратура не осуществляет надзор за органами НКВД, что имеются случаи зверского обращения с заключенными, к ним применяется насилие.

Аухадеев это все отрицал. Но если б и говорил, то говорил правду! Аухадеева осудили на 5 лет в Ухтпечорские лагеря. Он стал писать жалобы, требуя пересмотра дела, считая себя жертвой провокации. 15 ноября 1938 г. в письме-жалобе на имя Генерального прокурора Аухадеев подчеркивал, что его "репрессировали враги народа за непримиримую борьбу с ними", в другом—возмущался исключением из партии невинного человека, что "является лишним подтверждением того, насколько и какое бездушное отношение было проявлено к члену ВКП(б)".

Позже выяснилось, что дело было "состряпано" капитаном Веверсом, показания против Аухадеева написаны по его поручению. Аухадеев проявил мужество—отказался выполнить приказ капитана—идти в расстрельную команду и убивать невинных людей. Он не отказывался их сажать, но на большее согласиться не мог. И поплатился...

Такие случаи были, их немного. Общей мрачной картины и статистики они не меняют.

С 1954 года, вот уже почти 40 лет, идет процесс реабилитации невинных. Восстановлена память о миллионах. Но в 1991 году еще ждали своей участи 700 тысяч в основном посмертных дел. Сколько времени нужно, чтобы уничтожить человека—секунда, чуть больше, чтобы убить память о нем. Десятилетия стали необходимы системе, чтобы признать свою неправоту, но не покаяться за истечением времени. Покаяние—только в кино, в жизни его мало, дефицит довлеет над всем и вся. В Татарии реабилитировано более 42 тысяч человек, осужденных по разным пунктам 58-й статьи, но во много раз больше тех, кто пострадал во время насильственной коллективизации. В 1991 г. оставалось в живых на всю страну не более 100 тысяч старых и больных бывших политзеков.

* * *

В начале нынешнего века Василий Ключевский оспаривал утверждение Гегеля.

“История никого ничему не научила”,—говорил знаменитый философ.

“История учит даже тех, кто у нее не учится; она их проучивает за невежество и пренебрежение”,—возражал именитый историк.

Наверное, нужно признать, что в этом споре Гегель был более прав. Каждое новое поколение, несмотря на опыт предыдущего “проучивания”, предпочитает свой путь испытаний. Человек стал уничтожать себе подобных намного раньше, нежели научился читать и писать. Но только в тоталитарных обществах насилие становилось государственной политикой и тогда исчезало главное: цена и смысл человеческой жизни. “Весь мир насилия мы разрушим...”—пели торжественно победители в октябре 1917-го и создали общество, поразившее цивилизованный мир невиданным разгулом принуждения, беспределом, непрерывной гражданской войной, гибелью миллионов невинных людей, нищетой и страданием большинства населения.

“Все процессы реакционны, если рушится человек”,—писал Андрей Вознесенский. В XX веке в России человек рушился физически и нравственно, но стал понимать это, только чуть выглянув из кровавой, исполненной подозрения и взаимной ненависти, бани бытия. Оказалось, что не обещание свободы, а только свобода превыше всего, что властителей дум нельзя навязать, а неутоленная жажда власти не есть главный смысл жизни. Возрождающееся чувство собственного достоинства и независимости отвергает

насилие как силу разрушительную, а не созидательную, не принимает произвола над интеллектом и насаждавшуюся конфронтацию между людьми.

Нужно ли было пройти через столько смертей и унижений, чтобы это понять, а поняв—отвергнуть? Трудно ответить на этот вопрос однозначно. Замороженные тотальной пропагандой люди, убежденные, что они живут за железным занавесом, но в самой демократической и вольной стране, сначала не понимали, что же с ними произошло, почему их арестовали? Они были готовы обвинять в этом кого угодно, но только не Сталина и большевиков (многие были членами этой партии). Поэт Николай Заболоцкий позже писал о своих арестантских впечатлениях: истязуемые заключенные не могли понять, за что их бьют, издеваются. "Тень догадки мелькала в головах наиболее здравомыслящих людей, а иные, очевидно, были недалеки от истинного понимания дела, но все они, затравленные и терроризированные, не имели смелости поделиться мыслями друг с другом, т. к. не без основания полагали, что в камере спуют соглядатаи и тайные осведомители, вольные и невольные. В моей голове созревала странная уверенность в том, что мы находимся в руках фашистов, которые под носом у нашей власти нашли способ уничтожать советских людей, действуя в самом центре советской карательной системы" (Минувшее.—М., 1990.—N 2.—С. 325). Нужно было время, чтобы понять, что уничтожали советских людей не какие-нибудь, а собственные фашисты, захватившие власть в стране.

Эта книга—наша скорбь о живых и мертвых, жертвах неслыханного в истории людей беззакония и надругательства над личностью человека. В ней очерки о некоторых из них, протест против своеобразной реализации древнего римского закона "Осуждения памяти", согласно которому следовало или забыть, или только осуждать обвиненного некогда человека. Старая легенда рассказывает о еврее Агасфере, обреченном на вечные скитания в наказание за глумление над Иисусом Христом. Не хочется быть Агасфером, хочется помочь блуждающим душам невинных жертв произвола обрести покой хотя бы в людской памяти. Трудно, очень трудно найти для этого необходимые слова в пору, когда девальвация коснулась и обычного человеческого слуха, и чувства многих не реагируют, не возмущаются соседской трагедией или убийством незнакомцев. Надежда только на пробуждение...

ОПЕРАЦИЯ “НАЦИОНАЛИСТЫ”

Вероятно, еще в 20-х началась задуманная провокаторами из местного большевистского руководства и ГПУ преступная акция по ликвидации части дореволюционной татарской интеллигенции.

В следственных и оперативно-доносительских, сшитых суровыми нитками, толстых томах (их более 20) собраны “доказательства” по “делу Атласовской контрреволюционной националистической, повстанческой, разведывательной организации”.

В начале, как и положено, приметы “главы”—Атласова Хади Мифтахутдиновича, 1876 года рождения, из деревни Старое Чекурское Буинского уезда Симбирской губернии: высокого роста, толстый собою, круглолицый, нос большой, серые глаза, большой рот, волосы на голове черные, стрижен под машинку, черные средние усы, борода тоже с проседью, носит простые усы, ходит тихо и говорит тоже (данные 1922 года, за 15 лет до гибели). Тут же подробная биография с акцентом на знакомства, на лиц, эмигрировавших из Советской России... Итак: Атласов закончил сельскую школу, Буинское медресе, работал учителем в Альметьевске (1903—1906 гг.), увлекался немецким языком и литературой (Гете, Шиллер), учением Дарвина, политикой и революционными преобразованиями. Для сельского муллы круг интересов достаточно широк. В 1905 г. начал сотрудничать с газетами “Азат” (“Свободный”) и “Азат халык” (“Свободный народ”), сочувствовал эсерам как деревенский житель, бывая в Казани, познакомился с Ф. Туктаровым, Г. Исхаки, Х. Ямашевым. В 1906 г. Атласов—делегат Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде, в феврале 1907 г. избран депутатом II Государственной думы от Самарской губернии.

Из письма отчаявшегося человека Сталину. Атласов, 22 мая 1935 года: “Я старый общественный и научный деятель, и революционер тюрко-татарского мира, работаю на этом поприще начиная с последних лет прошлого столетия... Я один из первых татарских революционеров, один из тех немногих, которые первыми начали войну против русского самодержавия и мусульманского духовенства, я один из тех первых, которые первыми начали преподавание в татарских школах научных дисциплин, как география, естествознание, физику, арифметику.

На общественном поприще был на сравнительно крупных постах: был членом II Государственной думы, где состоял во фракции эсеров. В этой партии я пробыл, начиная с 1905 года по 1918 год, причина моего выхода из этой партии—расхождение со взглядами с.р. на Брест-Литовский договор и по вопросу о войне.

За брошюру, написанную мною в 1906 г. и за революционную деятельность я был осужден в 1909 г. на заключение в крепость и в том же году был отстранен от должности. С 1908 г. по 1917 г. я находился под надзором полиции и был лишен прав".

Из последнего слова Атласова на суде в 9 часов утра 24 октября 1937 года, за четверо суток до объявления смертного приговора: "Я старый общественник. Я историк, педагог. Еще задолго до революции я начал знакомиться с пантюркистским движением. Я выписывал газеты из-за границы. Через эти газеты я ознакомился с пантюркистским движением. В 1900-х годах я стал знакомиться с европейской литературой и с русской литературой. Я был хорошо знаком с политикой... С конца 1905 года я начал знакомиться с социалистическими произведениями. Я сделал открытие, я решил, что нельзя всех русских считать противниками мусульман. Я предполагал, что есть люди, которые защищают интересы угнетенных классов, угнетенных национальностей. Я начал постепенно знакомиться с марксо-энгельсовскими произведениями, во мне произошел крупный переворот. Я—сын муллы, но я вырос сиротой. В детстве я занимался крестьянством. С 15 лет я сочувствовал социалистам-революционерам. С произведениями Ленина я не был знаком до 1905 года. Начиная с 1901 года я начал писать свои произведения. В 1902 году мной была издана первая книга "Естественная история". Затем я начал заниматься историей. В 1907 году я был избран членом Государственной думы. Я примыкал к социалистам-революционерам. В думе были две мусульманские фракции, нас шесть человек отделилось и работало вместе с социалистами... Во время самодержавия мной была написана книга, за которую в 1909 году я был привлечен к ответственности и осужден. Моя брошюра была сожжена...

Я не отрицаю, что я пантюркист. Я был социалист, потому что Энгельс говорит, что та нация, у которой нет собственной территории, нет собственной культуры, не может создать социализма. Я никогда не говорил, что мы должны создать такое государство, которое бы господствовало над другими национальностями. Я боролся против великодержавного шовинизма, я этого не отрицаю. Как историк я занимался вопросами дегенерации, вопросом вымирания. Я считаю, что татарская нация постепенно вымирает... Вымирание продолжалось и при советской власти. В 1921 году около четырех тысяч татар умерло от голода... Я горжусь тем, что на скамье подсудимых сидят татары... Меня здесь очень обижали, особенно татарские коммунисты. Меня лишили прав. Я—историк.

При советской власти история не преподавалась в школах... Я считаю, что религия нужна, что моментальное уничтожение религии ведет к вырождению нации... Я человек бывший, а не настоящий: бывший педагог, бывший эсер, бывший член Государственной думы, бывший историк... Я революционер, националист и пантюрист. Целью моей было создание единого тюрко-татарского, независимого государства, но к этому я хотел идти только путем эволюции... Я противник восстания. Шпионской деятельностью я не занимался и в этом считаю себя чистым... Я заявляю, что я не принципиальный враг советской власти; бороться против власти, которая борется за освобождение наций и всего пролетариата, считаю для себя преступлением... Деятельности контрреволюционной я не вел".

Эти длинные выдержки из документа представляют нам человека, с достоинством сумевшего дойти до края своей жизни и не согнуться, принять незаслуженные муки и выстоять...

23—28 октября 1937 г. выездная сессия Военного трибунала Приволжского военного округа под председательством бригаадного юриста Микляева, членов: военюриста Гранга Тулина, военюриста Кутушева, секретаря-военюриста Княшевского на закрытом судебном заседании в Казани рассматривала дело Атласова и еще 24 "подельщиков". Судили татар, в основном учителей, в качестве переводчика был вызван 3-й секретарь Бауманского райкома ВКП (б) Улунбеков.

В обвинительном заключении, составленном следователем, лейтенантом госбезопасности Музафаровым и утвержденном заместителем наркома внутренних дел республики майором Ельшиным, утверждалось, что к 1937 году "на территории Татар. АССР на протяжении многих лет существовала широкоразветвленная, контрреволюционная, националистическая, повстанческая, разведывательная организация, созданная по указаниям представителей иностранного государства (иноразведки), занимавшаяся контрреволюционной работой по подготовке свержения советской власти, с целью образования на территории СССР т. н. независимого тюрко-татарского государства буржуазно-демократического строя. Организацию непосредственно создал и ею руководил главный обвиняемый по настоящему делу Атласов Гади, известный в СССР татарский буржуазно-националистический деятель, пантюрист, бывший правый эсер, бывший член 2-й Государственной думы, бывший белогвардеец, дважды судимый в прошлом за контрреволюционную деятельность".

Дело слушалось без участия обвинения и защиты, с вызовом наиболее важных свидетелей. Их было 16, они были

напуганы и подготовлены следствием—все обвиняли и разоблачали подсудимых. Но не обошлось без казусов. Подсудимый Фазыл Туйкин, учитель, в последнем слове сказал, что он видел в Атласове будущего руководителя независимого татарского государства. И тут же подчеркнул, по мнению Атласова, в этом государстве татарские дети будут учиться и в русских школах, так как после татарских школ они не смогут поступить в различные вузы. Председатель суда удивился: какой же Атласов националист, если предлагает учить татарских детей в русской школе?

Следствие доказывало, что в организации Атласова принимали участие жители Уфы, Ульяновска, Казани, Москвы, Магнитогорска, т. е. приписывало ему общесоюзное значение. Оказывается, Атласов хотел создать тюрко-татарское государство на территории Татарии, Башкирии, Узбекистана, Казахстана и Туркмении. Инкриминировались Атласову зарубежные “шпионские” связи с турецким посольством в Москве, Г. Исхаки и другими представителями мусульманского зарубежья.

Следователи были довольны, ждали наград, они “работали” масштабное “дело”, “вышли” на союзный уровень. Они докладывали начальству об успехе “операции”. Сейчас трудно судить о том, верили ли сами следователи, их энквэдэшное руководство тому, что они сами писали, а измученных, исстрадавшихся, впадших в отчаяние людей заставляли подписывать. Бредовыми, не имеющими никакого отношения к цивилизованной юриспруденции выглядят начальственные указания, грозно приказывающие выбить из подследственного “нужные” признания. Но это все было. В то время не удивлялись, а старались исполнить, да еще рвение особое при этом показать...

4 декабря 1936 г. начальник управления НКВД по ТАССР, комиссар государственной безопасности 3-го ранга Рудь предписал заместителю начальника особого отдела Музафарову добиться от Атласова признания (само собой, — любым путем, не церемонясь) в том, что “он был завербован турецким посольством для ведения работы среди татарского населения о выделении из СССР”, что “он эту работу проводил до последнего времени с членами организации” (назвать всех поименно), что он должен назвать агентуру Шафиева и Г. Исхаки в Татарии, что Атласов “пусть назовет всех лиц, с которыми работал”, особо—из ответственных работников и интеллигенции.

27 декабря 1936 г. Рудь спешно рапортовал наркому Ежову, его заместителю Агранову и начальнику отдела Миронову об аресте в Казани Г. М. Атласова, известного татарского историка и писателя. Он сообщал, что этому делу придает большое значение, потому что Атласов

“проводил контрреволюционную работу” по прямым заданиям, “исходящим от Гаяз Исаковских белоэмигрантских центров в Японии и Германии”. Доказательство по Рудю: “абсолютная тождественность проектов Гаяза Исакова об “Идель-Урале” с планами Атласова”, “признание” Атласова о его встречах в 1923 и 1926 гг. с турецким послом в Москве, сотрудниками посольства, а также и с одним из помощников Гаяза Исакова—Шафиевым Абдрахманом”. И тут же Рудь, опираясь на судилище над Султан-Галиевым, для вящей убедительности пустил в ход испытанные формулировки, сообщая, что именно Атласов возглавил “ всю контрреволюционную работу” после ареста Султан-Галиева, “готовил националистические, повстанческие кадры и формирования”.

Миронов, более опытный, нежели Рудь, в подготовке фальсифицированных процессов, отвечал из Москвы в Казань 17 января 1937 г.: “Ваши выводы о том, что Атласов Г. причастен к деятельности контрреволюционного националистического подполья, связанного с татарской эмиграцией, являются правильными, несмотря на то, показания Атласова подтверждены крайне слабо”.

Атласов был арестован 27 июля 1936 года с обвинением в ведении “контрреволюционной работы и связях с белоэмигрантскими кругами”. Жил он тогда в Казани на улице Иш-Урам, д. 32. При обыске изъяли паспорт, две тетради с текстом на татарском языке (графика арабская), копии заявлений на имя Сталина и секретаря Татарского обкома партии Альфреда Лепы с просьбами помочь устроиться на работу.

О чем же говорил Атласов на допросах, если его показания были признаны московскими палачами недостаточно убедительными?

Первый допрос, 28 июля. Допрашивал особоуполномоченный Карпов.

— Вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Следствие предлагает сообщить о вашей контрреволюционной деятельности, так и других известных вам лиц.

— Никакой контрреволюционной деятельностью я не занимался, а также лиц, ведущих контрреволюционную деятельность, не знаю.

Атласов сообщил, что у него жена, дочь Сальма, замужем за директором санатория “Каменка” Зиганьшой Дунаевым, и сын—Абдульбар, студент Московского химико-технологического института.

На допросе 1 августа Атласов среди своих знакомых, не зная, зачем это нужно следователю, назвал более ста человек. Говорил о них осторожно: Ильяс Алкин, профессор, живет в Москве, последний раз видел в 1923 г.;

профессор Фатых Мухамедьяров, виделись до 1929 года, больше в дом его жена не пускала; учитель Абдрахман Давлетшин—"личный враг"; о Бургане Шарафе—"ничего плохого сказать не могу, с ним давно не виделся и не разговаривал" и так далее. Но многих это не спасло. Почти все из этого списка были арестованы как члены организации Атласова. В этом списке учителя татарских школ, бывшие муллы, знакомые Атласова по Бугульме, Альметьевску, Казани, Уфе и Москве. Значительную группу в этом списке составляют татары—солдаты и офицеры, побывавшие в плену в Германии или Турции в годы первой мировой войны, значит—"шпионы".

16 августа Атласов сообщил следователю, что не знал о существовании султангалиевской организации, но "будучи знаком с лицами, оказавшимися впоследствии членами этой организации, рассматривал себя также участником этой организации".

Это было первое признание. Следователю этого было недостаточно: в стране всюду искали шпионов. Нужно было "повязать" Атласова и его "сподвижников" с какой-либо разведкой, японской, германской или турецкой. Обработка шла в этом направлении.

19 августа. На вопрос следователя о политических убеждениях Атласов ответил довольно откровенно:

— Я являюсь сторонником Советской власти, но должен признаться, что до освобождения меня из ссылки в 1933 году я был противником отдельных мероприятий советской власти. До 1929 года я был несогласен с политикой коллективизации и разделял в этом вопросе точку зрения Фрумкина и Бухарина. Осуждение меня в 1930 году на десять лет вызвало недовольство против советской власти, ибо я считал, что такая тяжелая кара наложена несправедливо. Я был сторонником создания объединенного самостоятельного тюркского государства, которое бы на самостоятельных правах с другими советскими республиками вошло в Союз ССР. Зачаток убежденности в необходимости объединения тюркских народностей у меня существовал с давних пор, еще с 1910—1913 годов, я считал, что вырождение некоторых тюркских национальностей и сибирских народностей (башкир, татар, киргиз, ногаев), которое имело место при царизме, продолжалось и при советской власти. Этот вывод я сделал из сравнения статистических данных переписи 1896 и 1926 годов.

Следователя мало интересовали убеждения Атласова, ему нужна "антисоветская, шпионская, повстанческая, националистическая организация", он все время спрашивал Атласова о людях, с кем он встречался и о чем с ними разговаривал, как "вербовал".

26 октября. Атласов: Да, знал многих, живущих теперь за границей. Садри Максудов—имеет хорошее образование, бывший кадет, но не революционер; Заки Валидов—крепкий ученый, имеющий глубокие познания в области исторических наук, в политическом отношении вполне устойчивый человек, не видел с 1920 г.; Гаяз Исхаков—известный, сильный татарский писатель, бывший революционер, но политически неустойчивый человек, не видел с 1917 года; Бари Баттала видел последний раз в 1920 году.

И тут же снова вопрос: встречались ли с Галимзяном Шарафом?

— Да, встречался в 1934 году, в Казани. Я посетил его на квартире и это была единственная с ним встреча.

— С какой целью вы посетили Шарафа?

— С целью выяснить возможность устроиться на работу.

— Кроме этого, какие разговоры у вас с ним были?

— Шараф советовал мне уехать из Казани в Ленинград или Москву, так как там легче устроиться...

И вновь следователь Музафаров из особого отдела НКВД Татарии, более других терзавший Атласова, плел свою паутину...

Он давал последственному чуть порассуждать, ослабиться, чтобы затем снова добиться нужного признания.

23 ноября. Атласов признал, что бывал в турецком посольстве в Москве и просил помочь переехать ему и его семье в Турцию. С какой целью?—вопрошал следователь.

— Я являюсь историком,—говорил Атласов, но я не есть историк, преподававший эту науку с классовой точки зрения, я понимаю ее с точки зрения общечеловеческой и национальной. Поэтому я, как историк такого качества, отчетливо сознавал свою ненужность в советских условиях. Мое недовольство основывалось на понимании того, что советская власть не уделила внимания истории как науке, что были политические расхождения у меня как историка с основными программными положениями существующего строя. Целью приезда в Турцию я ставил задачу работать там только историком, как Заки Валидов, что в этом качестве смогу принести пользу как научная сила. Выезд в Турцию мыслился мною только в легальной форме.

Атласов продолжал:

— В силу отсутствия спроса в советских условиях на меня, как историка, я долгие годы преподавал в школах естествознание и географию. Наверное, с вашей точки зрения "протаскивал контрреволюционные мысли". Например, разъясняя закон Дарвина о том, что животные, имеющие чувства подчиненности к людям, вырождаются, я навел аудиторию на мысль о том, что тюрко-татары в силу

наличия у них аналогичных чувств подчиненности к Веллкороссии—также вырождаются.

И тут же:

— Несмотря на то что я стал социалистом, пантюркистские идеи, взгляды во мне не погасли, а, наоборот, они продолжали жить. Я считал, что пантюркизм не противоречит идеям социализма.

23 января 1937 года из Атласова выбили признание о том, что он являлся организатором и руководителем “контрреволюционной националистической организации”. Он все взял на себя, отлично сознавая, что такой организации никогда в природе не было. Но этого было мало. Из Москвы от Миронова поступило в Казань Рудю указание: сосредоточить внимание на закордонных связях Атласова”. Палачи с партийными билетами в нагрудных карманах гимнастеров рассуждали о том, что согласно сталинской Конституции (1936 г.) в стране социализм построен в основном, а потому почвы, оснований быть недовольными у людей быть не может. А вот все свалить на результат деятельности зарубежных спецразведслужб можно и нужно, тогда все понятно: есть враги, они вербуют старых интеллигентов, националистов, “недобитых” в гражданской войне “контриков”, и все народу ясно. Если враг не разоружился, не сдался, его следует уничтожить.

Атласов какую-либо связь со шпионами отрицал решительно. Тогда взяли на пыточный конвейер его родственников: мужа дочери, брата жены и других близких ему людей. Трудно передать те муки, которые они претерпели, прежде чем согласились подписать формулировки, предложенные следователями. Они признали, что Атласов—буржуазный националист, руководитель “контрреволюционной организации”, т. е. то, что он признал сам. Но никто из них не подтвердил его “закордонные связи”.

В феврале 1937 года Рудь докладывал Миронову, что рассчитывает получить признания Атласова в части “разведывательной деятельности его контрреволюционной организации”. Тогда же он писал секретарю Татарского обкома ВКП (б) А. К. Лепе о том, что “нами вскрыта и в настоящее время оперативно ликвидируется контрреволюционная националистическая организация, проводившая в Татарии на протяжении ряда лет контрреволюционную работу по подготовке создания т. н. независимого тюрко-татарского государства с буржуазно-демократическим государственным строем. Руководителем организации является Атласов Г.—известный буржуазный историк... На сегодня нами выявлено около 50 человек членов этой организации, из которых арестовано пока около 20 человек”.

4 апреля 1937 года Атласов, вконец отчаявшийся, заявил

на очередном допросе, что является германским и японским шпионом. Еще через месяц он заявил Рудю, самолично допрашивавшего его, что всегда был "убежденным националистом и пантюркистом", и полагал, что тюрко-татарские народы по-прежнему остаются политически бесправными, экономически и культурно отсталыми и поэтому продолжается их вырождение и вымирание. Поэтому спасти народ может только независимое, самостоятельное "тюрко-татарское государство с буржуазно-демократическим государственным строем". Атласов пытался обосновать свою точку зрения тем, что советская власть разрушила медресе и мечети, игравшие огромную роль в жизни народа, что тюрко-татары находятся в тяжелом экономическом положении, что идет их ассимиляция, они вырождаются. Для Рудя все это были признания "в контрреволюционной деятельности". В июне Атласов сообщил следователю, что сидел на Соловках с Султан-Галиевым, которого "упрекал в несправедливом показании, что я являюсь его соучастником". Прошло еще немного времени. Атласова, признавшегося "во всех грехах", не терзали. Он чуть пришел в себя и стал отказываться от прежних показаний. На вопрос лейтенанта Музафарова: "Вы лично имели связь с руководителем тюрко-татарской белой эмиграции Гаязом Исхаковым" ответил:—Исхакова Гаяза я знаю. С ним я был лично знаком до его выезда за границу, а после этого непосредственной связи с ним не имел. По слухам, Исхаков преподавал в Варшавском университете турецкий язык, издавал журнал "Милли юл", ведь он был старым приятелем Пилсудского.

— С агентами германской разведки вы были связаны?

— Нет, с агентами иностранных государств я связи не имел.

В последние годы создается единый многомиллионный реабилитационный список. В нем такие, как Атласов, и такие, как Рудь и Лепа,—они ведь тогда ненадолго пережили Атласова, уничтоженного ими. Такой список создается во имя единого гражданского мира, предлагающего забыть прошлое и прекратить, наконец, враждебное противостояние. Последнее, конечно, важно, но забвения нет, живы люди, невинно пострадавшие, и они не в силах забыть это. И когда в одном списке жертвы и палачи, то нравственное отношение к ним разное. Можно сожалеть о погибших чекистах, прокурорах, партийных функционерах. Но ведь прежде чем погибнуть, они сами, лично, участвовали в злодеяниях против людей. Разве можно сравнивать их судьбу и судьбу таких, как Атласов, чья совесть не была запятнана чужой кровью?! Атласов не мог преподавать историю и ежедневно лгать ученикам, а потому стал

преподавать естествознание, географию и немецкий язык, он честно переживал за судьбы своего народа. Конечно, были и среди власть предержащих совестливые люди. Иногда говорят, что они творили "ужас" во имя каких-то идеалов. Но, простите, это же они создавали бесчеловечную систему! Можно их всех вписать в единый список, и все равно никто не поверит, что преступления не было, а от ответственности за него никуда не уйти. Нельзя же одновременно восхищаться Атласовым и Рудем. Это противостоит естеству. Зло простить трудно, иногда невозможно. Кат, палач в человеке всегда вызывал омерзение, как бы ни складывалась дальше его судьба.

Судьба Атласова, на первый взгляд—одна из многих в мрачной и беспощадной советской действительности. Но это лишь на первый. Жизнь у каждого одна, неповторимая, особенно если это жизнь человека талантливого, с обостренным восприятием происходящего, пытающегося в обстановке всеобщей нивелировки личности сохранить свои взгляды и достоинство. Не так уж много было мусульман-депутатов Государственной думы, можно перечислить и тех, кто всю жизнь прожил под гласным и негласным наблюдением сначала полиции царской, а потом советской, кто испытал на себе и царские, и советские застенки. Рассмотрим несколько подробнее основные вехи жизни Атласова при советской власти.

В августе 1919 г. ряд татарских советских газет обвинили Атласова в национализме и сотрудничестве с колчаковцами, предательстве. В Центральном государственном архиве Татарстана (ф. 7779.—Оп. 3.—Д. 33) сохранилось дело по обвинению гражданина г. Бугульмы Хади Мифтахутдиновича Атласова в контрреволюционной деятельности.

Из документов явствует, что Атласов весной 1919 г. проживал в Бугульме и во время захвата города колчаковцами был заместителем председателя Бугульминской земской управы. 4 мая 1919 г. в газете "Уфимец", органе бюро печати 2-го Уфимского армейского корпуса армии Колчака, было опубликовано приветствие колчаковцам за подписью Атласова. В нем говорилось: "Возобновляя работу в освобожденных от большевистской тирании местах, свободное Бугульминское земство в лице уездной и волостных управ имеет счастье приветствовать своего Верховного Главнокомандующего с великими победами нашего доблестного воинства и выразить глубокую уверенность, что дружная работа всех честных граждан под сенью основ закона и права даст возможность восстановить разрушенную и поруганную жизнь народа и вернуть великую Родину к ее прежней славе и могуществу".

Заметим, что в тексте приветствия нет никаких признаков национализма. Атласова арестовали в сентябре 1920 г. в Баку, куда он переехал, опасаясь возможных преследований. На допросе в Азербайджанской ЧК он объяснил происшедшее в Бугульме: его вызвали в колчаковскую контрразведку, предложили организовать земскую управу. Он отказался. Но военный комендант опубликовал приказ с его фамилией и приветствие за его подписью, которое он не писал и не подписывал. При отходе из Бугульмы колчаковцы приказали ему эвакуироваться вместе с ними. Он доехал до Челябинска, а затем отправился в Баку, где устроился на работу переводчиком в местном издательстве.

В архивном деле хранится письмо азербайджанского общественного деятеля И. Ягудина председателю азербайджанского ревкома: "Знаю Хади Атласова как общественно-го деятеля и как историка и литератора—работника среди поволжских мусульман, который состоял членом 2-й Государственной думы, первый организовал мусульманскую трудовую фракцию, арестованного бакинской военморской и содержащегося около 3-х месяцев без предъявления обвинения. Основываясь на вышеизложенном, прошу ускорить рассмотрение дела и до разбора дела выдать на поруки". На письме резолюция Н. Нариманова: "Ускорить дело". За Атласовым прибыл в Баку бугульминский милиционер Марк Германюк, и они отправились в Татарию.

Судили Атласова для объективности в Чистополе, в апреле 1921 года. Районному ревтрибуналу была представлена злосчастная заметка из газеты, а также свидетели антисоветской деятельности Атласова—учителя Закир Исаков, Салих Рахманкулов, Сабир Шангареев. На очной ставке с Атласовым все они от показаний против него отказались. Следователь записал в заключении о том, что отзывы партийных товарищей характеризовали Атласова с наилучшей стороны, "видя в нем старого революционера, идущего рука об руку с трудовым народом, отличавшегося значительными познаниями в литературной области, имеющего большие заслуги в мусульманском мире". Он предлагал дело Атласова прекратить, а в Бугульме провести выездную сессию трибунала и осудить Исакова, Шингареева и Рахманкулова "за двуличие в своих показаниях, выразившихся в отказе поддерживать обвинение, начатое ими в отношении Атласова". По приговору чистопольского ревкома 22 апреля 1921 г. Атласов от всякого наказания освобождался в силу своей невиновности.

Вспоминая об этом эпизоде своей нелегкой жизни, Атласов в письме Сталину (1935 г.) писал: "Для лучшего ознакомления Вас с собою считаю нужным напомнить Вам

об одном случае. Так в 1920 г. во время Вашего пребывания в Дагестане... юрист Осман Тукумбетов, посетив Вас, сообщил о моем аресте в г. Баку, охарактеризовал мое занимаемое место в восточном мире и меня как человека, необходимого освободить, и Вы на это дали свое обещание. При моем отправлении в 1920 г. из Баку на родину (г. Бугульму) Тукумбетов с Н. Наримановым послали Вам телеграмму и письмо обо мне... В апреле 1921 г. в Бугульме (точнее, в Чистополе. — *Авт.*) надо мной состоялся суд, но благодаря Вашему отзыву обо мне я был судом от наказания освобожден". (Здесь и далее сохранена стилистика и орфография подлинника. — *Ред.*)

Это будет позже, а в 1921 году, после освобождения из-под стражи, Атласов начал учительствовать в деревне Зай-Каратай, Бугульме, Альметьевске. Он преподавал естествознание и историю, немецкий и татарский языки, географию. Атласов пытался внедрить в школах системное индивидуальное освоение знаний и считал тогда главной задачей просвещение своего народа. Тогда же он задумал продолжить начатые еще до революции и уже частично изданные исследования по истории сибирских татар, Казанского ханства,—ведь Атласов продолжал оставаться действительным членом Казанского общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Но в 1922 году местные гэпэушники вспомнили об Атласове, ведь он называл себя эсером, а в Москве шел "образцовый" судебный процесс над лидерами партии правых эсеров, и ничего, что некогда его оправдал чистопольский ревтрибунал, времена меняются...

Атласов быстро обнаружил за собой негласное наблюдение, перлюстрацию своей корреспонденции, только он не мог предположить, что будет окружен плотным кольцом друзей-сексотов, которые будут докладывать о каждом сказанном им слове, а главное—давать нужную начальству интерпретацию сказанного, что начнет собираться против него компромат во многих томах, дабы "выстрелить" в него в подходящий момент...

Из доноса агента в 1923 г., фамилии агента нет, но указано: член РКП. "Атласов был у меня в гостях, говорил, что советская власть всем хороша, но не признает никакой собственности, а без этого жить нельзя". Другой сексот, тогда же: за Атласовым никаких контрреволюционных дел не замечено. Третий сексот в марте 1923 г. сообщал, что Атласов пишет какую-то историю о советской власти, но не в пролетарском духе, так как эту власть критикует, особенно за голод 1921 г., в результате которого погибло много крестьян. В их смерти он прямо обвинял советскую власть. В 1924 году этот же агент уточнял: Атласов

в настоящее время пишет историю "Старой и новой России" на татарском языке. Написана на одной стороне листа, всего 3—4 стопы бумаги. На вопрос: кто поручил ему писать? — Атласов ответил, что он, как общественный деятель, литератор и историк, хочет оставить для мусульман память, ибо до сего времени в мусульманском мире нет новых изданий по истории.

Почувствовав над собой карательный пресс и не видя ясно смысл и перспективы своей работы, Атласов в 1923 г. дважды посетил турецкое посольство в Москве. При встречах с сотрудниками посольства он рассказал о бедственном положении верующих мусульман, продолжающемся разрушении мечетей, выразил сожаление по поводу ускоряющейся ассимиляции татарского населения. И тогда, и в 1926 году, когда он вновь был в посольстве, Атласов сетовал на свое тяжелое материальное и духовное состояние и просил помочь ему переехать в Турцию, где бы его знания и возможности как историка были бы более полезны. Когда же ему дали немного денег, Атласов купил в букинистической лавке в Москве тома своего любимого Гете на немецком языке и потом с увлечением занимался переводами...

Гэпзушное досье Атласова все увеличивалось, доносы участились, сыщики держали нос по ветру, гончие полагали, что шли за крупной дичью... В октябре 1924 г. Атласова вызвал к себе уполномоченный ОГПУ в Бугульме.

— Как вы относитесь к Советской власти? — спросил он.

— Я являюсь принципиальным сторонником Советской власти, и это глубокое убеждение мое вытекает не из страха перед властью, а из того, что я с начала этого века вел борьбу за эти достижения. Я всегда считал, что пока есть личный эгоизм, нужна частная собственность, что с религией может бороться только наука. Для меня неприемлемо, когда силой разрушают мечети и ликвидируют частную собственность.

В 1925 году этот же опер из ОГПУ терпеливо пытался завербовать Атласова в агенты как "выдающегося, образованного человека", который мог бы доносить об общественно-политическом настроении своих коллег и учеников... Атласов внутренне содрогнулся от такого предложения, а внешне — поблагодарил и отказался.

В 1927 году Атласов был взволнован происходящими изменениями в стране и республике. Его покидает обычная сдержанность. Он решительно протестует против начавшихся насильственных изменений в жизни крестьянства, перевода татарской письменности на "яналиф", все более жестокого подавления любого инакомыслия.

Агент из его окружения доносил о том, что Атласов,

комментируя газетные материалы XV партийного съезда, говорил раздраженно о том, что "коммунисты окончательно заврались и что крестьяне им все равно не поверят". Сексот подчеркнул в донесении слова Атласова, что "коммунисты уже 10 лет врут для успокоения рабочих и крестьянских масс".

Тогда же Атласов написал большое письмо на имя председателя ТатЦИКа Шаймардана Шаймарданова. Ему внушала тревогу ухудшавшаяся жизнь людей, нехватка в деревнях школ и больниц, возможность конфронтации на национальной почве, одиозная и комплиментарная коммунистическая пропаганда. "Ведь вы, коммунисты, не любите, когда критикуют вас самих. Вы не совсем верите в то, что есть правдивые слова, правдивые мысли и у других, кроме вас. Как будто всю правду знаете вы одни, вся правда ушла в ваши головы и для других ничего не осталось. По-нашему это не так", — писал Атласов. Перлюстрированное письмо во многих копиях легло в его уже объемистое досье.

Атласов выступил решительным противником латинизации татарской письменности. Его заявление учителям, что "яналиф" погубит татарскую культуру" было воспринято партийно-карательными органами как новый политический вызов. Сексот спешно докладывал: Атласов говорит, что благодаря "яналифу" советская власть потеряет свой авторитет на Западе. Турция — друг сейчас, тогда будет смотреть плохо". Ясно одно, что замена письменности лишила народ непосредственной возможности "прикоснуться" к своей древней культуре. Современный японец или китаец, например, может свободно читать все, написанное много веков назад. Татары, увы, практически отрезаны от всего, что написано до конца 20-х годов 20-го века. В этом смысле Атласов и многие другие ученые были тогда правы. Но когда господствует извращенная политика, все здравые рассуждения не только отбрасываются, но им дается соответствующая оценка и следует наказание. В марте 1929 года Атласов был арестован. При обыске были изъяты письмо Султан-Галиева и ценнейшая личная библиотека, насчитывавшая более трех тысяч томов на шести языках.

В письме Сталину (1935 г.) Атласов писал, что был арестован в Бугульме и обвинен в султангалиевщине. "Хотя я и был знаком с Султан-Галиевым, — писал Атласов, — но к султангалиевщине не принадлежал. Верно, я в национальном вопросе имел свои собственные взгляды, как то: представление великорусского шовинизма слишком широким и глубоким. Я считал, что пролетарская диктатура, хотя и уничтожила великорусское владычество,

но она не могла искоренить закоренелый инстинкт господства великорусов над другими нациями”.

Обвиняли тогда Атласова не только в этом. Назначенный в 1927 году начальник Татотдела ОГПУ Дмитрий Кандыбин был опытным и вероломным провокатором. Для него люди, стремящиеся сохранить старую татарскую письменность, были контрреволюционерами, а родители, отправляющие детей в национальные школы, националистами. В 1935 году он стал членом Военной коллегии Верховного суда СССР и беспощадно штамповал смертные приговоры невинным людям, продолжая кровавый путь, начатый им в Тамбове, Воронеже, Северном Кавказе и Татарии.

Это он утвердил в 1928 году разработку об анти-советской группе в Бугульминском кантоне, возглавляемой Атласовым. Согласно этому документу в группе было 7 человек (Атласов, учителя Кабир Туйкин, Хабиб Кадыров и др.), которые ставили целью пробудить у учащихся национальное самосознание, а среди населения посеять неудовлетворенность правами автономной республики и понимание того, что улучшение положения тюрко-татарского народа невозможно при существующем строе. Это по приказу Кандыбина было систематизировано досье Атласова и утроено число сексов вокруг него. С мстительным удовлетворением читал малограмотный профессиональный каратель, бывший рабочий, донесение агента, которому доверчивый Атласов говорил: “Учение Ленина совершенно неправильное, оно делает “скачку” в истории. История сильный предмет, путем скачки не перейдешь за пределы ее законов”.

Атласов был осужден на 10 лет с конфискацией личного имущества, считая срок заключения с 29 января 1929 года. Он был этапирован в г. Кемь, в управление соловецких лагерей ОГПУ. В Соловках в то время собирался цвет интеллигенции страны: философ-священник П. А. Флоренский, адвокат и сменовеховец Бобрищев-Пушкин, украинские академики Рудницкий и Грушевский, были и знакомые Атласова—Султан-Галиев и И. К. Фирдевс.

В связи с ухудшением состояния здоровья, медицинским признанием негодности к физическому труду Атласов был освобожден из лагеря досрочно и выслан 22 ноября 1932 г. в Архангельск. Однако здоровье продолжало ухудшаться. Атласов как инвалид 2-й категории был отпущен на поруки родственников. 17 июня 1933 г. в Архангельск за ним приехала жена, Хасбикамал, и с трудом, больного и смертельно уставшего, увезла домой, в Бугульму.

18 августа 1933 г. Атласов пришел по вызову в местное отделение ОГПУ и сказал, что хочет преподавать немецкий язык и больше не будет заниматься политикой.

На работу устроиться не удалось. Атласов пришел в ОГПУ сам и спросил, может ли он переехать из Бугульмы в Азнакаево или другое место, так как не может найти места учителя. Он спросил, можно ли написать письмо в Берлин Шафееву, до 1926 года работавшему в турецком посольстве в Москве, чтобы получить от него материальную поддержку и узнать, не может ли он издать свои работы на немецком и английском языках. Ему все это разрешили. Но его активность была замечена. В октябре 1933 г. Бугульминское отделение ОГПУ получило от казанского начальства указание: "Атласова Х. необходимо активно прорабатывать, соответствующе окружив его агентурой". Снова началась невидимая глазу война.

В конце 1933—начале 1934 гг. осведомители передавали: Атласов цитировал Дарвина и сказал, что если государство не может бороться с творящимися у него преступными деяниями, то оно должно быть уничтожено; Атласов живет в плохих квартирных условиях, писал другой агент. Дом этот постоялый. Атласов же занимает сзади небольшую комнатушку. С ним живет жена и двое детей, старшей дочери лет 12—14; третий доносил злорадно слова Атласова: меня сейчас ГПУ освободило ввиду преклонного возраста, думая, что я откажусь от своих прежних идей. Пусть они так думают, а я не откажусь от своей цели до самой смерти. Агент ликовал: горбатого только могила исправит. Как ни травили Атласова, а он все равно о своем...

В апреле 1934 года из Москвы в национальные республики была направлена разработка ОГПУ о том, что мусульмане возобновили агитацию за создание независимого "Туранского государства", что необходимо найти, разоблачить и ликвидировать центр по созданию такого государства. Казанские гепэушники решили, что настал их час отличиться: "центр" находится в Татарии и во главе его—Атласов.

Только в воспаленном воображении людей, нацелившихся на охоту, преследование и карание, могло возникнуть такое. Ничем не ограниченная власть развращает человека. К тому же, если ему изо дня в день будут долбить, что всеобщему счастью мешают враги (неважно кто—буржуазия, кулаки, националисты, или евреи, татары, калмыки), то он из доброго превращается в дикого, ненасытного зверя, готового уничтожить не только соседа, но и самого себя, свою семью, отдать на закланье отца, мать, сестру и сына... Это очень страшно, но это было...

Гепэушники действовали энергично, пытались рассуждать логично. Атласов сидел в соловецком концлагере. Встречался там с султангалиевцами, муссаватистами, алашордынцами. Мог же он договориться с ними о сов-

местных действиях, они могли передать ему свои связи. Могу! Доверием среди мусульман он пользуется. Вот и план операции готов: все выяснить, разоблачить, добиться признания, ликвидировать. Для этого создается густая паутина осведомителей, через нее никакая муха не пролетит.

В 1934—1935 гг., несмотря на неоднократные увольнения, Атласов преподает в школах Бугульмы, Альметьевска и Казани немецкий язык. Он пытается обратиться к председателю Совнаркома Татарии К. Абрамову с просьбой помочь найти работу. Но аудиенции получить не смог. В мае 1935 г. он обращается с письмом к Сталину: "Теперь я без работы, голоден, по моему адресу делается ряд незаслуженных издевательств". Атласов просил Сталина помочь ему устроиться на работу, дать пенсию, не мешать детям получить образование, или разрешить "выезд на постоянное жительство с семьей в Турцию". Ответа он не получил.

А досье с доносами сексотов копились. Особенно активны были трое из окружения Атласова. Они подписывались кличками "Золотой", "Алтай", "Экономист". Они докладывали обо всем, а возможно, что-то дописывали и от себя, чтобы ублажить начальство. Грязные доносы—всегда бедствие, в тотальных масштабах—бедствие национальное. Ведь чтобы избавиться от надоедливой соседа, более талантливого коллеги, удовлетворить свою зависть, самолюбие, злобу неудачника, было достаточно отправить анонимный донос по известному всем тогда адресу...

Ноябрь 1934 г., Атласов при встрече сказал:—Я сейчас вполне уверен, что без общего объединения всех мусульман защиты его интересов не будет, на татарском языке в школах перестали учить... Декабрь 1934 г.: обсуждали убийство Кирова, арест Зиновьева и других. Атласов заявил, что партия коммунистов не так крепка, раз такое происходит. Январь 1935 г.: Атласов утверждал, что газет не читает, так как они заполнены ложными показаниями. Апрель 1935 г.: сексот специально завел разговор с Атласовым об Исхаки и его идее создания Туранского государства. Атласов высказывался образно: точно так же бывает между молодым человеком и девушкой—сначала знакомство, затем хождение под руки, затем поцелуи, ну и замужество, зарождение "плода и самый плод. Так и здесь—зародыш есть, значит, и плод будет.

Сексоты провоцировали Атласова вопросами, которые им подсказывали "мастера" из ГПУ. В июне 1935 г. Атласов откровенничал с агентом "Золотым" о том, что мечтал всю жизнь. что-то сделать для своего народа, для мусульман. Он отмечал с горечью, что люди, выехавшие за границу в 1917—1918 гг., как Гаяз Исхаки и другие, лучше нас живут, им предоставлены большие возможности, они рабо-

тают на нацию, их имена будут вписаны в историю. Тогда же "Экономист" в донесении выделил его слова: справедливости сейчас нет, все потеряли совесть. Я знаю хорошо: социализм—это фантазия, ему верить—это ждать погоды у моря.

К концу 1935 года сексоты отмечали подавленность настроения Атласова, ухудшение его здоровья. Один из них сообщал: Атласов по-прежнему безработный. Состояние у него удрученное. За последнее время даже стал плакать, чего раньше никогда не было. Теперь перестал уже ждать какого бы то ни было реагирования на свои заявления на имя Сталина и Лепы. Говорил, что лишь на словах у них чуткое и внимательное отношение к людям, а фактически этого нет.

9 декабря 1935 г. доведенный до отчаяния Атласов писал начальнику управления НКВД Татарии, что в 1934 году он переехал в Казань и преподавал немецкий язык в школе № 12, но 3 февраля 1935 г. его сняли с работы. "Это будет не сказано, как самовосхваление,—писал он,—все же я один из старых общественных и научных работников тюрко-татарского мира, а в настоящее время я обладаю научной подготовкой в области истории, биологии и филологии". Он сообщал, что вот уже 10 месяцев не имеет работы, просил помочь ее получить. Ему шел в ту пору шестидесятый год. До его ареста оставалось полгода.

К 1 мая 1937 года было арестовано 107 членов вымышленной организации Атласова. По социальной градации НКВД среди них были 54 интеллигента, 35 мулл, 18 крестьян и торговцев ("кулацко-торгашеский элемент"). Всех обвинили в антисоветских действиях и стремлении создать тюрко-татарское "буржуазное" государство. Кроме того—в шпионаже, подготовке восстания, связях с султангалиевцами. Аресты продолжались и позже. В ноябре 1938 г. в Шугуровском районе были взяты под стражу 15 человек как "остатки филиала атласовской националистической организации".

Вместе с Атласовым судили учителей братьев Туйкиных, Фахрази Даутова, учителя биологии в Бавлах, муллу Кашафа Валеева, учителя Абдуллу Бикбова и многих других просветителей своего народа. Многие из них были расстреляны или сгинули в бескрайних просторах Гулага. Все они были реабилитированы в 1958 году.

А тогда того "полновесного"—на всю страну—политического процесса не получилось. Арестованным было не в чем признаваться, фантазии следователей не хватало, дело сразу же, после первых арестов, особенно допросов Атласова, стало пробуксовывать. Ничего не дало и подключение к нему комиссара НКВД Рудя, прибывших

следователей из Москвы, из НКВД СССР. Все они призывали Атласову "разоружаться". Но он, испытывавший в жизни всякое, вел свою линию: "разоружался" в том, что не выходило за рамки его плана защиты, "сознавался", снова отказывался от всего. К лету 1937 г. Атласов и отобранные его "ближайшие соучастники" "сознались" во всем. Суд был готов. Провели медицинское обследование. У Атласова обнаружили невроз сердца и нарушение равновесия; у Р. Яруллина—отсутствие всех верхних зубов и т. д. Годными для участия в суде были признаны все.

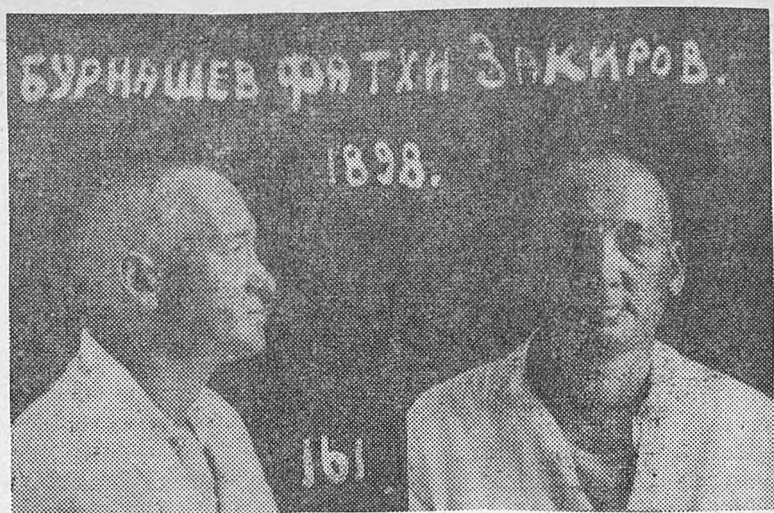
Судили Атласова и его товарищей в помещении клуба имени чекиста Менжинского, в Казани, за закрытыми дверями 23—28 октября 1937 года. Приговоренным к расстрелу дали возможность написать кассацию о помиловании. Более трех месяцев они жили малой надеждой. 11 февраля 1938 г. от имени Военной коллегии Верховного суда СССР им в изменении меры наказания отказали. 15 февраля 1938 г. Атласов и еще 8 человек: Р. Яруллин, К. Туйкин, Б. Фаттахов, Ф. Туйкин, Г. Алтынбаев, К. Исхаков, С. Уразманов, З. Фаттахов были расстреляны.

В реабилитационных листах 1958 года Военная коллегия Верховного суда оправдала их и тысячи других казенной юридической фразой: в связи с вновь открывшимися обстоятельствами и отсутствием состава преступления... Странная формула! Что, собственно, открылось нового в этом и других подобных делах? Ведь эти люди были и тогда невиновны! Просто изменилось время, и кровавый гнойник лопнул.

Трудно предположить, о чем думал Атласов, когда ждал ответа на кассационную жалобу и когда шел на расстрел. Наверное, его не покидала горечь и обида на безжалостную судьбу, не позволившую ему сделать в жизни главное—жить и работать для своего народа. И, вероятно, сверлил, не давая покоя, вопрос: за что? в чем смысл его страданий? кому они нужны? ради чего это безумие? И не находил ответа...

КАК ПОГИБ ФАТХИ БУРНАШ?

Первое впечатление от чтения следственных протоколов допросов невинно осужденных—ужас. Как такое могло быть? Почему-то особо страшны допросы наиболее "эмоциональной" части общества: писателей, поэтов, деятелей искусства. С другой стороны, эти протоколы помогают хронологически точнее реконструировать прошлое, раскрыть психологическое противостояние двух миров: нормально-человеческого, разумного, желающего понять: за что арестовали? в чем состоит обвинение? И бездушно-страшной, карательно-обвинитель-

ной, неумолимой машины, которая с дьявольским упорством, изобретательностью и обманом толкала толпы своих жертв на эшафот, за решетку и в бескрайний, всепоглощающий Гулаг...

Из энциклопедической справки: "Ф. Бурнаш—выдающийся современный татарский поэт-драматург, член ВКП(б). Несмотря на относительную молодость и короткую литературную деятельность (печататься начал с 1917 г.), Бурнаш успел обогатить художественную татарскую литературу рядом талантливо написанных драматических и лирических произведений. В поэтическом творчестве Бурнаш—последователь тукаевской школы, далеко опередивший своего учителя. Как поэт Бурнаш—романтик. Как бытописатель он не имеет себе равного в современной татарской литературе. Лучшими его произведениями являются "Камали карт" (Старик Камали), "Яш юрэкляр" (Молодые сердца), "Адашкан кыз" (Заблудившаяся девушка), "Хусаин мирза", "Ташландыклар" (Выброшенные). Произведения эти почти не сходят со сцены татарских театров. Бурнаш пользуется огромной популярностью среди татарских читателей" (Литературная энциклопедия.—М., 1929.—Т. I—С. 623).

Эта восторженная характеристика Бурнаша несравнима с тем, что он написал о себе, когда следователь дал ему бумаги, перо, чернила и сказал: пиши! Так родились 16 страниц убористого текста, которые Бурнаш писал три дня и закончил 27 августа 1940 года. К этому времени многие из его коллег и друзей были осуждены и расстреляны. Мысленно прося у них прощения, Бурнаш отрекался от них,

зная, что повредить никому из них не может, а надежда выйти из этой мрачной, издевательской обстановки его не покидала. Ведь незадолго до этого, 24 августа 1940 г., когда его арестовали, старший лейтенант госбезопасности Тихонов предъявил ему нелепейшее, но страшное обвинение. В нем говорилось, что Бурнашев "являлся активным участником антисоветской националистической организации, действующей на территории Татарии с 1924 г.", что он "последние годы проводил антисоветскую деятельность, направленную против ЦК ВКП (б), на вооруженное свержение советской власти и реставрацию капитализма в СССР. Будучи убежденным контрреволюционером-националистом, примыкая к татарским правым в лице Мухтарова, Мансурова, Енбаева, Сабирова, руководимых Султан-Галиевым, в 1924 г. подписал платформу от имени 39 правых на имя ЦК ВКП (б) против снятия верхушки правых с руководящих постов".

Бурнаш сидел в изоляторе и писал о себе. Его мучила мысль об ирреальности происходящего. Он не чувствовал за собой никакой вины...

26 августа в 10.30 его вызвали на допрос. За столом большого кабинета сидел заместитель начальника следственной части старший лейтенант госбезопасности Катерли.

— Вы арестованы за контрреволюционную националистическую деятельность, что предусмотрено статьями 58-2 и 58-11 УК РСФСР. Признаете ли вы себя виновным в этом?

— Нет. В контрреволюционной националистической деятельности виновным себя не признаю. О моей принадлежности к правой татарской группировке я дам собственноручное показание.

Допрос был прерван в 11.20.

Бурнаш писал, вспоминая прошлое:

"Правая" и "левая" группировки татарских коммунистов стали складываться еще в 1918 г. и особенно ярко стали вырисовываться с момента поднятия вопроса о создании Татаро-башкирской республики, когда "правые" коммунисты назывались "республиканцами", а левые—"антиреспубликанцами".

Он отмечал, что приехал в Казань в 1920 г. и стал редактором газеты "Кзыл Армия"—органа Центрмусвоенколлегии. Начальником полиотдела коллегии был Ш. Усманов, в ней работали Брундуков и Енбаев. Эти трое были уже определившимися "правыми". Председателем коллегии был Султан-Галиев, но он был в Москве, а в Казани его замещал Наби Вахитов. Издательский отдел возглавлял Исхак Казаков. "Правые" тогда были заняты выборами на съезд Советов по провозглашению ТАССР и

хотели, чтобы правительство республики возглавил Султан-Галиев. Но на Учредительном съезде победили "левые" во главе с Саид-Галиевым. Из "правых" был избран К. Мухтаров, ставший наркомом здравоохранения. Снятие "правых" с руководящих постов в 1924 г. явилось для них неожиданностью. В ЦК партии было подано заявление 39-ти, которые писали, что в случае снятия лидеров "правых" они покинут свои служебные посты. Чуть позже, по настоянию следователя, приписал: "С 1925 г. "правые" идут на сделки с троцкистами и зиновьевцами".

Бурнаш больше рассказывал о своей литературной деятельности, о том, что писать начал в 1916 году. "Первые свои стихи и поэмы я написал под влиянием романтического направления дореволюционной татарской литературы; к таким я отношу ряд поэм того периода, пьесу "Тахир и Зухра", в которых в романтических тонах описывалось историческое и легендарное прошлое татар и Востока... Подлинно реалистические свои произведения я начал писать с 1917 г., когда я начал изучать подлинно реалистические явления жизненной действительности. Такова моя пьеса "Яш юряклар", которая впервые ставилась на сцене в 1918-м... С этих пор я не переставал писать. В годы гражданской войны начал развивать основную тему, тему борьбы народа за жизнь, что впервые было дано в "Яш юряклар", где деревенская молодежь в тисках старой деревни борется за жизнь, за свои жизненные права. В поэмах эпохи гражданской войны я старался показать образы молодежи, борющейся с оружием в руках за новую жизнь, за Советскую власть. В эти годы написал пьесы: "Адашкан кыз", где показана гражданская война на Волге, "Хусаин мирза", где показано татарское крепостничество, его разложение.

Надо сказать, что и в произведениях этого периода я еще не мог преодолеть полностью влияния романтических направлений.

В 1923—26 гг. я писал пьесу "Кемали карт", показывавшую переделку крестьянского быта в советских условиях, стихи, поэмы "Мазлума" и "Муккарама". Первая — о доле женщины в старой татарской жизни, вторая — эпизод из эпохи покорения Кавказа царской армией. И в этих своих произведениях я еще не смог преодолеть романтические свои навыки. Этому способствовало, конечно, мое воспитание в татарском медресе, затем — влияние старой татарской буржуазно-романтической литературы, влияние на мое литературное творчество "правых" элементов татарских коммунистов.

В 1927—29 гг. писал пьесу "Ильгам", показывающую роль националистической интеллигенции в первые годы

революции, бытовые пьесы из советской крестьянской действительности. В 1930—33 гг. писал пьесу "Ткачиха Асма", призывающую к борьбе с извратителями быта советской молодежи; "Соколы", отражающие борьбу Красной Армии и местных трудящихся с басмачеством. Написал ряд стихотворений на советскую тематику... Произведения этого периода считаю стоящими на уровне требований советской литературы, с 1933 г. начал работу по овладению искусством художественного перевода... В 1933—38 гг. перевел на татарский язык "Отцы и дети" Тургенева, "Хаджи-Мурат" Толстого, "Как закалялась сталь" Островского, роман "Мать" Горького, роман в стихах "Евгений Онегин" Пушкина".

О политических воззрениях Бурнаш писал мало, только после того, как следователь сделал замечание—литературные успехи Бурнаша его мало интересовали... Тогда он дописал: "С первых дней Октябрьской революции я стал честно работать для Советской власти, не примыкал ни к одной из буржуазно-националистических партий и группировок, в единственном лице среди поэтов с дореволюционным стажем стал печататься гласно в советской печати с мая 1918 г., будучи еще беспартийным, стал редактором первой советской татарской газеты в Симбирске, находился в плену у чехословаков, в подполье, 3 месяца сидел (август—октябрь) в уфимской тюрьме, был эвакуирован в Сибирь, сбежал с эшелона, пробрался 7 ноября 1918 г. в Советскую Россию, опять стал редактировать газету в Симбирске". Он писал, как в годы гражданской войны работал в печати, писал стихи и пьесы, каялся, что тогда, бывало, хвалил и председателя Реввоенсовета республики Троцкого, но в то время не знал, "кем он окажется".

"С приездом в Казань, в 1920 г., остановился у Г. Ибрагимова и он очень старался склонить меня на свою сторону—к группе левых эсеров, но я Ибрагимова знал по литературе и раньше, знал его реакционные выступления в печати, травлю его против поэта Тукая, знал, что до 1919 г. издавал он в Москве эсеровскую газету "Чулпан" и его люди окружали Муллаура Вахитова с целью, чтобы иметь влияние на него и руководимые им органы, знал также, что все они поддерживали татаро-башкирскую линию в противовес работе за расцвет татарской и башкирской культур в отдельности". Бурнаш заявлял, что выступал в защиту Тукая, против нападок Ибрагимова, осуждал стихи Дэрдменда, разоблачал "вульгарно-бытовистские писания Тинчурина", критиковал Гази Кашшафа за некритическое отношение к "старым ценностям". С 1921 г. Бурнаш редактировал обкомовскую газету "Татарстан", в 1927—1928 гг. был директором

Татарского государственного академического театра. Тогда же Бурнаш женился на артистке театра Фатыме Салиховне Ильской. А через год над ним сгустились тучи.

В 20-е годы в Казани было несколько писательских профессиональных объединений: "Часовой", "Октябрь", "Сулф" (левый фронт) и др. Бурнаш вместе с К. Наджми и Ш. Усмановым создал группу "Октябрь". Позже была создана Татарская ассоциация пролетарских писателей во главе с К. Наджми.

В 1929 г. с осуждения Султан-Галиева начались репрессии против национальной интеллигенции. Ее представителей обвиняли в национализме, заставляли каяться в "совершенных ошибках"... Бюро Татарского обкома ВКП (б) в октябре 1929 г. приняло постановление "О султангалиевщине", в котором не только осуждались взгляды Султан-Галиева, но и предлагалось принять строгие "организационные меры" против его сторонников. Пленум обкома партии 3—9 ноября 1929 г. призвал "всех членов партии выкорчевать остатки султангалиевщины, усилить борьбу с националистическими предрассудками в отсталых массах, разоблачать конкретных проводников султангалиевской идеологии, которые еще имеются в наших аппаратах".

Началась "чистка". "Султангалиевцев"—"врагов народа"—стали искать, выявлять, затем расправляться с ними. Их "находили" прежде всего среди национальной интеллигенции, научных работников, писателей и других. Только в 1930 году в Татарии было исключено из партии 2056 человек (13,4% общего числа коммунистов). В августе 1930 г. вдруг обнаружили в Казани "тайную организацию" писателей "Джидегян". В газетах появилось сообщение, что члены этой писательской организации выступали против разжигания классовой борьбы в татарской деревне, иначе говоря,—против коллективизации и ликвидации кулачества. Их называли "султангалиевцами—националистами". Сейчас известно, что все это было выдумкой бдительных гепэушников, но страдали реальные люди.

17 июня 1930 г. партколлегия Татарского обкома ВКП (б) исключила Бурнаша из партии за давние встречи с Султан-Галиевым и оказание денежной помощи султангалиевцам. В решении партколлегии говорилось: Бурнашеву "в 1928 году за некоммунистические поступки в быту, отрыв от партии и допущенную по занимаемой должности бесхозяйственность был объявлен строгий выговор с предупреждением..." Бурнашев поддерживал Султан-Галиева, в своих "произведениях отражал совершенно чуждую и враждебную пролетариату идеологию, совпадающую с идеологией национальной буржуазии и султангалиевщины". Нужно ли говорить, что грязные ярлыки, бездоказательные,

в сущности, обвинения ставили целью морально унижить человека, подготовить общественное мнение к мысли о необходимости его физического уничтожения.

Одновременно стал готовиться арест Бурнашева. "Ловцы человеческих душ" решили воспользоваться сложными семейными отношениями писателя и вызвали его жену, артистку татарского драматического театра Фатыму Салиховну Ильскую. Видимо, ее припугнули, произнесли грозные слова о верности партии и властям, так или иначе, но она написала: "Настоящее заявление мною сделано по собственному почину в целях оказания помощи Советской власти в борьбе с султангалиевщиной. В течение трех лет я живу с Бурнашевым Фатхи. По моему убеждению, он ярый противник Советской власти". Она сообщила о том, что Бурнаш хорошо относился к Кутую, помогал деньгами семье арестованного М. Брундукова, будучи в Москве, встречался с Ш. Усмановым, которому дал положительный отзыв о его литературной работе. Но доказательств его антисоветских высказываний или действий в заявлении Ильской не было.

Бурнаш пытался бороться. Он понимал, что это унижительно, но, наверное, другого выхода тогда не видел. От него требовали самокритики и публичных покаяний. По его ходатайству парттройка ЦК ВКП (б) — Я. Петерс, А. Мильчаков и Н. Муранов — 12 ноября 1930 г. во исполнение решения обкома партии заменила исключение объявлением строгого выговора с последним предупреждением. Бурнаш обязывался также выступить в печати с разоблачением султангалиевщины как контрреволюционной организации. 24 ноября 1930 г. он писал в заявлении на имя секретаря Татарского обкома партии: "К контрреволюционной организации Султан-Галиева я никогда ни в какой форме не был причастен... Я отмежевываюсь от всех своих ошибок, совершенных мною принадлежностью и примиренчеством к правой группировке и обещаю честно служить генеральным лозунгам партии во всех звеньях своей работы". В письме, опубликованном 5 декабря 1930 г. в газете "Кзыл Татарстан", Бурнаш подчеркивал: "Я порываю все нити своей литературной ограниченности и категорически перехожу в своем творчестве к иллюстрации мотивов героизма на пути строительства социализма, реконструкции сельского хозяйства, ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации". Но когда это же письмо Бурнаша печаталось в газете "Красная Татария" 26 декабря 1930 г., редакция сочла необходимым от себя сделать примечание: "Бурнаш пишет, что у него были грубые политические ошибки. Редакция считает, что здесь речь должна идти

не об отдельных ошибках, а о целой, вполне определенной системе взглядов, глубоко враждебных партии, с которыми стремится порвать связь Фатхи Бурнаш".

Когда читаешь подобное ныне, то как будто попадаешь в какой-то странный, пугающий мир: все обвиняют друг друга, не конкретизируя обвинение, оправдываются униженно, но мало понятно—в чем... Таких писем в те годы в газетах и журналах публиковалось много. Для Бурнаша они оттянули на десяток лет физическую расправу с ним. Но годы спустя ему припомнят все, случившееся с ним в 1930-м.

Следствие продолжалось весь 1940-й год. К тому времени прошли большие перемены. Многие татарские писатели были уничтожены, память о них также предавалась проклятию. То, что в 20-х создавали Бурнаш и его товарищи, теперь отвергалось, на все это наклеивались кричащие, внушающие страх ярлыки. В "Литературной энциклопедии", изданной в 1939 году (Т. XI.—С. 199-200) о татарской советской литературе говорилось, что она "развивалась в условиях ожесточенной классовой борьбы против капиталистических элементов, представители которых проникли и в область литературы. С 1926 по 1937 год в татарской литературе орудовала контрреволюционная группа, в течение ряда лет занимавшая руководящие посты в татарских литературных организациях—в коллективе "Октябрь", ТАПП и Союзе советских писателей Татарии. Ныне разоблаченная группа врагов народа, контрреволюционных националистов вела вредительскую контрреволюционную работу на литературном фронте. Под их покровительством существовала контрреволюционная литературная организация "Джидегян", раскрытая в 1930 году. Все эти агенты врагов были разоблачены".

Часто употребляемое слово "контрреволюционер" при отсутствии войны и наличии "фронтов" замораживало, внушало страх и чувство обреченности...

Арестованный Бурнаш пытается сопротивляться, полагая, что за одно и то же нельзя наказывать дважды. 27 августа 1940 г. он писал, что о всех своих ошибках "в партийно-общественной и литературной работах, о личных связях с отдельными лицами из "правых" я подробно излагал в своих заявлениях на имя ОКК ЦКК, в своих выступлениях в печати и на собраниях за 1929-30 гг." Следователя Катерли это не удовлетворило. 30 сентября он создал экспертную комиссию по проверке всех трудов, "выпущенных Бурнашевым". Обосновал это решение Катерли тем, что Бурнашев, "будучи до ареста писателем, в ряде своих печатных трудов, издаваемых для массового употребления, протаскивал антимарксистские и антисовет-

ские взгляды". В комиссию были назначены Николай Терентьев, редактор сектора классиков марксизма-ленинизма; Гумер Баширов (Разин), редактор художественной литературы Татгосиздата; Абдулла Камалетдинов, переводчик сектора классиков марксизма-ленинизма. Срок окончания работы комиссии определялся 25 ноября 1940 г. По просьбе Бурнаша в состав комиссии были введены критик Хасан Хайри и редактор журнал "Совет эдэбияты" Т. Имамутдинов.

Комиссия завершила работу 2 декабря 1940 г. Ее выводы для Бурнаша были обнадеживающими. Члены комиссии подписали заключение о том, что "несмотря на ряд существенных недостатков художественного, исторического и даже политического порядка, в вышеперечисленных произведениях Фатхи Бурнаша антикоммунистических, антисоветских тенденций не содержится".

Но следователь продолжал копать... Он был настроен на обвинение любой ценой, не разбирая методов.

5 сентября 1940 г. Катерли вызвал Бурнаша на допрос в 20 ч. 30 мин. Этот допрос—образец запутывания обвиняемого, стремления заставить признаться в преступлении, которого не было. Вот характерный отрывок из него:

— Вы когда вступили в Коммунистическую партию?

— В ноябре 1918 года я стал сочувствующим, в марте 1919 года я уже стал членом партии большевиков.

— А с какого года вы примкнули к правым националистам?

— К правым националистам я примкнул в 1920 году.

— Вы были членом компартии и одновременно примыкали к контрреволюционной организации правых. Это верно?

— Да, верно. Я был членом ВКП(б) и одновременно был участником контрреволюционной организации правых.

— Следовательно, вы являлись двурушником в партии?

— Это я подтверждаю. Я действительно являлся двурушником в партии.

— Теперь вы подтверждаете, что вы были контрреволюционным двурушником и вместе с правыми вы вели борьбу с Советской властью?

— Получается так.

— Не получается, а это именно так. Вы посещали нелегально сборища контрреволюционной организации правых?

— Да, посещал.

Все вопросы следователя, по сути, носили провокационный характер и были направлены на получение утвердительного ответа. Но дело даже не в этом. Так называемые "правые"—М. Султан-Галиев и другие—никогда не выступали против Советской власти, а, наоборот, были ее

яростными защитниками. Когда Бурнашев работал вместе с ними, они занимали крупные советские посты и дискуссии о разрешении национальных проблем не считались контрреволюционными. Закона, их запрещающего, не было.

Бурнаш не всегда был так послушен на следствии. 2 октября 1940 г. Катерли постановил: Бурнашев, будучи на допросе 1 октября, не давал ответов по существу поставленных перед ним вопросов и по отношению к следователю держал себя вызывающе, нанося ряд оскорблений. Поэтому обвиняемого Бурнашева Ф. З. подвергнуть заключению в карцер на десять суток. И так было не раз. Были побои, издевательства, карцер. Для следователя обвиняемый человеком не был...

Доказательств какой-либо "вины" Бурнаша не было. Тогда Катерли прибег к испытанной методике организации оговоров обвиняемого. 10 октября 1940 года он вызвал на допрос в качестве свидетеля бывшую жену Бурнаша Фатыму Ильскую. Она подтвердила находившиеся на столе следователя свои показания 1930 года. Но дальше... следователь оказался в тупике. Катерли спросил Ильскую:

— Скажите, были ли случаи, когда вы от Бурнашева слушали антисоветские выступления?

— Таких вещей я не слышала от Бурнашева.

— Скажите, вам известны какие-либо факты о контрреволюционной деятельности Бурнашева или об его участии в контрреволюционной организации?

— Нет, таких фактов я не имею, но подозревала.

15 октября 1940 г. Катерли в 12 ч. 40 мин. устроил очную ставку Ильской и Бурнаша. Эта тяжелая сцена продолжалась два часа. По просьбе Ильской зачитали ее показания 1930 года. Бурнаш ответил, что он их подтверждает в той части, где говорится о его знакомстве с Брундуковым, Будаيلي и другими. "Ильская была моей женой и мы встречались семьями". Все ее бездоказательные, эмоциональные высказывания, наверное, подсказанные ей следователем, отверг. И чтобы снять возможные обвинения против Ильской, твердо заявил, что покинул жену, когда она ему устроила скандал за то, что он помогал семьям арестованных друзей (Брундуковым и другим). Бурнаш брал на себя все, что мог.

Несмотря на то, что никаких доказательств вины Бурнаша не было, следователь 19 октября 1940 г., требуя продления срока следствия еще на два месяца, обосновывал это тем, что "будучи татарским писателем, Бурнашев в своих литературных трудах протаскивал контрреволюционные националистические взгляды". Получив в начале декабря заключение им же утвержденной экспертной комиссии, что в произведениях Бурнаша ничего подобного

нет, Катерли, тем не менее, в обвинительном заключении, составленном 20 декабря 1940 г., утверждал, что Бурнашев являлся "одним из руководящих участников антисоветской организации правых татарских националистов"; Бурнашев "в своих показаниях факты своей принадлежности к антисоветской организации правых татарских националистов и своей антисоветской деятельности подтвердил, но виновным по статьям предъявленного ему обвинения не признал, заявив, что он считает совершенные им преступления "ошибками".

8 января 1941 года состоялся суд. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Татарии (Шамсутдинов, Ахмеров, Валеева) судила писателя Фатхи Бурнаша. Власти тройной морали не могли допустить наличия в стране политических преступлений и судили всех по уголовному кодексу. Бурнаш заявил, что он требует пригласить на суд как свидетелей Султан-Галиева, Будаили и Брундукова, а также платного адвоката. Учитывая, что Ильская, вызванная в качестве свидетеля, на суд не явилась (она была в командировке в Москве), суд решил отложить заседание.

Вновь суд собрался 23 января 1941 года. Он продолжался два дня. Выступали два свидетеля: Ф. Ильская и Т. Имамутдинов. Ильская сообщила, что вышла замуж за Бурнашева в 1928 г. Вместе с ним в Москве встречалась с Султан-Галиевым и Брундуковым. О чем говорили—"сейчас не помню". "С Бурнашевым жили периодами: поживем 2—3 месяца, потом опять расходимся. Таким образом жили 11 лет... Антисоветских разговоров со стороны Бурнашева я никогда не слыхала". Имамутдинов заявил, что знает литературную деятельность Бурнашева, что экспертная комиссия в его произведениях "ничего контрреволюционного не нашла".

Свидетели ничего не сказали против Бурнашева. Но прокурор Андреев общими грозными фразами призвал осудить его на 10 лет. В последнем слове Бурнаш заявил: "Я своей деятельности не скрывал и излагал все, что было, остаюсь верным советскому суду. Целиком полагаюсь на его решение". Как оказалось, зря. Суд был неправым. 24 января 1941 г. суд приговорил Бурнаша к 8 годам заключения в концлагере с последующим поражением в правах на 3 года. 10 февраля 1941 г. судебная коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев кассационную жалобу Бурнашева, оставила приговор без изменений. Тогда же Бурнашева этапировали в исправительно-трудовой лагерь Саратовской области, где разыгралось последнее действие его жизненной трагедии.

17 января 1942 г. в этом "Безымянском" лагере (Безы-

Фатхи Бурнаш

мянлаге) было вновь возбуждено уголовное дело против заключенного Бурнаша. Сержант госбезопасности Кологреев обвинил Бурнаша в антисоветской пропаганде и посадил в изолятор. На первом допросе в 11 часов дня сержант расспрашивал писателя о родственниках, знакомых. Бурнаш ответил, что в Казани остались его друзья: артист Ш. Шамильский, композиторы Дж. Файзи и С. Сайдашев, сообщил, что в лагере дружил с заключенными Султаном Галимовым, Харисом Сабировым, Ильенковым, но с последним "раздружился" в октябре 1941 года.

Сержант зачитал ему заготовленные 16 января 1942 г. доносы. Можно поражаться, удивляться, негодовать по поводу того, с какой готовностью заключенные, товарищи по несчастью бросались предавать, порочить соседа по нарам. Страх, зависимость от сержанта заставляли их ползать, извиваться. Липкое животное чувство—выжить любой ценой (лишь бы дали лишнюю пайку, полегче работу, не били бы...) лишало человека, хотя и не всякого, остатков морали, опустошало нравственно...

Заключенный Василий Чивигалов, рабочий, вместе с Бурнашевым в бригаде N 693 рыл траншеи для прокладки труб, вспомнил о высказываниях "антисоветского характера" своего напарника. Бурнашев, судя по его доносу, говорил: "Пишут, что у нас сейчас всего больше, а рабочие и крестьяне живут гораздо хуже, чем раньше". Рабочий Максим Свиридов письменно сообщил сержанту (может быть, и под его диктовку, но ведь подписал!), что поведал ему писатель о поражении России в войне, что скоро

ей будет конец, “скоро Гитлер приберет ее к рукам”. Бывший служащий Ильенков передал слова Бурнашева о том, что Гитлер воюет не против русского народа, а против коммунистов; Верховский—о том, что Бурнашев не верил газетам, говорил, что в них сообщается много ложного, лишь молодой казах Кисмет Джанабаев сообщил, что ничего не знает, но тем не менее не признался, что был свидетелем жестокого избиения Бурнашева доносчиками. Это случилось 12 января 1942 г... Свиридов поставил на нары котелок с обедом позади ничего не подозревающего Бурнашева. Тот, подымаясь с нар, ненароком опрокинул этот котелок. Тогда с криками: “добей татарскую гадину” на него кинулись Ильенков, Свиридов и Чивигалов и в драке сильно побили его. Бурнашев написал заявление по поводу этой провокации на имя начальника лагеря, но ответа не получил.

Сержант Кологреев в то время плел свою паутину, доказывая свою нужность не на фронте, а в лагере (особенно по части провоцирования заключенных). Он держал Бурнашева в изоляторе с 16 по 29 января 1942 года, допросил 7 раз, на очных ставках с доносителями Бурнашев категорически отрицал свою вину, называя приписываемые ему высказывания ложью и провокацией.

26 января 1942 г. сержант предъявил Бурнашеву обвинительное заключение. Писатель обвинялся в ведении среди заключенных антисоветской агитации, распространении своих буржуазно-националистических взглядов, восхвалял жизнь в старое царское время и клеветал на жизнь рабочих и колхозников. Высказывал пораженческие настроения по отношению к СССР”.

Дело, выдуманное сержантом, свидетельские показания, данные зависимыми от него людьми, покатились по инстанциям. Заявления, в которых Бурнаш молил о справедливости, никто не хотел принимать во внимание. В античеловеческой системе человеку не было места, его судьба никого не интересовала, в бесправном государстве не было нужды и в проведении необходимого следствия. Все было упрощено до беспредела: сержант решил, запуганные свидетели подтвердили и—все: человека можно наказать, расстрелять. Запущенная машина стирала его, как тогда говорили, в лагерную несъедобную пыль...

15 июля 1942 г. Особое совещание при НКВД СССР постановило: “Ф. З. Бурнашева за антисоветскую агитацию в условиях военного времени расстрелять”. Приговор был приведен в исполнение 1 августа 1942 г. комендантской командой управления НКВД Куйбышевской области.

Прошли годы, прежде чем трагичная и печальная участь писателя, поэта и драматурга стала известна. Путь к правде

оказался сложен и извилист. Попытки родных что-либо выяснить о судьбе Бурнаша долгое время были безрезультатны, а часто завершались отписками и ложью.

27 апреля 1956 г. сын Фатхи Бурнаша Рустем, брат—Вафа Закирович Бурнашев и сестра Хуршита Закировна Фасхутдинова написали заявление на имя председателя КГБ Татарии, что их брат и отец был арестован в Казани осенью 1940 г., но после мая 1942 г. они ничего о его судьбе не знают. На основе переданных им из неволи записок Бурнаша они сообщали: "Из дошедшей тогда до нас записки поэта из казанской тюрьмы видно, что Ильская на очной ставке неохотно подтвердила ранее данные ею показания, написанные другими, а подписанные ею... Следствие производилось, как видно из тюремных записок поэта, в тягчайших обстоятельствах, уму непостижимыми методами беззакония, произвола, издевательства". Они сообщали, что Бурнаш только в карцере просидел 103 дня, что его заставляли подписывать заранее заготовленные протоколы. Он жаловался на бандитские методы следствия прокурору Андрееву, но тот оставил все без внимания и последствий. "Наконец, автор записок в заключение пишет, что во время всех их пыток и мучений ему придавала мужество только уверенность в том, что он находится в руках врагов народа, которые со временем будут разоблачены и бесспорно изгнаны из советской разведки". Родственники просили сообщить им о судьбе Бурнаша и реабилитировать его.

6 июля 1956 года в недрах чекистского аппарата был подготовлен ответ на имя Вафы Закировича Бурнашева о том, что его брат в 1942 году был "вторично осужден на 10 лет лишения свободы и умер в заключении 1 августа 1946 г. от эмфиземы легких". Правдой в этой бумаге было лишь то, что Бурнаша действительно уже не было в живых и жизнь его была оборвана 1 августа, но только 1942 года.

Меж тем реабилитационная улитка набирала скорость. По делам невинно осужденных в ответ на заявления родственников или оставшихся в живых шли протесты прокуроров...

7 февраля 1957 года Президиум Верховного суда РСФСР нашел, что "обвинение Ф. З. Бурнаша в принадлежности к контрреволюционной организации и в подготовке вооруженного восстания не подтверждено достаточно убедительными доказательствами по делу". Бурнашев виновным себя не признал. Было отмечено, что суд над Бурнашевым неправомерно включил в приговор пункты обвинения в том, что Бурнашев "протаскивал в печати взгляды правых буржуазных националистов и что он оказывал материаль-

ную помощь арестованным контрреволюционерам. Согласно обвинительному заключению Бурнашеву не были предъявлены эти обвинения, к тому же они не подтверждены материалами дела". Президиум Верховного суда РСФСР постановил приговор 1941 г. в отношении Ф. З. Бурнашева отменить и дело производством прекратить за недоказанностью обвинения.

Фатхи Бурнаш был реабилитирован не полностью, оставалось неотмененным решение Особого совещания НКВД 1942 года... И все-таки его имя получило права гражданства, написанные им книги были выпущены из заключения в спецхранах библиотек. 6 марта 1957 года его сын, Рустем Фатхиевич Бурнашев, получил в КГБ Татарии сохранившиеся в личном деле отца членские билеты Союза писателей и Литфонда СССР... И реабилитационная улитка вновь замерла на долгих 30 лет. Те, кто сажал и пытал, судил и расстреливал, были еще живы, переступить через себя тяжело, а покойник лежит молча, от первого натиска родственников как-то отделались, остальное подождет...

В декабре 1987 года правление Союза писателей Татарии запрашивало КГБ республики о дате смерти и месте захоронения писателя Ф. Бурнашева. Готовили ответ долго и следуя давним, замшелым инструкциям, сообщили дипломатично, что сведениями о судьбе Бурнашева не располагают. Это было 12 февраля 1988 года, в стране говорили о гласности, необходимости восстановления правды о прошлом.

Лишь 2 апреля 1988 года прокуратура Татарии направила протест по поводу постановления Особого совещания НКВД СССР от 15 июля 1942 г., решившего расстрелять Бурнашева. В протесте прокуратуры говорилось, что следственные материалы не доказывают антисоветскую агитационную деятельность Фатхи Бурнаша, "его разговоры с заключенными носили характер обывательского толка, которые по своему содержанию не образуют состава государственного преступления". 5 мая 1988 года Верховный суд ТАССР рассмотрел протест прокуратуры и решил: "Постановление Особого совещания НКВД СССР от 15 июля 1942 г. в отношении Ф. З. Бурнашева отменить, дело прекратить производством за отсутствием в его действиях состава преступления". Теперь стали известны и подробности его расстрела 1 августа 1942 года. Фатхи Бурнаш полностью реабилитирован. Но его нет давно, нет и тех стихов, драм, романов и рассказов, которые он мог бы написать. Горе государству и палачам, расстреливавшим поэтов! Горе строю, допускающему убийства ни в чем не повинных людей! Это было, и так быть не должно!

ТРАГЕДИЯ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА

Сибгат Садыкович Гафуров вступил в партию большевиков в Баку в 1905 году. Было ему в ту пору 18 лет. Всю свою жизнь он гордился тем, что был в одной партийной организации со Сталиным. С гордостью он показывал Кави Наджми написанное Сталиным на листке служебного блокнота секретаря ЦК ВКП(б) удостоверение о том, что Сталин знал Гафурова по совместной работе в Бакинской организации большевиков в 1905 году. Эта записка помогла ему стать полноправным членом Всесоюзного общества старых большевиков в 1929 году. Это была его индульгенция, палочка-выручалочка в то время. Он пытался ею воспользоваться и в своем последнем слове во время закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР 9 мая 1938 года, когда произнес, как он думал, самое веское и значимое, что могло его спасти: "Я долго работал подпольно в период белых, у меня есть отзыв товарища Сталина. Я всегда активно боролся с левыми и правыми, и участником контрреволюционных организаций не был". На сей раз ничего не сработало, не изменилось, даже лица военных судей и мрачно-брюзгливое выражение председателя, корпусного военного юриста Матулевича. Суд продолжался 10 минут. Начался в 17 часов 10 минут, закончился в 17 часов 20 минут оглашением приговора: к высшей мере наказания с конфискацией личного имущества. Через несколько часов он был расстрелян. В следственном деле хранится расписка лейтенанта госбезопасности Кривицкого о приведении приговора в исполнение.

Умирать не хочет никто... Гафуров всю свою жизнь отдал выполнению указаний партии большевиков, проведению в жизнь ее генеральной линии. Делал это как мог. Были, как он полагал, ошибки и неудачи, но измены не было. И вот эта самая партия, власть, которой он посвятил всего себя, его судила, от имени этой власти над ним издевались, измывались... Одним из его мучителей был следователь Сунгатулла Курбанов, прозванный самими энкэведешниками "колуном" и "молотобойцем". Его арестовали и присудили в 1940 году к 7 годам заключения за фальсификацию следственных дел и избивание подсудимых. Капитан Аркадий Вахонин свидетельствовал 2 января 1940 г.: "В декабре 1937 г. в кабинете Курбанова я видел стоявшего на коленях Гафурова, с ним Курбанов обращался грубо, но при мне не избивал..." А без него?

И вот Гафуров пишет из тюремной больницы жене, Гульчире Закировне, записку о том, что у него на ногах

большие отеки, что он не может стоять. И дальше: "положение мое гяжелое, но я как был большевиком, так и умру большевиком".

Гафуров был уверен до конца, что произошла ошибка и его должны освободить. Гафурова арестовали 27 мая 1937 г. и объявили членом "контрреволюционной, троцкистской, националистической организации". В казанской квартире по улице К. Маркса, д. 54 произвели обыск, изъяли паспорт, партбилет, личную переписку, карабин. Не знал Гафуров, что в тот день санкцию на его арест дали члены бюро Татарского обкома ВКП(б) Лепа, Мухаметзянов, Байчури и Зайцев. Они не заступились за старого большевика Гафурова и многих других. Но совсем скоро никто не заступится и за них...

На следующий день, 28 мая, состоялся первый допрос. Его вел лейтенант госбезопасности Аухадеев.

— Вы арестованы как участник контрреволюционной троцкистской националистической организации в Казани. Расскажите о вашей контрреволюционной деятельности.

— Никакого участия в контрреволюционной троцкистской организации я не принимал и никакой контрреволюционной работы не проводил.

Говоря о себе, что он "не участвовал и не принимал", Гафуров вполне допускал существование такой организации в Казани. Из этого исходили и следователи. Они были уверены, что организация есть и нужно найти ее членов. У них были даже специально заготовленные бланки. Если перед ними сидел не мусульманин, в бланк вписывалась фамилия с обвинением в участии в "контрреволюционной троцкистской организации", если мусульманин, то брался другой готовый бланк, в котором к обвинительному штампу слов добавлялось: "националистической". Гафурову заполняли этот второй бланк.

Он заполнил обязательную анкету, где записал, что родился в 1887 году в деревне Татарский Шамалак Самарской губернии, в семье крестьян-бедняков, до революции работал на нефтяных промыслах в Баку, татарин. В семье—жена, Гульчира Закировна, редактор журнала "Азат хатын", дочери: Роза—11 лет и Гузель—8 лет. В августе 1914 г. был арестован в Баку за революционную работу, несколько месяцев провел в тюрьме, а затем выслан с Кавказа и поселился в Симбирской губернии в селе Старо-Тимошкино, затем служил в 96-м запасном пехотном полку, расквартированном в Симбирске. Работал в Симбирском губисполкоме, участвовал в подавлении мятежа командующего Восточным фронтом Муравьева, в боях за город, там же возглавил мусульманскую секцию при губкоме РКП (б)...

Но следователя интересовала жизнь Гафурова в Казани, его "связи" с другими членами выдуманной "организации".

— Хватит писать,—сказал Аухадеев,—скажите, когда вы приехали в Казань, с кем были связаны?

— В Казань приехал в 1920 году, после провозглашения автономной республики, стал работать заместителем народного комиссара социального обеспечения. В то время был близок с Саид-Галиевым, был у него на свадьбе. В 1922 г. был командирован в Турцию, как уполномоченный Коминтерна, по возвращении в 1923 г. примкнул к "левым". Работал тогда следователем Партколлегии Татарской областной контрольной комиссии. Главной задачей видел выполнение решения X съезда РКП(б) "О единстве партии". Тогда развертывалась борьба с Султан-Галиевым и его сторонниками ("правые")...

Гафуров принял участие в этой борьбе, он искренне считал, что важнее всего—это выполнять указания ЦК, ЦК никогда не ошибается и, следовательно, не случайно исключил Султан-Галиева из партии. Он вспомнил на допросе, как получил тогда свой первый партийный выговор.

17 декабря 1923 г. в Казани на открывшемся IV съезде Советов Татарии с отчетным докладом выступил председатель совнаркома республики Кашаф Гильфанович Мухтаров. Он считался сторонником Султан-Галиева. Значит, полагал Гафуров, его нужно с этой должности снимать. В ходе развернувшейся на съезде дискуссии выступил Гафуров и сказал:

— Мне еще в Москве было известно о зашифрованной переписке между Мухтаровым и недавно исключенным из партии контрреволюционером Султан-Галиевым. Я располагаю бесспорными документальными доказательствами, что глава нынешнего правительства Татарии Кашаф Мухтаров в 1915—1916 годах служил военным цензором в Пермском жандармском управлении. Я настаиваю на том, чтобы отказать Мухтарову в доверии...

В зале поднялся шум. Гафуров применил некорректный прием критики. Мухтаров ничего в своей биографии не скрывал, более того, после исключения Султан-Галиева из партии и ареста Мухтаров в числе 12 руководящих работников Татарии обратился в ЦК с ходатайством освободить Султан-Галиева, так как они верят в его невиновность. Письмо осталось без ответа, а всех 12 вскоре снимали с их постов... За нетактичное выступление на съезде (излишнее рвение, как объясняли в кулуарах) Гафурову объявили строгий выговор с предупреждением.

В середине 30-х, когда стреляли и бывших "левых" и бывших "правых", вся борьба 20-х годов теряла смысл. Судьба и система не пощадили ни тех, ни других.

В 1925—1929 гг. Гафуров работал вторым секретарем партколлегии Татарской областной контрольной комиссии ВКП (б) и по-прежнему считал главным борьбу за единство партии и разгром любых, указанных выше, антипартийных группировок. В 1929 году ему поручили заведование историко-партийным отделом Татарского ОК ВКП(б), а также руководство партийным архивом. Эти должности он занимал вплоть до ареста.

Гафуров заверял следователя, что после 1927 года от всякой групповой борьбы отошел, что ни с кем и никогда никаких контрреволюционных разговоров не вел.

Аухадеев передал дело Гафурова “молотобойцу”, и 28 июня 1937 г. Гафуров “сломался”—ровно через месяц после первого допроса.

— Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении, то есть участии в контрреволюционной троцкистско-националистической организации?

— Да, признаю.

— Как персонально вы были вовлечены в организацию?

— В контрреволюционную троцкистско-националистическую организацию в городе Казани я был вовлечен персонально Габидуллиным Хаджи, Гимрановым Заки и Палютиным Хафизом.

Справка: Габидуллин Хаджи Загидуллович, 1897 года рождения, большевик с 1917 г., комиссар в годы гражданской войны, в 1924—1927 гг.—председатель совнаркома ТАССР, в 1930—1933 гг. учится в институте красной профессуры, в 1934—1937 гг.—заведующий кафедрой новой истории колониальных и зависимых стран Московского университета, профессор. Был арестован в Москве 26 июня 1937 г. как один из “руководителей контрреволюционной пантюркистской организации в Москве и Казани”. Расстрелян 27 сентября 1937 г. На допросе 15 июля назвал Гафурова среди членов “националистической организации” в Казани.

Гимранов Заки Закирович, 1898 года рождения, редактор Таткнигоиздата, расстрелян 3 августа 1937 г. На допросе 14 января 1937 г. сказал, что Гафуров находился под непосредственным влиянием Галимджана Ибрагимова и резко критиковал политику партии в деревне в 1930—31 гг.

Палютин Хафиз—секретарь Агрызского РК ВКП(б), расстрелян в 1937 г.

3 декабря 1937 г. измученный и больной Гафуров написал заявление на имя наркома внутренних дел ТАССР капитана госбезопасности Михайлова: “...я осознал свое запирательство бесполезным, я решил дать развернутое показание по существу предъявленного мне обвинения.

Я ответственно, чистосердечно заявляю, что я являюсь одним из членов пантюристской антисоветской организации с 1933 года”.

Это заявление звучало как мольба—черт с вами, я со всем согласен, кончайте скорее. Оно свидетельствовало о безграничном отчаянии, безысходности, о крушении всех надежд.

Курбанов был доволен выбитым—в буквальном смысле слова—у Гафурова заявлением. Он приглашает на его допрос еще одного палача—лейтенанта Марголина. 21 декабря 1937 года они вдвоем потребовали от пятидесятилетнего измученного человека полного раскаяния в том, чего он не совершал. Они сидели перед ним молодые, откормленные, в хорошо вычищенных хромовых сапогах. От них пахло крепким одеколоном и ваксой. Вряд ли Гафуров обратил на это внимание. Это был другой мир, в котором, как он теперь понимал, ему уже не быть. Его мучило ощущение бессмысленности происходящего. Его тело уже мало реагировало на побои. Горела душа, ныло и почти останавливалось сердце. Гафурова мучили вопросы, на которые ему важно было найти ответ *для себя*. Не для них, сидящих напротив—им он отвечал автоматически, лишь бы быстрее отделаться. Нужно было сосредоточиться и ответить на свои вопросы, для себя...

— Да,—говорил Гафуров следователям,—я осознал всю преступность своего поведения, сейчас твердо решил рассказать всю правду о себе, о своей контрреволюционной деятельности.

Он подтвердил версию следователей о наличии в Казани группы заговорщиков против Советской власти, согласился с тем, что в нее входили все названные ими же лица, что они “хотели сорвать строительство колхозов, защитить кулака, формировали повстанческие настроения”. Более подробно “разоблачал” себя, свою работу в должности руководителя историко-партийного отдела и партархива. Он рассказывал о себе порою явные небылицы, а остальное в протоколах домысливалось следователями...

Из протокола допроса Гафурова 21 декабря 1937 г.: “Примерно в 1934 г. ко мне, как зав. отделом Истпарта ОК ВКП(б), поступил ряд документов, разоблачавших контрреволюционную деятельность татарских эсеров, в частности, в этих документах были материалы, указывающие на действительную цель, преследуемую эсерами при коллективном вступлении в ВКП(б)—подрывная деятельность внутри партии. Я эти документы не обнародовал и действительного лица членов ВКП(б) из бывших эсеров не вскрыл. Далее, в ряде исторических документов, выпущенных Истпартом, я вредительски извращал политику

ВКП (б). Выпущенная мною в соавторстве с Вольфовичем (правый бухаринец)... книга "Казанская большевистская организация в 1917 г." была направлена на смазывание роли партии большевиков как авангарда боев за Октябрь в Татарии. В 1934 году мною и Вольфовичем был издан материал—"Первый год диктатуры пролетариата", направленный на показ в выгодном свете роли буржуазии и буржуазного национализма (книга изъята)".

В этом заявлении Гафурова все поддается проверке и вызывает сомнение. Партия эсеров прекратила существование в стране в 1923—1924 годах. Принимали их в партию большевиков индивидуально, а не коллективно. Лидер татарских эсеров Г. Ибрагимов стал большевиком в 1920 году. Потому Гафурова вынудили, вернее, заставили подписать показание, чтобы использовать его против тех, кто когда-то был эсером, а теперь стал забывать об этом.

Книга "Казанская большевистская организация в 1917 г." вышла в свет в Казани в 1933 году. Ее редакторами были М. Вольфович, С. Гафуров, В. Жилинский, Г. Ризванов. Книга состояла из четырех глав: "Революционное движение в годы империалистической войны" (Е. Медведев), "От Февральской революции до июльских дней" (Ф. Демашев), "От июльских дней до корниловщины" (А. Тарасов), "Период подготовки вооруженного восстания и организации штурма" (В. Кудрявцев). Уже при обсуждении рукописей глав книга была подвергнута резкой критике со стороны ряда бывших участников событий (Л. Берлин, В. Вегер, К. Машкин, С. Шубин и др.). Они, вопреки фактам, но в полном согласии с конъюнктурными обстоятельствами, в 1931 году судили, не известные никому, в том числе и бывшим меньшевикам, ЦК партии РСДРП. Напуганные большевики 1917 года теперь протестовали против утверждения в книге о кратковременном (в начале марта 1917-го) существовании в Казани объединенной (большевики и меньшевики-интернационалисты) организации. Они заявляли, что никогда не были, ни одного дня, вместе с меньшевиками. Хотя другой участник этих же событий марта 1917 г., И. Г. Мохов (Лидин), в опубликованном дневнике прямо писал: "В начале марта состоялось по инициативе меньшевиков объединенное заседание социал-демократов (большевиков и меньшевиков) по вопросу о создании Казанской организации РСДРП. Присутствовало около 50 чел. Из большевиков были: К. Машкин, И. и С. Моховы и др., из меньшевиков: Шерков, Б. Нелидов и др. Послано приветствие "Правде" и меньшевистской центральной газете с сообщением о создании объединенной организации" (Пути революции.—Казань, 1922.—№ 1.—С. 143).

В начале 30-х политика властно командовала профессиональными историками, делала из них не исследователей, а исполнителей ежедневных желаний власти имущих. В предисловии к книге историки призывались к бдительности и борьбе с искажениями фактов. В качестве примера фальсификации истории назывались работы К. Грасиса, М. Сагидуллина, М. Корбута, Г. Касимова (т. е. тех, кто или был уже арестован, или подвергался критике). В послесловии давалась специальная статья С. Гафурова, Ф. Демашева, В. Кудрявцева, А. Тарасова, И. Фирсова "Против фальсификации истории Казанской большевистской организации и Октября в Казани", где резкой критике, не стесняясь в выражениях, были подвергнуты работы бывшего председателя Казанского комитета РСДРП(б) Карла Грасиса и бывшего прапорщика-большевика, служившего в Казанском гарнизоне, Назара Ежова. Они обвинялись в том, что в своих статьях и воспоминаниях преувеличивали роль солдат гарнизона в борьбе за власть Советов в Казани, недооценивали участие в вооруженной борьбе рабочих города, большевиков, Красной гвардии и т. д. Надо ли говорить, что обвинения носили не аргументированный, а декларативно-оскорбительный характер, что они все-таки не спасли ни чести обвинителей, ни обвиняемых, что многие положения именно Грасиса и Ежова много позже нашли подтверждение в исследованиях казанских историков.

В 1933 году Татарский истпарт выпустил один из лучших для своего времени сборников документов "Первый год пролетарской диктатуры в Татарии". В нем наряду с советскими документами были опубликованы и те, что имели отношение к противоположному лагерю. Сравнения режимов не всегда были в пользу первых. Сборник вызвал негативную, нервную оценку, был объявлен "грубейшей политической ошибкой Татистпарта", "непригодным для распространения" (Пролетарская революция.—1935.—N 5.—С. 135). В дела казанских историков вмешался Л. Мехлис, одоблив разоблачение "попыток представить, что большевизм в Татреспублике сложился на почве органического перерастания различных мелкобуржуазных течений в большевистское, что групповая борьба в татарской организации являлась исторически необходимым этапом и что "левые" были настоящими большевиками" (Большевик.—1932.—N 5—6.—С. 12). Все это знал Гафуров и не мог не учитывать, сидя перед следователями и яркой настольной лампой, направленной ему в слезящиеся, измученные, усталые глаза.

Справка: Вольфович Моисей Абрамович, 1888 года рождения, большевик с 1904 года, комиссар в гражданской

войне, в Казань приехал в 1927 г. по путевке ЦК ВКП(б), стал директором Татарского коммунистического университета, заведующим кафедрой истории ВКП (б) и ленинизма, затем директором Татарской высшей коммунистической сельскохозяйственной школы. Арестован 17 сентября 1937 г., расстрелян в мае 1938 г.

Следователи сами составляли протоколы, используя вынужденные признания других арестованных и заставляя тех, кто оказался в их мертвых объятиях, их подтверждать. Так, 9 марта 1937 г. они допрашивали арестованного директора Казанского педагогического института Газыма Касимовича Касимова. Спрашивали его о Гафурове. И записали все с тем, чтобы сначала вложить это выбитое из Касимова показание в досье Гафурова, а затем предъявить их ему в качестве "доказательства преступной деятельности". Касимова расстреляли 19 августа 1937 г., а подписанный им протокол с показаниями против Гафурова предъявили последнему в декабре того же года. В них говорилось: "Истпарт, руководимый Гафуровым, в течение 10 лет не только бездействует, но несет явную службу в пользу антипартийной контрреволюционной борьбы. Это заключается в умалчивании грехов и преступлений бывших групп и групповщиков и в придерживании материалов, разоблачающих контрреволюционную сущность последних. В Истпарт были переданы документы о татарских эсерах, но они не были использованы в публикациях для разоблачения эсеров". Вот откуда в протокол допроса Гафурова попали упреки в неиспользовании эсеровских материалов. Сами эти материалы представлены не были и невозможно судить, могли ли они быть использованы "для разоблачений".

Следователи не располагали никакими вещественными доказательствами какого-либо преступления Гафурова, как, впрочем, и многих других. Они выколачивали оговоры, мнения, а затем предъявляли их в виде обвинения. В досье Гафурова их немного.

Историк Мингарей Сагидуллин говорил Веверсу о нем 11 января 1937 г. (почти за полгода до ареста Гафурова): "Гафуров в 1923 г. в Казани был "левым", его друзьями были Исхак Рахматуллин, Галимджан Ибрагимов, Шагид Ахмадеев, Фатых Сайфи, Заки Гимранов. Габидуллин использовал старого большевика Гафурова как ширму для создания собственного авторитета... В 1930 г. Гафуров в разговорах жаловался на нехватку продуктов, на "оттеснение" старых большевиков, восхвалял Троцкого и троцкиста Мдивани, которого лично знал". Он же сообщил, что Гафуров в 1926 г. встречался в Казани с приехавшим на областную партийную конференцию представителем ЦК ВКП (б) Г. Я. Сокольниковым.

Вали Салимович Шафигуллин, заведующий отделом Татиздата, арестованный 1 февраля 1937 года и вскоре осужденный на 10 лет лишения свободы, на допросе подтвердил дружеские отношения Гафурова и Г. Ибрагимова, но,—твердо сказал он,—“в троцкистской организации Гафуров не состоял”.

26—28 февраля 1938 года следователи устроили Гафурову две очные ставки для подтверждения “его преступных деяний”. Первая—с Мингареем Ахметшиным, 1889 года рождения, госарбитром ТАССР (арестован 5 июля 1937 г., расстрелян 9 мая 1938 г.). Ахметшин напомнил Гафурову встречу на улице в 1935 году, когда тот будто бы говорил ему о приезде из Москвы Хаджи Габидулли-на и совещании в Казани местных националистов, а также о том, что Гафуров, будучи членом партколлегии обкома партии, приписал стаж пребывания в партии председателю совнаркома республики Ш. Ш. Шайморданову. Гафуров категорически отверг эти голословные, лишённые всякой фактической основы, заранее заученные показания отчаявшегося человека. Вторая очная ставка была ему устроена с Низамом Сафаровым, 1899 года рождения, начальником главлита ТАССР (арестован 21 октября 1937 г., расстрелян 10 мая 1938 г.). Бывший главный цензор республики заявил, что “все произведения, которые выпускались под редакцией Гафурова, носили антипартийный, националистический характер”. Этим сообщением он навредил себе, наверное, больше, нежели Гафурову. Тем самым Сафаров признавал вину цензуры (главлита), которая пропускала, давала пропуск на выход в свет подобной литературы. Гафуров подобные обвинения отверг. У него был примерно месячный перерыв, он чуть пришел в себя и был снова готов защищаться от нелепых обвинений. Гафуров понимал, что Ахметшину и Сафарову предложили на него “наклепать”, обещали что-то взамен, они не выдержали бесконечных издевательств и согласились. Он их понимал и, сам недавно переживший подобное, не осуждал.

И все же это не устраивало следствие. Готовилось обвинительное заключение, нужно было, чтобы Гафуров признал себя виновным в чем-либо, хотя бы частично. 3 марта 1938 г. Гафурова вновь вызвал на допрос Курбанов.

— Какие кандидатские списки по выборам в Учредительное собрание по Симбирскому округу вы поддерживали?—неожиданно спросил он.

— Я поддерживал список большевиков.

— Вы лжете. Вы поддерживали кандидатов буржуазных панисламистов, выставленных от мусульманского Шуро. Почему вы это скрываете?

— Я говорю правду...

— Под списком выставленных кандидатов от симбирского мусульманского Шуро под N 18 в числе 118 подписей стоит ваша подпись...

— Я не помню, подписывал ли я этот список.

— Вы изобличены как контрреволюционер.

— Националистической деятельностью я не занимался, работал согласованно с симбирской группой большевиков.

Курбанов встал из-за стола, подошел к Гафурову и сильным ударом сшиб его с табурета, затем пинками начал выколачивать последние силы из лежащего, стонущего человека, приговаривая: "Теперь ты будешь во всем со мной соглашаться, сволочь, подтверждать любой мой вопрос, иначе я выбью из тебя дух, вражеская скотина!"

Закончив зверскую экзекуцию, Курбанов взял графин с водой, вылил ее на неподвижно лежащего Гафурова, подошел к окну, покурил в форточку, вернулся, приказал Гафурову подняться и сесть. Подождал немного и спросил:

— Ну, признаешь себя во всем виновным?

— Да, признаю, но частично. В контрреволюционной националистической организации был, но террористическими актами не занимался никогда.

Справка: На выборах в Учредительное собрание в Симбирском округе большевики получили 13% голосов, эсеры—72,2%, кадеты—3,1%, меньшевики—0,7%, мусульманская Шуро-исламия—10,5%. С. Гафуров голосовал за большевиков, список N 10. Более того, С. Гафуров вел агитацию против Шуро. После его выступления 3 апреля 1918 г. перед красноармейцами-мусульманами Симбирского гарнизона была вынесена резолюция: "Разоблачить перед всеми жителями г. Симбирска и губернии действия губернского "Шуро", идущего всецело по стопам буржуазии и ни разу не оказавшего поддержки трудовому народу..." Резолюция была подписана С. Гафуровым (Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии. Сб. док.—Ульяновск, 1957.—С. 201).

Курбанов блефовал, а проще говоря, врал, провоцируя Гафурова на признание в том, чего он не делал. Это тоже было одним из зловещих и жестоких, беспринципных приемов так называемого следствия. Ведь этот список не был предъявлен Гафурову, а когда он в нем усомнился, то был просто избит...

Абдулла Юсупов, встречавшийся с Гафуровым в Симбирске в 1918-м, назвал его руководителем симбирских большевиков-татар. Он оставил описание встречи с ним. "С. С. Гафурову было тридцать лет. Высокий и стройный, в движении прямой и чуть откинутый назад, внешне строгий, при первой встрече он оставлял впечатление гордого и недоступного человека, но стоило хоть один раз

увидеть его широкую улыбку и веселое сияние его темных глаз, как от первого впечатления не оставалось и следа. Высокий лоб, чуть подчеркнутый забегающими за гладкую прическу залысинками, глубоко посаженные под брови пронзительные глаза, упрямый рисунок рта, характерный подбородок с ямкой, да и весь его внешний облик говорили о высоких умственных и волевых качествах этого человека" (Симбирская губерния в 1918—1920 гг. Сб. воспоминаний.—Ульяновск, 1958.—С. 363—364).

И вот теперь этот гордый, знающий себе цену человек, имеющий ясную цель в жизни, был повергнут, превращен в ничто. Его могли бить, ему плевали в лицо, об него вытирали ноги, и он мечтал о конце.

14 марта 1938 года Гафурову было предъявлено обвинительное заключение. В нем было все страшно и бездоказательно. "УГБ НКВД Татарии вскрыта и ликвидирована антисоветская правотроцкистская организация, активно действовавшая в блоке с националистической пантюркистской организацией, под руководством московского правотроцкистского центра". В то время, 2—13 марта 1938 г., в Москве проходил процесс по делу так называемого "антисоветского правотроцкистского блока". Внимание было сосредоточено на руководителях этого блока Н. И. Бухарине и А. И. Рыкове. На местах в целях "успешного выполнения задач по разгрому правотроцкистских и иных антисоветских организаций" объявляли социалистическое соревнование. В результате арестовывались и осуждались десятки тысяч ни в чем не повинных людей. При помощи шантажа, вымогательства и насилия из арестованных выколачивались самые фантастические и нелепые показания.

Гафуров и многие другие, арестованные в Казани, были быстро ориентированы на разоблачения "бухаринцев". Для придания московскому процессу общесоюзного характера правотроцкистов тогда находили повсеместно. Гафуров, как и многие другие, кому вменялось это обвинение, был назван членом этой организации, он "вел организованную борьбу за вооруженное свержение Советской власти и реставрацию капитализма, осуществлял вредительство, извращал историю Коммунистической партии".

"Дело" Гафурова слушалось в закрытом судебном порядке без участия обвинения и защиты, вызова свидетелей на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. На суде Гафуров признал себя виновным частично,—да, имел в 20-е годы связь с "левыми", показания-оговоры "свидетелей", отсутствующих на суде (часть из них была уже расстреляна), назвал данными "в бредовом состоянии". Но спасти его ничто не могло, и не спало. Наверное, он это понимал. Не понимал, вероятно, одного: как могло так

случиться? Почему это коснулось, и даже прямо обратилось против него, честного большевика, свято соблюдавшего все предписания свыше? Он ведь свято чтит и то, к чему призывал Емельян Ярославский: каждый коммунист должен уметь защищать любое решение руководящих органов партии. Он и защищал. Нет, иногда в нем брали верх другие, человеческие, качества. Но ведь за них судить нельзя! В 1927-м Гафуров понял, что в партии началась вакханалия, борьба группировок за власть, и решил отойти от всякой активной работы. И все-таки в 1929 г., когда в партии начались "чистки", он не выдержал, дал положительный отзыв М. Сагидуллину, охарактеризовал его на собрании "кристально чистым" человеком. Не мог он писать сплошную неправду в угоду требованиям времени. Гафуров понимал, что происходящее—не только его личная трагедия, это крах того большевизма, которому он был верен и в котором еще видел какое-то человеческое лицо.

Прошло почти два десятилетия после его гибели. В сентябре—октябре 1955 года Гульчира Закировна, жена Гафурова, обратилась в прокуратуры СССР и Татарии, ЦК КПСС с почти идентичными письмами: "В 1937 году нашу семью постигло тяжелое несчастье—мой муж, Гафуров Сибгат Садыкович, был арестован органами НКВД в г. Казани... В нашей 12-летней совместной жизни я как член партии не имела никакого повода сомневаться в его преданности партии и родине. Я знала его только как скромного, справедливого коммуниста". Писала с горечью о себе, своей разрушенной семье. Гульчира Закировна тоже была арестована и 8 лет провела в заключении, две дочери 7 и 10 лет росли сиротами. А ведь она была писателем, журналистом, многие годы редактировала журнал "Азат хатын". Когда ее освободили в 1946 г., в Казани жить не разрешили, дали работу воспитателем детского сада в Арском районе.

Началось новое расследование "дела". Очень скоро выяснилась его полная правовая несостоятельность. Вызванные в КГБ Татарии писатель К. Наджми и член партии с 1920 г. И. Курников охарактеризовали Гафурова с самой положительной стороны. "Гафуров был скромным, преданным делу Коммунистической партии честным человеком, и таким именно он сохранился в моей памяти",—заявил К. Наджми.

3 октября 1956 года были реабилитированы Сибгат Садыкович и Гульчира Закировна Гафуровы. За конфискованное в 1937 г. и пропавшее имущество ей выдали 9375 рублей. Но разве можно деньгами и реабилитацией возместить утраченные и порушенные жизни? О Всевышний, если Ты есть, как Ты мог допустить такое? Как мог позволить людям так издеваться друг над другом? Эти вопросы задавались часто. Их задают и сейчас.

ДВА ДЕЛА ЕВГЕНИИ ГИНЗБУРГ

Ну, они там поговорили о лагерном опыте, оба ээка, и Солженицын стал ее так деловито спрашивать: сколько лет, как себя чувствует, какова работоспособность. Взял клочок бумаги и стал что-то вычислять. Потом говорит: проживете вы столько-то лет, и писать вам, Евгения Соломоновна, надо не меньше четырех страниц в день, чтобы все рассказать...

В. Аксенов

Из беседы с журналистами.

В один прекрасный день 37-го

Брали тысячами способов, они систематизированы в "Архипелаге ГУЛАГ". Ей, например, позвонил Веверс и попросил зайти—минут на сорок! Когда вам удобнее!—чтобы уточнить кое-что об Эльвове. "Я открыла дверь очень смело,—вспоминала Евгения Гинзбург.—Это была настоящая храбрость отчаяния. Прыгать в пропасть лучше с разбега, не останавливаясь на ее краю и не оглядываясь на прекрасный мир, оставляемый навсегда".

Следственное дело N 2792, лист 1.

Из постановления от 10 февраля 1937 г.

"Я, начальник 1-го отделения 4-го отдела УГБ мл. лейтенант Царевский, нашел:

Гинзбург Евгения Соломоновна, с 1932—1935 гг. являлась сотрудником газеты "Красная Татария", содействовала контрреволюционной троцкистской деятельности группы Эльвова (ныне репрессированного), их контрреволюционные суждения против партии и Советской власти скрывала; состоя в это время в рядах ВКП (б), перед партией двурушничала, т. е. совершала деяния, предусмотренные статьей 58-10, ч. I УК РСФСР.

А посему, руководствуясь ст. 128, 143, 144 УПК РСФСР постановил: Гинзбург Евгению Соломоновну, 1904 г. рождения, еврейку, гражданку СССР, сотрудницу газеты "Красная Татария", исключенную из ВКП (б) в 1937 г. за контрреволюционную троцкистскую деятельность, проживающую по ул. Комлева, дом N 6, кв. 3, арестовать и произвести у нее обыск по месту ее жительства с привлечением ее к уголовной ответственности по ст. 58-10 УК РСФСР, о чем ей объявить под расписку.

Содержание под стражей избрать—внутренний изолятор УНКВД по ТР".

На листе—подписи Царевского, начальника 4-го отдела УГБ НКВД ТР капитана ГБ Веверса, начальника управления НКВД СССР ТР комиссара 3 ранга Рудя. Есть и автограф Е. С.: “Настоящее постановление мне объявлено”.

Она вернулась через 18 лет.

Следователи

Понять, какими они были эти люди, можно только из мемуаристики. Архивные документы как источник в данном случае подобны фотопленке, становящейся мертвой на свету. Стиль—это человек? Но протоколы допросов, постановления и заключения бесстильны и, возможно, бесплодны. В самом деле, обмен вопросами и ответами кажется чем-то трансцендентальным. Это даже не новояз. Сначала исчезает смысл, затем агонизирует язык.

Протокол допроса от 15 февраля 1937 г. Лист дела 7. Вел капитан Веверс.

Вопрос: Вы обвиняетесь в участии в контрреволюционной троцкистской организации и в активной троцкистской в борьбе с партией. Признаете ли вы себя в этом виновной?

Ответ: Не признаю. Никакой троцкистской борьбы с партией я не вела. В троцкистской контрреволюционной организации я не состояла.

Все. Конец протокола. Точка. Число. Подписи.

Проходит несколько дней. Е. С. терзается в камере изолятора на Черном озере, вслушиваясь в раздражающее душу форте оркестра, под который дутьшами взрезают лед катка конькобежцы. Следствие, надо полагать, готовится к продолжению “психологического поединка”.

Протокол допроса от 20 февраля 1937 г. Лист дела—19. Вел лейтенант Ливанов.

Вопрос: Ваши предыдущие показания не искренни. Намерены ли вы давать правдивые показания?

Ответ: Мои показания соответствуют действительности. Больше показать ничего не могу.

Дата. Подписи.

Закрывать подписи ладонью, загадать: где Ливанов, где Веверс? Превращаясь в функции, люди становятся абсолютно взаимозаменяемыми—к такому выводу должен прийти беспристрастный исследователь. Между тем Е. С. вспоминала:

Ливанов спокоен и официален. Настаивает на подписании самой чудовищной чуши, всем своим видом демонстрируя, будто “это самая естественная и притом незначительная часть некой канцелярской процедуры”.

Бикчентаев—"толстененькая мордочка, из которой глупость сочилась, как жир из баранины", это "коротенький розово-щекий парнишка с мелкими кудряшками, похожий на закормленного орехами индюшонка". Он и ведет себя, как индюшонок: пыжится, тужится, стараясь войти в роль, напускает на себя свирепость, но когда его ставят в тупик, еще способен смущаться.

С Бикчентаевым связан такой курьез. При обыске у профессора Н. Эльвова нашли шутивную записку, где он сравнивает Е. С. с Анной Карениной. Бикчентаев торжествует: "Следствию известно, что ваша подпольная кличка была Каренина. Подтверждаете ли вы это?"

Царевский—землисто-темное лицо и ослепляющие контрастом выгоревшие светлые волосы. 35-летний старик со скрипучим голосом.

Неизменно галантный майор Ельшин. Он изумляется, осведомившись у Е. С., отчего она такая "бледненькая", будто не зная, что ее допрашивают без сна и пищи уже несколько суток подряд.

Наконец, кокаинист Веверс. Е. Гинзбург о его глазах: "Их надо бы в кино крупным планом показывать, такие глаза. Совсем голые. Без малейших попыток маскировать цинизм, жестокость, сладострастное предвкушение пыток..."

Почти все следователи, "проходившие" по делу Гинзбург, были смяты первой чисткой НКВД конца 1937 года. О Ельшине Гинзбург слышала на пересылках, про Царевского рассказывали, что он повесился в камере на ремне, который ему удалось сберечь от шмона. Согласно тюремной "параше", он перестукивался с соседями и давал всем совет ничего не подписывать. Странное для сталинского чекиста занятие...

Из официальных источников

Царевский Сергей Вячеславович, 1898 года рождения, русский. Родился в Казани, член партии с 1918 года, участник гражданской войны, образование высшее. 31 декабря 1937 г. Царевский был арестован в Казани за то, что "отстаивал контрреволюционную позицию врага народа Бухарина". Во время следствия заболел. Умер в тюремной больнице 2 мая 1938 г.

Веверс Ян Янович, 1899 года рождения, латыш, член "тройки" ТАССР с 1935 г. В послевоенное время министр госбезопасности Латвии. Уволен из органов 12 марта 1963 г. Умер и похоронен в Риге.

Бикчентаев Гарейша Давлетшиевич, 1902 года рождения, татарин, член партии с 1924 г. Окончил Казанский педагогический техникум и областную совпартшколу.

В Татаро-башкирской военной школе в Казани преподавал обществоведение. С 1931 года в органах ОГПУ-НКВД. В 1937 г. младший лейтенант госбезопасности. 26 ноября 1937 г. арестован, "изобличен в принадлежности к контрреволюционной право-троцкистской националистической организации". По приговору военного трибунала Приволжского военного округа приговорен к расстрелу в августе 1938 г. По кассационной жалобе приговор был изменен на 10 лет тюремного заключения с поражением в политических правах на 5 лет и конфискацией имущества. 22 февраля 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла решение о том, что Бикчентаев был осужден по сфальсифицированным материалам. В мае 1940 г. был освобожден из Соловецкой тюрьмы и возвратился в Казань. Дальнейшая судьба неизвестна.

Палачи, жертвы? Негодовать, сожалеть? Впрочем, ремесло истории—не судить, но понять.

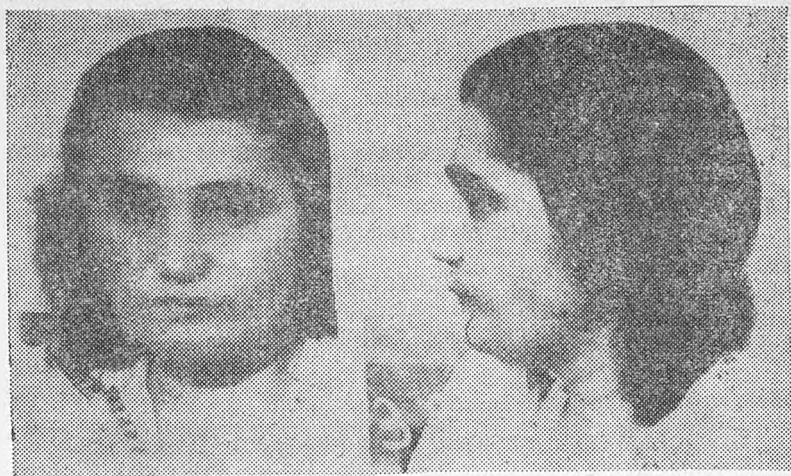
Обвиняемая

Открывая том крепко сшитых и пронумерованных документов, более всего опасаясь разочарования. Как часто человеческая память спотыкается "на самом интересном месте"!

Она гордилась тем, что не потеряла человеческого достоинства и не подписала никакой лжи. Эта моральная победа потребовала таких сил, наличия которых в себе Е. С. и не подозревала. "Это единственное мое утешение сейчас, на краю старости и смерти, что я не опоганила свою душу клеветой на ни в чем не повинных людей",— писала она много позже сестре, Наталье Соломоновне (письмо сестра переслала прокурору, считая, что оно поможет реабилитации Е. С.).

Ее ставили на "конвейер", семь суток без еды и сна, даже без возвращения в камеру. Тогда ей собственные страдания казались безмерными. Но позже она узнала, что ее "конвейер" был детской забавой по сравнению с тем, что стало практиковаться с июля 1937-го. Со скромным мужеством Е. С. признала, что ей "просто везло: мое следствие закончилось еще до начала применения "особых методов".

Такое признание дорогого стоит, особенно как вспомнишь не очень давнее (кстати, в "Огоньке") разоблачение в сексотстве почтенного писателя, успевшего выпустить несколько книжек о пережитом. (Варлам Шаламов как предчувствовал, отзываясь о книгах Дьякова пренебрежительно в письмах Солженицыну). Конечно, что и гово-

Е. С. Гинзбург. Магадан, 1949.

рить, человек слаб, и каждого подстерегает соблазн падения, но книжки-то зачем писать о силе...

Жили мы в стране, где стоило лишь обернуться, и увидишь тысячи палачей, миллионы стукачей и десятки миллионов простаков, позволивших себя оболванить и, лишив чести, над собой надругаться. Воистину, нам следует почаще и помирнее повторять, что, возможно, мы много хуже, чем о себе воображаем. И потому странную отраду чувствуешь, вновь погружаясь в следственное дело N 2792, ибо уже наперед знаешь: автор "Крутого маршрута" честен и чист.

Перед военной коллегией

Подсудимые наблюдательны. Е. С. замечает:

Судей роднит взгляд маринованного судака, застывшего в желе.

Прекрасная комната с высоким потолком, в окно веет летний ветер удивительной чистоты. Слышен звук—таинственный и прохладный, это шелестя листья. Почему она раньше никогда его не слышала?

Настенные часы с блестящими стрелками, благодаря которым знаешь, что вся процедура заняла семь минут.

Председательствующий свидетельницу Козлову называет Козловым, а Дьяконова—Дьяченко. Е. С. просит назвать фамилию человека, на которого она покушалась. Ей отве-

чали: был убит товарищ Киров, убили его ваши единомышленники, следовательно, виновны и вы. И суд удаляется на совещание.

Е. С. улавливает боковым зрением, как конвоиры сплетают за ее спиной руки, готовясь принять ее, упавшую в обморок. Но вместо ожидаемой "высшей меры" звучит "десять лет тюремного заключения со строгой изоляцией". Она вспоминает Пастернака: "Каторга, какая благодать..."

Протокол уместается в две странички.

Протокол
закрытого судебного заседания выездной сессии
Военной коллегии Верховного суда Союза ССР

1 августа 1937 года

Город Москва

Председательствующий Диввоенюрист—Дмитриев.

Члены Диввоенюрист Поляков, Бригвоенюрист Преображенцев.

Секретарь военный юрист 1 ранга Кондратьев.

Председательствующий объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению Гинзбург Евгений Соломоновны в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Секретарь доложил, что подсудимый в суд доставлен и что свидетели по делу не вызывались.

Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимого и спрашивает его, вручена ли ему копия обвинительного заключения, на что подсудимый ответил утвердительно. Подсудимому разъяснены его права на суде и объявлен состав суда.

Подсудимый никаких ходатайств и отвода составу суда не заявил.

По предложению председательствующего секретарем оглашено обвинительное заключение.

Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленных ему обвинений и спросил его, признает ли он себя виновным, на что подсудимый ответил, что виновным себя не признает. Свои показания на предварительном следствии подтверждает и заявляет, что виновна в том, что, будучи близко знакома по работе в ред. газеты "Красная Татария" с троцкистом Эльзовым, не разглядела в нем врага народа. В к/р организации она не состояла и о существовании ее ей известно не было.

Оглашаются показания Бургана.

Подсудимая заявила, что она просто удивлена этими показаниями.

Оглашаются показания Азовского.

Подсудимая эти показания не подтверждает. Азовский и другие являлись членами группировки вокруг Самсонова, которая боролась против Красного (в редакции газеты "Красная Татария"). Обком партии по этому поводу вынес решение, сняв участников группы с работы, поэтому показания Азовского она считает необъективными.

Оглашаются показания Бычковой, Козловой, Дьяконова и Кринкина.

Подсудимая заявила, что все эти лица ее оговаривают. Больше дополнить судебное следствие ничем не имеет.

Председательствующий объявил судебное следствие законченным и предоставил подсудимой последнее слово, в котором она просила суд обратить внимание на то, что она молодой член партии. С Эльвовым она работала в 1934 г. и то не весь год. Она виновата в том, что не разглядела врага народа троцкиста Эльвова. Просит суд дать ей возможность исправить свое преступление.

Суд удалился на совещание.

По возвращении суда с совещания Председательствующий огласил приговор.

Председательствующий

Подпись неразборчива

Секретарь

Подпись неразборчива

Дело N 101

В 49-м начались аресты повторников. Бывшие зэки пытались найти какое-то объяснение. Антонов работал бухгалтером—стало быть, недостача. Авербах был некогда сионистом—наверное, после создания государства Израиль понадобились его старые связи. Фельдшерица Виноградова и доктор Вольберг, видимо, кого-то залечили. Рейхсдойче Гертруда, доктор философии, искала закономерность в свете марксовой гносеологии, ленинской теории империализма и последней встречи министров иностранных дел Италии и Афганистана. А старый еврей Уманский попросил карандашик, выписал все фамилии и обнаружил, что берут просто по алфавиту: Антонов, Авербах, Астафьев, Барсенов, Бланк, Батурина, Венедиктов...

— Чем могла провиниться Гертруда, играя на рояле в оркестре дома культуры?

— Тем же, чем вы в своем утильцехе, а ваша подруга— в детском саду,—ответил мудрый старик Уманский.

Надо очень привыкнуть к абсурду, чтобы назвать, как назвала Е. С., это следствие "странным". Молодой следователь Гайдуков откровенно скучает. Обвинений не

предъявляет, признаний не требует. Статьи шьются привычные—террористическая группа 58-8 и 58-11.

“Как потом выяснилось, нас арестовали ВСЕГО ТОЛЬКО для того, чтобы оформить нам по приговору Особого совещания МГБ пожизненное заключение. Для этого требовалось переписать старое дело, отправить его фельдъегерской связью в Москву, дожидаться пока там проштампуют... и наконец получить приговор опять же при помощи все той же неторопливой фельдъегерской связи. На это уходило пять-шесть месяцев...”

“Утверждаю”

Начальник Управления МГБ
на Дальнем Севере
полковник (Федаков)
16 ноября 1949 года.

Обвинительное заключение
по следственному делу N 101 по обвинению
Гинзбург Евгении Соломоновны
по ст. ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР

Управлением Министерства Государственной Безопасности на Дальнем Севере 25 октября 1949 года за участие в троцкистской организации была арестована и привлечена к уголовной ответственности—Гинзбург Евгения Соломоновна.

Следствием установлено:

В 1934 году Гинзбург Е. С., будучи на руководящей работе в редакции газеты “Красная Татария” в городе Казани, поддерживала личную связь с троцкистами Красным и Эльвовым и являлась участницей существовавшей в редакции троцкистской группы, использовавшей местную печать для протаскивания троцкистской идеологии.

(См. особый пакет).

Гинзбург, пользуясь своим служебным положением, а также используя положение мужа, являвшегося членом бюро Казанского обкома ВКП (б), регулярно информировала троцкиста Эльвова о поступающих в редакцию материалах, разоблачающих его троцкистскую деятельность, и о решениях обкома ВКП (б), направленных на борьбу с троцкизмом.

(См. особый пакет).

В предъявленных обвинениях Гинзбург Евгения Соломоновна виновной себя не признала (л. д. 29-32), однако в преступной деятельности достаточно изобличается показаниями арестованных Эльвова, Красного, Винтайкина и Бурган.

(См. особый пакет).

На основании изложенного обвиняется:

Гинзбург Евгения Соломоновна, 1904 года рождения, уроженка города Москвы, еврейка, гражданка СССР, беспартийная, из служащих, с высшим образованием, работавшая воспитательницей 3 детского дома сануправления Дальстроя и проживавшая в городе Магадане, старый сангородок, дом 2, кв. 21.

В том, что она в 1934 году являлась участницей контрреволюционной троцкистской группы, существовавшей в редакции газеты "Красная Татария", поддерживала связь с троцкистами Эльвовым, Красным, Винтайкиным и другими и информировала троцкистов о материалах, поступавших в редакцию, разоблачающих их подрывную деятельность, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

В соответствии со ст. 208 УПК РСФСР следственное дело по обвинению Гинзбург Евгении Соломоновны направить через Военного Прокурора войск МВД Дальстроя на рассмотрение Особого Совещания при МГБ СССР для применения в отношении Гинзбург ссылки на поселение.

Обвинительное заключение составлено 16 ноября 1949 года в городе Магадане.

Ст. следователь следотдела УМГБ на Дальнем Востоке—
Лейтенант (Гайдуков).

"Согласен"

И. о. начальника следотдела УМГБ на Дальнем Севере—
Подполковник (Цирульницкий).

Справка:

1. Обвиняемая Гинзбург Е. С. содержится в тюрьме УМВД по СДС.

2. Вещественных доказательств по делу нет.

3. Личные документы находятся в следственном деле N 101.

Ст. следователь УМГБ на Дальнем Востоке—
Лейтенант (Гайдуков).

"Сам отец Ворошилов..."

У нас демократия такая—мы и пишем. Так было всегда, по крайней мере, с тех пор, как завелись грамотные на Руси. Все мемуаристы единодушно отмечают страсть политических к апелляции. Е. С. написала только через два месяца после смерти Сталина.

Уже через десять дней после того, как по радио заиграли музыку Баха, в казенном доме поставили скамейку для приходивших отмечаться ссыльных, коменданты стали изредка улыбаться, кто-то из них обмолвился: товарищи.

В "Советской Колыме" под сурдинку сказалось нечто о "незаконных методах следствия".

Е. С. пишет Председателю Президиума Верховного Совета СССР, с которым некогда, давным-давно, сталкивалась лично. Со страшным скрежетом реабилитационная машина заработала.

Председателю Президиума
Верховного Совета СССР
К. Е. Ворошилову

Заявление

ссылно-поселенки Гинзбург Евгении Соломоновны, год рожд.—1904. Место рождения—Москва. Образование—высшее. Профессия—педагог. Быв. член ВКП (б). Арестована в Казани в 1937 году. Теперешнее место поселения—Колыма. (Магадан, Нагаевская ул., дом 37, кв. 21).

За шестнадцать с половиной лет, в течение которых я непрерывно подвергаюсь репрессиям, я впервые обращаюсь в Верховный орган страны с просьбой о пересмотре моего дела. Поэтому очень, очень прошу внимательно прочесть мое заявление и ответить на него. Изложу кратко факты. Я—постоянная жительница г. Казани. Там я окончила вуз, там была оставлена при институте для научной работы, там же работала на научно-педагогической работе в педагогическом институте и в гос. университете до 1937 г.

Мой муж—Аксенов Павел Васильевич, партийно-советский работник, до ареста являлся председателем Казанского городского Совета. К моменту ареста я имела двух сыновей—старшему было 10 лет, младшему—4 года.

За 7 лет до ареста я вступила в партию. Будучи молодым коммунистом, вступившим в партию уже после разгрома троцкистской оппозиции, я не только никогда не примыкала к ней, но даже не была свидетельницей борьбы с ней и была знакома с этим вопросом только по официальной партийной литературе. Муж мой, чл. партии с 1918 г., тоже никогда ни к каким оппозиционным группировкам не принадлежал. Несмотря на это, я уже семнадцатый год подвергаюсь репрессиям как "участница к.-р. троцкистской организации".

В чем же заключалось предъявленное мне конкретное обвинение? В 1934 году Татарский обком партии мобилизовал группу научных работников для усиления работы редакции областной газеты "Красная Татария". Я оказалась в числе мобилизованных и около двух лет заведовала отделом культуры этой редакции, совмещая эту работу с основной педагогической работой. В этой редакции работал некий профессор Эльвов. В 1935 г., после убийства

Кирова, он был арестован. После его ареста я, наряду со многими другими коммунистами, работавшими с ним в одном учреждении, получила партийное взыскание: "поставить на вид притупление политической бдительности". До самого своего ареста Эльвов пользовался полным доверием обкома, являлся членом горкома партии, в Казань он прибыл по путевке Центр. Комитета. Правда, мы все знали, что за несколько лет до этого он написал какую-то статью в сборнике под ред. Ярославского и что эта статья была признана политически ошибочной, но полное доверие, которым он пользовался в руководящих парторганах, заставляло и меня—рядового коммуниста—относиться к нему без особых подозрений. Я и сейчас, по прошествии чуть ли не двадцатилетия, не знаю, в чем был виновен Эльвов. Но через два года после его ареста, 15-го февраля 1937 года, я была арестована, и то же самое обвинение—"не разоблачила Эльвова", за которое я в 1935 г. получила самое легкое парт. взыскание—"на вид"—стало теперь расцениваться уже не как притупление партийной бдительности, а как "участие в к.-р. троцкистской организации" и принесло мне приговор Военной коллегии Верховного суда: 10 лет тюремного заключения с поражением в правах на 5 лет по ст. 58-8 и 11. Это могло случиться только благодаря неправильным, незаконным приемам предварительного следствия и благодаря полному отсутствию судебного следствия. Заседание Военной коллегии Верх. суда (1-го августа 1937 года) по разбору моего дела длилось шесть минут, включая сюда и опрос и чтение длинного текста приговора. Мои судьи настолько торопились, что ни на один мой вопрос, ни на одно мое заявление ответа не дали. Что касается предварительного следствия, то здесь применялись такие приемы, как запрещение спать в течение 8-ми суток, нецензурная брань, угрозы и т. д. Две так называемые "очные ставки", которые, собственно, и послужили основанием для передачи моего дела в судебную инстанцию, проводились следователем Бикчентаевым путем беззастенчивого запугивания свидетелей прямо в моем присутствии. Так называемый "свидетель" Дьяконов, подписывая дрожащей рукой клеветнические показания, сформулированные следователем, плакал горькими слезами, тут же, при следователе, умоляя меня простить его, т. к. он "не может сейчас погибать, потому что у него только что родился ребенок".

В дальнейшем я узнала, что и следователь Бикчентаев, и руководивший всем следствием майор Ельшин были в 1939 г. репрессированы. Однако сделанное ими в отношении меня беззаконие не исправлено до сих пор.

Итак, я стала государственной преступницей со статьей

“террор”. Кстати, я абсолютно штатский человек и оружия в руках никогда не держала. Я отбыла десять лет заключения, из них три года я просидела в разных тюрьмах и семь лет—в колымских лагерях.

За это время погиб на Ленинградском фронте мой старший сын, умерли, не дождавшись меня, отец и мать. В 1947 г. я освободилась из лагеря. Ехать на материк было не на что и уже не к кому, и я поступила здесь, в Магадане, на работу в детский сад в качестве пианистки. Оставшегося в живых младшего сына мне удалось вызвать сюда, и он, после одиннадцатилетней разлуки, находился при мне. В этой скромной позиции я собиралась дожить остаток жизни. Но вот 25-го октября 1949 г. меня арестовывают вторично. Мой сын за 16 лет своей жизни вторично остался без матери, на этот раз остался один, без средств, на краю жизни. Второй мой арест длился только месяц. Никаких новых обвинений мне не предъявили, только переписали старые протоколы 37-го года, уточнив ряд фактических данных. В 37-м г. так спешно вели дело, что были перепутаны все анкетные сведения—и год рождения, и адрес, и социальное происхождение. Написали—очевидно, с целью сгустить краски—”дочь торговца”, тогда как мой отец по профессии фармацевт, работал свыше 20-ти лет в той же Казани, и все отлично знали, что он не торговец, а служащий.

В результате этого второго ареста я получила ссылку на поселение без указания срока. (Постановление особого совещания). Сначала местом ссылки был назначен Красноярский край, но затем, по моей просьбе, он был заменен Колымой.

В качестве ссыльной я стала подвергаться различным утеснениям по линии работы. Несмотря на то, что мои деловые качества, по общим отзывам, удовлетворяли мое руководство, меня периодически снимали с работы. Вот и сейчас я—безработная, т. к. в феврале 1953 г., во время кампании по усилению бдительности в связи с арестом группы врачей в Москве, меня сняли с работы по мотивам политического недоверия. Я осталась без средств к существованию, хотя на иждивении у меня двое детей—сын, который еще учится, и семилетняя приемная дочь.

Такова краткая фактическая история этих шестнадцати с половиной лет. За эти годы я потеряла все: семью, партию, любимую профессию, здоровье. И сейчас, приближаясь уже к пятидесятилетнему возрасту, перед лицом близкого конца жизни, я еще раз повторяю, что я ничем, абсолютно ничем, не только делом, но даже и мыслью, не заслужила переносимых и перенесенных мук. С полной искренностью, с открытой душой я вступала в партию, с напряжением всех сил работала в ней.

Нелепость статьи "террор" (пункт-8) так ясна даже при самом поверхностном знакомстве с делом, что ее не приходится и опровергать. Когда я в 37-м году спросила председателя суда, в убийстве какого политического деятеля я обвиняюсь, он ответил мне сложным и странным силлогизмом. Дескать, троцкисты убили Кирова в Ленинграде, вы не боролись с Эльзовым в Казани—следовательно, вы и должны рассматриваться как террористка. В качестве материала для 11-го пункта в моем обвинительном акте перечислен ряд фамилий людей, многие из которых были мне даже незнакомы. Не познакомилась я с ними и на суде, где кроме меня и судей, никто не присутствовал.

Я прошу Вас рассмотреть, в связи с моим заявлением, следующие вопросы:

1) О неправильном осуждении меня в 1937 году на основании клеветнических показаний, данных под нажимом ныне репрессированных следователей и при полном отсутствии судебного следствия.

2) Об осуждении меня в 49—50 гг. на бессрочное поселение по материалам старого дела, т. е. от вторичной репрессии за одно и то же (к тому же не совершенное) преступление.

3) О том, что мне не дают возможности работать. Пять лет, в общей сложности, я проработала пианисткой в детских садах Магадана. Это полутехническая работа с детьми от трех до шести лет. Но и эта работа теперь мне не доверяется, несмотря на отличные производственные показатели. На свою старую специальность, по которой я имею хорошую квалификацию, я уже не претендую, но работа по музыке, с маленькими детьми, мне кажется, совершенно не угрожала устоям государства, а мне давала посильный по возрасту и здоровью заработок.

Это все официальная, юридическая сторона дела. В заключение я хочу написать несколько неофициальных слов.

Дорогой Климент Ефремович!

Прошу Вас за этим перечнем фактов увидеть живую человеческую судьбу, представить себе мать, разлученную с малолетними сыновьями, один из которых в дальнейшем погиб на фронте, так и не повидав мать, которая в 1920 году, пятнадцатилетней девчонкой, рвалась на польский фронт и, шагая по улицам в старенькой кофтенке, распевала в комсомольском хоре—"Ведь с нами Ворошилов—первый красный офицер...", а в 1953 г.—на пороге старости, измученная и разбитая—обращается к Вам за справедливостью и хочет верить в эту справедливость.

Е. Гинзбург

9.V.1953 г.

Магадан. Нагаевская ул., д. 37, кв. 21.

Постскрипtum

Курт Воннегут для одного из своих героев придумал, на первый взгляд, смешную, а если вдуматься, весьма многозначительную эпитафию: "Он старался". Е. С. старалась, и у нее получилось.

Раиса Орлова вспоминала, как в октябре 1970 года в Москву в числе сопровождавших Помпиду журналистов приехал Кароль—"независимый левый". Он встретился с Е. С.—и нашла коса на камень. Все революции преступны и безнравственны,—запальчиво утверждала она.—Неизбежность революции—сказка, придуманная Марксом.

Судьбе угодно было, чтобы Е. С., атеистка и большевичка в юности, умерла антикоммунисткой и католичкой, а трагедия ее жизни отлилась в великолепную и страшную книгу.

* * *

В Канаде живет сын двоюродной сестры В. И. Ленина—Николай Всеволодович Первушин. Он родился в 1899 году в Казани, закончил Казанскую гимназию и университет и до своего выезда за границу в 1923 г. преподавал в школе и различных вузах города. В своих воспоминаниях "От Ленина до Горбачева", изданных в Нью-Йорке в 1989 году, он пишет, как прочитал в Италии книгу Евгении Гинзбург "Крутой маршрут" и узнал в ней свою ученицу по казанской школе. Через журнал "Юность" Первушин написал ей письмо и получил ответ. "Рамки безжалостного времени сместились,—писала своему учителю географии Гинзбург,—и я представила Вас с четкостью кинокартины. Я увидела Вас, молодого учителя, преданного своей работе, и себя, девушку с короткими черными косами. А на заднем плане—нашу дорогую, старую Казань 1920-х годов, наш университет и нашу школу, бывшую царскую гимназию Котова... Как бы я хотела вновь увидеть Вас! Ведь так мало осталось наших ровесников. Моя жизнь, хотя я моложе Вас, также приближается к концу. В ней было много тягостного и много хорошего. Самой болезненной была потеря моего старшего сына Алеши, который скончался в возрасте 16 лет во время ленинградской блокады. Теперь у меня только один сын—Василий и 17-летний внук Алеша, названный так в память о покойном старшем сыне. Я рада, что здоровье сейчас у меня—относительно хорошее, и я могу работать. Я получаю большое удовлетворение от своей литературной работы".

Первушина взволновали страдания и лишения его бывшей ученицы, и он задает вопрос, который мучает и нас:

кто несет ответственность за ее мучения? Кому это было нужно? И обвиняет в этом безжалостную государственную систему, установленную в стране в послереволюционное время (р.115—116).

ЗАПРЕТ НА ЖИЗНЬ

Внешне, особенно вначале, все обстояло благополучно. Галимджан Гирфанович Ибрагимов, известный татарский писатель, общественный деятель, сразу же после октября 1917 г. активно включился в строительство нового мира. Он был депутатом разогнанного большевиками Учредительного собрания, членом ВЦИК РСФСР, заместителем М. Вахитова в Центральном Мусульманском комиссариате при Народном комиссариате по делам национальностей. В ту пору неоднократно встречался с руководителями советского государства В. И. Лениным, Я. М. Свердловым, И. В. Сталиным и другими. Ибрагимов был среди тех, кто тогда реализовывал советскую национальную политику по отношению к тюркским народам страны. Он был левым эсером, вместе с Ф. Сайфи в марте 1917 г. основал газету "Ирек" ("Воля"), в декабре 1920 г. вступил в РКП(б), учитывая его революционные заслуги и проделанную работу в борьбе за Советскую власть, партийный стаж ему зачли с апреля 1917 г., т. е. включили в него и левозеровскую работу.

В 20-е годы Ибрагимов—один из руководителей развития татарской культуры: пишет учебники для татарской школы, возглавляет Академический центр Наркомпроса республики, редактирует журнал "Магариф" ("Просвещение"), его художественные произведения в 1918–1936 годах выдержали 54 издания на 10 языках народов страны. Его биография, творческий путь описаны в десятках работ, полнее других в монографии М. Х. Хасанова "Галимджан Ибрагимов" (Казань, 1969). Но оказалось, что жизнью писателя и общественного деятеля интересовались не только историки, философы и литературоведы. Выяснилось, что советский писатель, человек, воевавший и утверждавший все советское, был под неотступным наблюдением советского учреждения—ОГПУ. Эта сторона дела, таинственная, секретная, долгие годы не упоминалась публично нигде. В стране, государственный и общественный строй которой Ибрагимов укреплял и поддерживал как мог, ему доверяли Ленин, Вахитов, сотни больших и малых руководителей Татарии, миллионы читателей, но не система, подозревавшая любую личность, способную на самостоятельное мышление и поступки, на инакомыслие.

Ибрагимовы приняли в РКП(б), но никогда не забывали о том, что он был когда-то левым эсером. В 1922 году во время судебного процесса над руководителями партии правых эсеров в Москве появилась одна из первых чекистских справок об Ибрагимове (на учет брали всех бывших эсеров, и левых, и правых, и вступивших в РКП(б), и ставших беспартийными). В ней, как и положено, описание для филерского наблюдения: "Ибрагимов—светлый брюнет, среднего роста, носит длинные русые волосы". И довольно неожиданное своей категоричностью и отсутствием доказательств заключение: "В Казани, наряду с группой Султан-Галиева. (республиканцев), действует группа эсеров Ибрагимова. В нее входят Шагит Ахмадиев, Фатых Сайфи, Насых Мухутдинов (комиссар муспехкурсов), Галимджан Шараф, Махмуд Будаили, Алкина-Манина (жена И. Алкина) и другие... Ибрагимов—безусловный националист. Чрезвычайно крупная политическая и литературная фигура среди всех мусульманских масс Поволжья, Приуралья и Сибири".

Можно легко обнаружить сходство между этой справкой и той, которая стала основанием для постановления младшего лейтенанта госбезопасности Каменщикова об аресте Г. Ибрагимова 25 августа 1937 года. В этом последнем говорилось: "Имеющимся материалом с достаточной полнотой уличается Ибрагимов Галимджан в том, что в 1920 году примкнул к к/р националистической группе так называемых "левых" в Татпарторганизации, а в 1925 г. с определенной частью этой группы вошел в к/р троцкистско-националистическую организацию, в которой играл роль одного из руководителей вплоть до последнего времени, проводя практическую к/р работу на культурно-идеологическом фронте, т. е. в преступлении, предусмотренном 58-10 ч. I и 58-11 ст. ст. УК РСФСР. Принимая во внимание, что пребывание на свободе Галимджана Ибрагимова, в интересах следствия, невозможно, руководствуясь 145 и 158 ст. ст. УПК...

Мерой пресечения для Ибрагимова Галимджана, 1887 года рождения, сына муллы, уроженца дер. Султан-Муратово, Стерлитамакского района, Башкирской АССР, члена ВКП(б), по профессии писателя, татарина, проживающего в городе Ялте, Крымской АССР—избрать содержание под стражей. Командировать в г. Ялту спецконвой для доставления Ибрагимова в город Казань".

Арест был разрешен капитаном ГБ Веверсом, прокурором Лейбовичем, заместителем наркома внутренних дел ТАССР майором ГБ Ельшиным.

25 августа 1937 г. сотрудник НКВД Татарии Курбанов получил ордер на обыск, арест писателя в Ялте и

документы на доставку его в Казань. В ялтинское отделение НКВД была отправлена соответствующая телеграмма. 20 августа на квартире Ибрагимова (Ялта, ул. Боткинская, д. 23) при понятном Константине Фролове был произведен обыск. Были изъяты паспорт, партбилет, браунинг, грамота Героя Труда, билет члена Союза писателей, личная переписка, папка с документами, сберкнижка. Ибрагимова поместили сначала в Симферопольскую тюрьму, партбилет сдали в Ялтинский райком партии, затем этапировали в тюремном вагоне в Казанскую тюрьму и позже перевели в следственный изолятор НКВД Татарии.

В следственном деле Ибрагимова справки московских и крымских врачей о том, что в 1934 г. в Ялте его оперировали первый раз, а в 1935 г.—вторично (резекция двух ребер), что Ибрагимов страдает туберкулезом легких и почек, что процесс в легких открытый с кровохарканием и туберкулезными палочками. На отсрочку ареста Ибрагимова не повлияла ни справка врачей, ни донесения агентуры, не спускающей с него глаз, ни тяжелейшее состояние здоровья писателя. Еще в январе 1928 года сексот докладывал: “Г. Ибрагимов уже полтора месяца лежит без движения, каждый день у него из горла идет кровь. Врачи уже потеряли всякую надежду на выздоровление, он сам уже уверен в своей близкой смерти. Это состояние до некоторой степени повлияло на его психику и он ни о чем, кроме своей болезни, не говорит”. Даже больной, он продолжал представлять опасность для тоталитарной системы. Он не был ни шпионом, ни контрреволюционером, не ставил задач разрушения государства, измены родине. Какие же все-таки были, и были ли основания у тех, кто не верил своим согражданам, у тех, кто мыслил только лагерными категориями, мешать Ибрагимову (одному из многих) не только жить, но и умереть в собственной постели, а не в тюремной больнице? Ведь в следственном деле нет протоколов допросов Ибрагимова, есть лишь врачебные справки. 31 декабря 1937 г. его осмотрел доцент ГИДУВа Захаров и обнаружил “резкое истощение”, “безнадежность положения”. И после этого Ибрагимову не был обеспечен надлежащий врачебный уход, его не отпустили, не позволили умереть дома! В деле акт N 3 от 21 января 1938 года: “Мы, ниже подписавшиеся врач больницы ОМЗ Маврина, лекпом Байкеев и старший надзиратель Петров, составили настоящий акт в том, что лишенный свободы Ибрагимов Галимджан, 50 лет, прибывший из казанской тюрьмы N 1 21/X-1937 г.—умер 21/I-1938 г. от туберкулеза легких и туберкулезного плеврита”. А также, что он “схоронен в общем порядке, средствами больницы 27/I-1938 г. Сообщено о смерти Ибрагимова начальнику

тюрьмы т. Нугуманову—24/1-1938 г., вследствие тех обстоятельств, что 22 и 23 числа января месяца были нерабочими”. Все обычно и просто: был человек, писатель, общественный деятель, которого читали и слушали люди,— и нет его, “схоронен в общем порядке...” Но только 16 июня 1938 г. НКВД Татарии прекратило следствие в отношении Г. Ибрагимова в связи с его смертью. Ждали полгода, может быть, надеялись, что он воскреснет? Не напрасно надеялись. Галимджан Ибрагимов воскрес. Не удалось ни его, ни многих других “схоронить в общем порядке”...

Но тогда, когда Ибрагимов полтора месяца находился в следственном изоляторе, а затем несколько месяцев в тюремной больнице, следствие тщательно готовило на него компромат. В него вошли оговоры, выбитые (вместе с зубами) у арестованных руководителей республики и писателей Татарии, которые подписывали протоколы допросов с характеристиками Ибрагимова как “эсера и пантюриста”, “лидера буржуазно-националистической интеллигенции”, “протаскивающего в своих произведениях националистические воззрения”. Нелепо и говорить, что все эти “утверждения” никак не подтверждались фактами.

В апреле 1944 года, видимо, в связи с готовящимся постановлением ЦК ВКП(б) о работе Татарской партийной организации, майор НКГБ ТАССР Юнусов составил специальную справку о “бывшем писателе Ибрагимове Г. Г.” На основе весьма своеобразной и целенаправленной интерпретации произведений Ибрагимова майор делал вывод о том, что в художественных произведениях писателя, изданных до революции, “пропагандировался идеализм и буржуазный национализм”, а в изданных после революции— “восхваляется эсеровщина, дискредитируется партия большевиков”.

Поиском правды об Ибрагимове можно назвать процесс его реабилитации. Хотя нельзя не заметить, что для того, чтобы его осудить и память о нем предать забвению, хватило оговоров и разговоров, а для того, чтобы реабилитировать, понадобились документы и эксперты.

24 мая 1955 года прокуратура Татарии поручила КГБ республики проверить правильность ареста Г. Ибрагимова и оценить его деятельность и произведения. Прокуратура ссылалась на письмо писателя А. Еникеева в ЦК КПСС, в котором было высказано требование реабилитировать Г. Ибрагимова, чье творчество оказало огромное влияние на развитие татарской литературы. Прокуратура поставила задачей установить правильность показаний об Ибрагимове, выяснить оперативные данные о нем, проверить их достоверность, подвергнуть квалифицированной экспертизе его труды.

Первое, что сделал майор КГБ М. Аминов, это создал экспертные комиссии для оценки произведений Г. Ибрагимова, изданных на русском и татарском языках. В русскую комиссию вошли доценты Казанского педагогического института И. Пехтелев, И. Рахлин и доцент университета Е. Колесникова (вскоре она заболела и участия в работе комиссии не принимала). В татарскую—научные сотрудники КИЯЛИ КФАН СССР Г. Халитов, Х. Гимадутдинов, преподаватель университета И. Нуруллин.

В заключении, подписанном Халитовым, Гимадутдиновым и Нуруллиным 24 сентября 1955 г., говорилось, что "Г. Ибрагимов—писатель, прошедший сложный творческий путь и оставивший богатое художественное, публицистическое и научное наследие... Не отрицая наличия недостатков и политических ошибок в послеоктябрьской деятельности Галимджана Ибрагимова, мы констатируем, что опубликованные в печати материалы свидетельствуют о том, что Ибрагимов укреплялся на полезной советскому народу и советской культуре идейной позиции и, искренно преодолевая свои ошибки и недостатки, рос как видный советский писатель и общественный деятель". Пехтелев и Рахлин, проанализировав романы Ибрагимова "Глубокие корни", "Дочь степи", "Татарка", не обнаружили в них ничего контрреволюционного.

Аминов обнаружил, что в качестве доказательства вины Ибрагимова к делу были приобщены выписки из показаний на предварительном следствии арестованных по другим делам М. Багаутдинова, Г. Мухаметзянова, И. Рахматуллина, К. Нежметдинова, В. Филиппова, К. Абрамова, а также заявление Г. Касимова.

В живых из них оставался только Кави Наджми. 14 сентября 1955 г. Аминов пригласил его на беседу о Г. Ибрагимове. Наджми сообщил, что познакомился с Ибрагимовым в 1924–25 годах в редакции литературного журнала "Безнең юл", куда он отнес свой рассказ о гражданской войне, и Ибрагимов его положительно оценил. Наджми сказал, что ему ничего не известно о контрреволюционной деятельности Ибрагимова, наоборот, ему известно, что Ибрагимов "стремился помогать развитию советской культуры, советской науки и литературы". Он говорил о том, что положительно оценил деятельность Ибрагимова в своем докладе на I Всесоюзном съезде писателей (1934 г.). Наджми заявил, что Ибрагимов "принес много пользы в деле расцвета советской культуры. В связи с этим я еще раз отвергаю мои собственные показания, вынужденно подписанные мною в 1937–38 годах, как несоответствующие действительности" (15 октября 1937 г. Наджми подписал на допросе характеристику Г. Ибрагимова как человека,

“группировавшего вокруг себя буржуазно-националистическую интеллигенцию”).

В показаниях Махмута Багаутдинова, бывшего секретаря Татарского обкома комсомола (арестован 27 ноября 1937 г., расстрелян 10 мая 1938 г.), говорилось о том, как Суббух Рафиков (редактор детской литературы Татгосиздата, осужден в 1938 г. к 10 годам заключения) и Гаяз Давлетшин (помощник второго секретаря обкома партии, арестован 20 декабря 1937 г., расстрелян 10 мая 1938 г.) написали письмо Г. Ибрагимову в январе 1937 г. В этом письме они восторгались творчеством Г. Ибрагимова: “Ты наш лучший учитель, мы надеемся, что ты еще дашь не одно хорошее произведение, пожелаем тебе успеха в работе и здоровья”. На допросе Рафиков категорически отрицал наличие чего-либо контрреволюционного в этом письме.

Галим Мухаметзянов был вторым секретарем Татарского ОК ВКП(б). Его арестовали 24 октября 1937 г., расстреляли 10 мая 1938 г., на допросе он назвал Ибрагимова “эсером и пантюркистом”, доказательств никаких не привел.

Киям Абрамов, бывший председатель совмина республики (арестован 31 июля 1937 г., расстрелян 9 мая 1938 г.) на допросе назвал Ибрагимова “националистом”, опять-таки не аргументируя свое показание.

Василий Филиппов, секретарь Тат. ЦИКа (арестован 28 ноября 1937 г., расстрелян 9 мая 1938 г.), на одном из допросов сообщил, что он слышал об Ибрагимове как “крупном работнике-националисте”.

Газым Касымов, бывший директор Казанского государственного педагогического института (арестован 30 декабря 1936 г., расстрелян 19 августа 1937 г., измученный допросами, он часто отказывался от прежних показаний), говорил на одном из допросов, что Ибрагимов “обманным путем присвоил себе партстаж с 1917 года”, что он оставался эсером и т. д. Подлинник его заявления о будто бы состоявшемся в его присутствии разговоре Ибрагимова с секретарем обкома партии М. Разумовым в делах отсутствует.

Бари Абдуллин, второй секретарь Татарского ОК ВКП(б) (арестован 10 марта 1937 г., расстрелян 3 августа 1937 г.), на допросах назвал Ибрагимова эсером, буржуазным националистом. Основания для таких характеристик не названы.

Михаил Разумов, секретарь Татарского, затем Восточно-Сибирского обкомов партии (арестован 1 июня 1937 г., расстрелян 27 сентября 1937 г.) В его деле никаких упоминаний о Г. Ибрагимове нет.

Из всех этих данных было ясно одно—что никаких фактов нет, а есть показания, выбитые из напуганных, отчаявшихся, измученных людей, которых заставляли приклеивать друг на друга политические ярлыки... Никакого серьезного обвинения они собою не представляли. Следовательно Аминов писал в заключении: “Эти данные не могут служить доказательством вины Ибрагимов, так как они носят общий характер и в них не говорится о совершении Ибрагимовым какого-либо конкретного преступления, а некоторые из этих лиц, кроме того, на суде отказались от показаний, данных ими на предварительном следствии”. И он, на основании выводов литературной экспертной комиссии, опроверг обвинение в том, что Ибрагимов вел контрреволюционную работу “на культурно-идеологическом фронте”.

Аминов ждал ответов на свои запросы из разных архивов страны. Слишком много вопросов оставила за собой жизнь такого деятельного и сложного человека, каким был Галимджан Ибрагимов. Нужна была документально подтвержденная правда.

Оперативное наблюдение за Ибрагимовым усилилось в 1927-1928 годах. С чем это было связано, нетрудно понять. В 1927 году отмечалось 10-летие Октябрьской революции, анализировались результаты изменений в обществе. Ибрагимов предложил брошюру “Каким путем пойдет татарская культура?” Это были развернутые тезисы его выступления на специальном совещании по национальному вопросу в обкоме партии. Партийным товарищам понравилось, когда Ибрагимов резко отозвался о неприятии рецидивов великодержавного шовинизма и местного национализма. Но их явно насторожило его следующее утверждение: “Народы, говорящие на татарском языке, где бы они ни жили, считаются частями одного культурного коллектива. Поэтому вопрос о постоянном контакте с татарами, живущими вне Татарской республики, должен быть одним из моментов, занимающих особое место в развитии и усилении татарской культуры. Вместе с тем, с ростом и подъемом татарской культуры и моменты обмена культурными и научными опытами с другими тюркскими народами должны иметься в виду”. Постановление Татарского ОК ВКП(б) 14 июня 1927 года осудило выступление Ибрагимова как тенденцию к культурно-национальной автономии. Его упрекали в том, что “он ставит национальную культуру не средством к социалистическому строительству, а самоцелью”, что защищает не слияние культур, а право татарского народа развивать собственную культуру на основе своего родного языка...

Авторитет Ибрагимова, особенно среди национальной интеллигенции, быстро рос. Когда в 1927 году Ибрагимов

поехал на лечение в Крым, агентура местного ГПУ доносила о недовольстве татарской интеллигенции тем, что на его лечение выделено недостаточно средств. В Ялту ушла телеграмма и за писателем быстро было установлено визуальное наблюдение. Письма, поступающие в дом № 5 по улице Халтурина, перлюстрировались. Принимались провокационные меры с целью опорочить писателя, подорвать его влияние на общественную жизнь республики. Одной из таких мер стало сообщение из Казани в Восточный отдел ОГПУ о том, что "председатель Академцентра Татаркомпроса Г. Ибрагимов получил для просмотра роман под заглавием "Кзыл чэчэкляр" ("Красные цветы") от гражданки, проживающей в Москве, Марьям Исхаковой-Хансеваровой, ... присвоил его себе и выпустил от своего имени..." Казанские гэнэушники просили найти и допросить эту гражданку и способствовать снятию Ибрагимова с поста председателя Академцентра за "активную националистическую деятельность". Вскоре из Москвы сообщили, что гражданка Исхакова-Хансеварова в столице никогда не проживала, ее искали в Хиве, но не нашли и там. Да ее и не могли найти! Ведь известно, что повесть "Красные цветы" была написана Ибрагимовым в 1921-1922 годах, и он никак не мог ее "просматривать" в 1927-м.

Но фамилия была выбрана не случайно. Мастера интриги и провокаций рассчитывали как-то соединить имена Ибрагимова и Исхаки, бросить тень на его зарубежные связи. В апреле 1927 года из Казани следует специальная справка о писателе: "В жизни Ибрагимова нужно разбираться по следующим данным, характеризующим его, как человека консервативного убеждения и как человека, использовавшего революцию в интересах личной жизни, и как идеолога, вначале пантюркиста, а после Октября—пантатариста". В справке отмечалось, что Ибрагимов и Исхаки все время боролись за первенство в литературе. Подчеркивалось, что Ибрагимов вступился за К. Тинчурина, когда его хотели освободить от должности главного режиссера, способствовал назначению директором татарского театра Ф. Бурнаша, поддерживал брата Гаяза Исхаки Хасана, который работал в театре суфлером, и не возражал против постановки пьесы Г. Исхаки, но ее запретила цензура (главлит).

При этом намеренно забывалось то обстоятельство, что Ибрагимов и Г. Исхаки дискутировали между собой еще на I-м Всероссийском мусульманском съезде (май 1917 г.) о будущем мусульман. Исхаки тогда предлагал всем мусульманам России объединиться на одной платформе и под одним знаменем. Ибрагимов говорил: "Мы дошли до самого тонкого места. Это—определение нашего

политического пути. Это вопрос о том, под какое—под алое или красное—~~а~~мя должны встать? Вместе с какими партиями должны мусульмане России решать свои проблемы?.. Нам нельзя идти по линии, предложенной господином Г. Исхаки. Это очень широкий, расплывчатый путь, это—туман... Мы должны составить блок с социалистами-революционерами". В 1924 году в книге "Черные веки и белоэмигрантская литература" Ибрагимов резко критиковал работы Г. Исхакова и М. Бигиева за "реакционные идеи пантюркизма и панисламизма". Эта книга была свидетельством лояльности и благонадежности Ибрагимова, в ней он заявлял о себе как защитнике Советской власти, подписывался под анафемой ее неприятелям, неприятием их воззрений. И все равно ему не доверяли те, кого он защищал...

В феврале 1926 года в Баку состоялся I-й Всесоюзный тюркологический съезд, посвященный вопросам латинизации письменности тюркоязычных народов. Ибрагимов был главой делегации Татарии и выступил на съезде с особой позицией: не возражая против латинизации, считать ее практическое осуществление в условиях республики невозможной. Это было не только его мнение. Секретариат Татарского ОК ВКП(б) 3 февраля 1926 года дал делегации республики на тюркологическом съезде директиву: "Принципиально не возражать, практически в отношении ТАССР считать невозможным перейти на новый шрифт" (ПАТО.—Ф. 15.—Оп. 7.—Д. 39.—Л. 57). Ибрагимов на съезде проводил согласованную с партийным руководством республики линию. Но это позже забылось, Ибрагимову стали в 30-е годы ставить в вину выступления против латинизации алфавита.

В марте 1927 года Ибрагимов тяжело заболел, пошла горлом кровь, и он был отправлен в Ялту на лечение. После того, как в 1929 году было принято решение о переходе на латинский шрифт, Ибрагимов не возражал против этого.

В 1927 году началась подготовка в республике к проведению юбилея, посвященного 20-летию творческой и общественно-политической деятельности Ибрагимова. В ноябре 1927 г. секретариат обкома партии создал юбилейную комиссию: нарком просвещения Н. Мухутдинов (председатель), Ш. Камал, Ф. Бурнаш, Г. Нигмати, С. Бурган и др. Празднование было намечено на 10 марта 1928 года.

В январе 1928 г. ОГПУ сообщало руководителю чекистов Татарии Дмитрию Кандыбину, что готовящийся юбилей Ибрагимова "будет использован для укрепления позиции националистов против пролетарской идеологии и, в частности, против латинизации". В сообщении приводились

выдержки из статьи эмигранта Б. Баттала. "У казанских коммунистов", опубликованной в журнале "Ени Туркестан", в которой Ибрагимов был назван "мужественным защитником татарской культуры". На запрос ОГПУ нарком просвещения страны А. В. Луначарский сообщал, что никаких указаний по поводу юбилея Ибрагимова не давал и предлагал отметить его только в Татарии. Эту позицию заняли и чекисты. Кандыбин писал секретарю Татарского ОК ВКП(б) М. Хатаевичу, что юбилей следует ограничить литературным вечером Ибрагимова и не дать ему стать праздником мусульман страны.

Одновременно перед сексотом в Ялте была поставлена задача выяснить, как смотрит Ибрагимов на латинизацию алфавита, на сближение с Турцией, на национальную политику ВКП(б). Ибрагимов был осторожен. Сексот докладывал его мнение о том, что латинский алфавит победит, так как этого хочет ВКП(б).

Не удалось уменьшить и значения юбилея. Многочисленные телеграммы и приветствия со всех концов страны, присвоение Ибрагимову звания Героя Труда указывали на значение его деятельности для всех тюркоязычных народов страны. Профессор Узбекского государственного университета А. Г. Саади в специальной работе "Галимджан Ибрагимов и его литературное творчество" (Казань, 1928) подчеркивал международный характер творчества Ибрагимова и назвал его одним из "величайших творческих талантов, созревших в татарском мире".

В отчете местного ГПУ о юбилее отмечалось, что он стал праздником татарской культуры, что в комиссии по проведению юбилея вначале мнения разошлись: коммунистическая часть предлагала чествовать его только как культурного деятеля, другая, "националистическая", как культурного и политического деятеля. Последние победили. Профессор М. Курбангалиев заявил: "Хотя мы Ибрагимова за многое можем ругать, но юбилей нужно подчеркнуть, потому что это юбилей татарина. В данном случае из-за принципа мы должны забыть всякую вражду". Юбилей открыл И. Рахматуллин, выступали Г. Нигмати, Г. Линсцер, Г. Богаутдинов, И. Векслин. Получение комиссией правительственной телеграммы от эмигранта Юсуфа Акчурина поставило ее "в неудобное положение".

Рост авторитета Ибрагимова (местные гепэушники связывали его с активизацией "националистов") заставил их пойти на очередную провокацию против большого писателя. В сентябре 1928 года ими было организовано заявление в свой адрес от бывшего агента царской охраныки Тухватуллы Мамлеева, проживавшего тогда по адресу: Казань, ул. Лево-Булачная, д. 50, кв. 3. Он заявил, что

Ибрагимов, будучи в 1913 году в Киеве, выдал революционных студентов жандармам. Мамлеев писал, что знает Ибрагимова с 1910 года. "Впервые я познакомился с ним у поэта Тукаева, которого Ибрагимов посещал довольно часто. Отчасти около Тукаева и отчасти через Ш. Ахмадеева Ибрагимов познакомился с разными кругами татарской молодежи: с.-р., с.-д., артистами, студентами, журналистами... Будучи от природы довольно способным, энергичным и чрезвычайно любознательным человеком, Ибрагимов старался от тогдашней общественности получить все, что только возможно в идейном отношении. Он занимался самообразованием, под влиянием среды быстро культивировался, начал писать". Мамлеев сообщал, что Ибрагимов до революции был связан с социалистами: И. Кулиевым, Х. Ямашевым, Ф. Сайфи, Г. Терегуловым и др. "В 1913 г. Ибрагимов поехал в Киев на съезд мусульман-социалистов. Но Казанское жандармское управление об этом знало. Ибрагимов жандармов интересовал мало, потому он провокатор".

Справка: Мамлеев Т. Г., 1887 года рождения, выпускник казанской татарской учительской школы. Арестован как агент охраны 22 апреля 1917 г. Позже член комиссии по разбору полицейских архивов адвокат В. Н. Иванов вспоминал: "Немедленно после ареста Мамлеев был допрошен мною в присутствии председателя Совета Поплавского и председателя татарских социалистов Муллачура Вахитова... и сознался в своем сотрудничестве с охранкой под кличкой "Житель"... Это известие сильно подействовало на Вахитова". Проведя несколько месяцев в заключении, Мамлеев был освобожден в августе 1917 года по амнистии Временного правительства и уехал из Казани. Вновь его арестовали чекисты 26 апреля 1921 года в Арске, где он работал учителем, будучи к тому времени членом РКП(б).

Следователям-чекистам пришлось основательно проанализировать документы охраны, собрать доносы провокаторов, опросить многих свидетелей, чтобы полностью разоблачить деяния Мамлеева. Его провокаторская деятельность началась в 1909 году, но, по заключению следствия, "наиболее вредные показания относятся к 1912-1914 гг., когда на основании его показаний систематически ликвидировались татарские революционные группы". Он доносил на Г. Тукая, Х. Ямашева, Г. Ибрагимова, Г. Кулахметова, Г. Губайдуллина, Ф. Амирхана, писал, что на квартире большевика Г. Сайфутдинова "витают дух Маркса". За доносами шли аресты. 10 ноября 1922 года Мамлеев, уроженец г. Белебея Уфимской губернии, бывший потомственный дворянин, был осужден на 5 лет строгой тюремной

изоляции. О нем писал Г. Мансуров в книге "Татарские провокаторы" (М., 1927). Г. Ибрагимов в книге "Татары в революции 1905 года" (Казань, 1926). И вот теперь его услугами воспользовались чекисты... Пошел слух об Ибрагимове...

Следователь Аминов запросил архивы Татарии и Украины. Из ЦГА ТАССР сообщили 22 июня 1955 г., что в фондах Казанского губернского жандармского управления Ибрагимов значится находящимся под наблюдением полиции и имеет кличку "Интеллигентный". В 1913 г. он был членом кружка мусульман-студентов в Киеве, где в апреле 1913 г. был арестован. КГЖУ зафиксировало участие Ибрагимова 9 января 1915 г. на юбилейном обеде в память Марджани. Из Центрального Государственного архива Украины 7 июля 1955 г. сообщили, что полиция наблюдала за Ибрагимовым в апреле 1913 г. как за одним из учредителей съезда мусульман-студентов в Киеве, где он и был арестован. В справке из Центрального Государственного Исторического архива подтверждался факт ареста Ибрагимова в Киеве и его освобождение 13 июня 1913 г. за недостаточностью улик. На основании агентурных полицейско-жандармских сведений отмечалось, что в 1913 г. среди татар появилась мысль о создании татарской революционной партии. Эта партия должна была иметь свою газету, редактором которой должен был быть Ибрагимов.

В 1913 г. Ибрагимов жил в Уфе и Казани, сотрудничал в татарской периодике и был фактическим редактором журнала "Анг" в Казани. Его поездки в Киев и другие города были вызваны планами создания татарской партии. Сексоты сообщали, что в феврале 1914 г. Ибрагимов "искал золотой середины между социалистами-революционерами и социал-демократами, и в то же время считал своим идеалом согласование этой середины с пантюркизмом". В 1915 г. КГЖУ указало на собрание "Общества пособия бедным мусульманам г. Казани", в котором принял участие Ибрагимов.

Ни в одном из архивов никаких сведений о сотрудничестве Ибрагимова с охранкой не было, да их и не могло быть нигде, кроме как в больной голове провокатора Мамлеева.

Из архивов Казани и Уфы сообщали о пребывании Ибрагимова с 15 апреля 1917 г. по 27 февраля 1918 г. в партии левых эсеров, о чем он сам писал во всех своих автобиографиях; что он был избран членом Учредительного собрания от Уфимской губернии, делегатом 3-го Всероссийского съезда Советов.

Шаг за шагом следователь документально восстанавливал, реконструировал жизнь писателя и общественного деятеля для того, чтобы сделать вывод: "Учитывая, что в процессе дополнительной проверки никаких объективных данных о принадлежности Ибрагимова к какой-либо антисоветской организации и проведении им вражеской деятельности не установлено... следственное производство по настоящему делу прекратить за отсутствием в действиях Ибрагимова состава преступления".

Суда над писателем не было, следствие было прекращено в связи с его смертью. Не было никакого приговора. Непонятно, на каком основании его произведения были изъяты из библиотек, а имя запрещено упоминать с положительными эмоциями... Ответ один: в бесправном идеологизированном государстве, где главенствует не закон, а мнение власть имущего,—все дозволено.

Так или иначе, но решением следователя КГБ ТАССР М. Аминова справедливость (если это можно так назвать) восторжествовала. 24 сентября 1955 года честное имя Г. Ибрагимова, писателя и человека, было восстановлено.

Потом начались дела наследственные, семейные, о чем моралисты на словах всегда предпочитали скромно помалкивать. Галимджан Ибрагимов был женат трижды. Его последняя жена, Хадича Мухаметовна Фаткуллина, жила с больным писателем с 1933 г., вступила с ним в законно оформленный брак в 1935-м, а знала его еще с дореволюционных времен, когда училась в Уфе в мусульманской женской школе, где ее будущий муж некоторое время преподавал.

В 1957 году она обратилась в КГБ ТАССР с письмом, в котором сообщала о своей судьбе: как была в Ялте при аресте писателя, вернулась в Казань, пыталась выяснить что-либо о нем, а затем уехала к родственникам в Омск; затем в Актюбинск, где всю войну проработала медсестрой в госпитале; в Алма-Ату, где вышла в 1950 году замуж, а муж через три года умер. Но главное—она спрашивала о том, где документы и рукописи Ибрагимова, изъятые две сберкнижки (около 23 тысяч рублей). К тому времени она знала о реабилитации писателя.

Следы этих сберкнижек искали в Ялте и Казани, но не нашли. Хадиче Мухаметовне в иске отказали с мотивировкой, что указанные сберкнижки сданными в доход государства не значатся". Хотя финансовый отдел МВД ТАССР подтвердил получение двух сберкнижек Ибрагимова на общую сумму 23208 рублей, но отметок о сдаче в доход государства или о возвращении родственникам владельца нет.

Начались поиски арестованных документов и рукописей. Х. М. Фаткуллина утверждала, что они были упакованы в два чемодана и ящик, и что этим занимался некто Курбанов.

Бывший сотрудник НКВД Сунгатулла Курбанов проживал в Казани, его допросили, он написал о том, что помнил и что хотел вспомнить... Это было 17 апреля 1962 года.

Курбанов сказал, что был в Ялте с ордером на арест Г. Ибрагимова в августе 1937 года. При аресте и обыске были жена, понятой и сотрудник Ялтинского городского отдела НКВД. Он заверял, что при обыске, кроме документов, браунинга, двух сберкнижек и писем, была изъята лишь папка с рукописями. Все изъятое им было занесено в протокол и сдано в Ялтинское городское отделение НКВД для отправки фельдсвязью в НКВД Татарии. "При аресте Г. Ибрагимова из вещей и домашней обстановки ничего не описывалось (обстановка была скромная),— вспоминал Курбанов.—Г. Ибрагимов во время ареста находился в очень тяжелом болезненном состоянии и находился под постоянным наблюдением медработников. После ареста Г. Ибрагимов был сдан в горотдел и после прибытия в Казань... помещен в тюремную больницу НКВД ТАССР, где он вскоре умер. В связи с тяжелым болезненным состоянием Г. Ибрагимов допросам не подвергался. О судьбе изъятых мною документов—рукописи Г. Ибрагимова мне ничего не известно. И кто их получил по прибытии из Г. Ялты, мне также ничего не известно".

Бывший сотрудник НКВД Татарии Ильяс Юнусов на вопрос, что ему известно о рукописях писателя Г. Ибрагимова, ответил так: "Тогда была кутерьма. Подобные бумаги складывались в одну из комнат. Все это находилось в хаотическом состоянии. В протокол включались только те документы, которые имели отношение к делу. Остальные документы без разбора складывались в ящик и... все это выбрасывалось в комнату". Он сказал, что рукописей Ибрагимова он не видел, и оживился, услышав о жене Ибрагимова. "Знаешь ли ты,—сказал пенсионер-отставник спрашивающему его представителю КГБ,—что из себя представляла эта женщина. После того, как они разошлись, она вышла замуж за муллу..."

Заметим, что в протоколе обыска, проведенного 29 августа 1937 г. на ялтинской квартире Г. Ибрагимова, значится папка с пометкой: разные документы Ибрагимова. Рукописи не упомянуты. Их так и не нашли. А деньги в 1962 году Хадиче Мухаметовне вернули, правда, было решено при этом учесть не только набежавшие проценты, но и две денежные реформы 1947 и 1961 годов...

Все документы в подобных делах требуют проверки на подлинность. Они принадлежали людям, лгавшим себе и другим. Их трудно, невозможно, страшно читать. Они как бы отчуждают того, о ком в них идет речь, и стоят на страже одного из самых бесчеловечных режимов в истории человечества. Но их надо читать, о них необходимо знать, чтобы понять всю мерзость предательства, унижения людей, возмутиться и сказать: нам нужна не такая, а другая жизнь, другие нравственные отношения между людьми...

...А пока мы ставим Галимджану Ибрагимову памятники. Их уже два—один перед школой N 89, а другой—посмертный—на Архангельском кладбище Казани.

ВАСИЛИЙ СЛЕПКОВ—ПОЛПРЕД БУХАРИНА В КАЗАНИ

Следственное дело Василия Николаевича Слепкова занимает восемь плотно набитых бумагами папок. Ему было 35 лет, когда сержант ГБ Татарии Черпаков, с одобрения капитана Веверса, вынес 28 апреля 1937 г. решение об его аресте "как участника контрреволюционной террористической организации правых в г. Москве". В постановлении с обоснованием ареста Слепкова подчеркивалось, что он являлся "руководителем контрреволюционной террористической организации правых в г. Казани". Внизу на листе подпись Слепкова: "Настоящее постановление мне объявлено".

4 мая 1937 г. Слепкову было объявлено о переквалификации состава преступления. Теперь Слепкову было предъявлено обвинение в том, что он "своей деятельностью покушался на совершение терактов над руководителями ВКП(б) и советского правительства".

Но к тому времени Слепков был уже арестован. Это случилось 14 января 1937 г. в Баку. Там, на улице Басина, д. 33, кв. 5, был произведен обыск и были изъяты его личные документы, переписка и книги. После короткого следствия в Баку он был этапирован в Казань, где сержант Черпаков постановил: личные документы Слепкова (паспорт, военный билет, переписку) сдать на хранение, а брошюру Серебровского, Брейтман и других "уничтожить путем сожжения".

Одновременно в Казань собирали тех, кто ранее был как-то связан с В. Слепковым, затем был осужден, сослан, жил в других городах. Всем им предъявлялось новое обвинение, готовился повторный судебный процесс "по вновь открывшимся обстоятельствам". Они были связаны с тем,

что в 1936 году началось открытое преследование и шельмование бывших лидеров "правых" Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова. Органы НКВД тогда широкой сетью отлавливали всех тех, кто когда-то поддерживал Бухарина и всякими методами добивались от них "признания" в его "преступной деятельности", в том, что "созданная Бухариным организация" готовила теракты и переворот в стране.

Василий Слепков был младшим братом Александра Николаевича Слепкова, ученика Бухарина, историка, первого редактора "Комсомольской правды", члена редколлегии журнала "Коммунист" и газеты "Правда". Александра Слепкова выслали из Москвы в Самару в 1929 г., в 1930 г. исключили из партии. Осенью 1932 г. газеты сообщали о "ликвидации белогвардейской контрреволюционной группы Рютина-Слепкова", в 1933 г. старший Слепков сел в тюрьму на 5 лет. В 1936 г. Ежов писал Сталину: "В свете последних показаний арестованных роль правых выглядит по-иному. Ознакомившись с материалами прошлых расследований о правых (Угланов, Рютин, Эйсмонт, Слепков и др.), я думаю, что мы до конца не докопались..." Стали докапываться. Маховик репрессий закрутился с новой силой. По официальной версии Александр Слепков был расстрелян в мае 1937 года (лагерная мемуаристика оставила свидетельство того, что он покончил жизнь самоубийством).

Поэтому понятно, почему в Казани ускоренными темпами стали искать следы "бухаринско-слепковской террористической организации". В Казани были собраны бывшие научные сотрудники, преподаватели казанских вузов Сергей Виноградов, Василий Кудрявцев, Тихон Матюнин, Анатолий Афанасьев, Дмитрий Пронин, Павел Быков, Иван Калинин, Ирина Егерова, Иван Поздин, Юлия Каропова, Александр Горшков. Всех их разместили в казанской тюрьме N 1, провели медицинское освидетельствование, признали здоровыми. Вскоре к ним присоединили еще 15 арестованных казанцев: Льва Ценципера, Виктора Лучинского, Анну Григорьеву, Лидию Белову, Мирзагита Сафина, Федора Демашева, Михаила Медведева, Александра Челбукова, Афанасия Налимова, Абдула Юнусова, Марию Столбову, Николая Анашкина, Александра Баева, Петра Бродовского, Василия Исаева. Потом арестовали еще 17. Брали доцентов и студентов, врачей, историков, экономистов и биологов, кто когда-либо слушал, учился или хотя бы поддерживал контакт с профессором Василием Слепковым.

Судьба их всех, без исключения, сложилась трагично. Вот лишь несколько фактов. С. А. Комаров, 1905 года рождения, доцент-биолог Казанского университета, расстрелян 1 августа 1937 г.; С. Г. Виноградов, 1905 года рождения,

зав. экономической секцией Татарского института марксизма-ленинизма, расстрелян 1 августа 1937 г.; Ф. П. Медведев, 1902 года рождения, доцент Татарского педагогического института и института советского права в Казани, расстрелян 1 августа 1937 г.; В. А. Кудрявцев, 1900 года рождения, доцент-историк Казанской высшей коммунистической сельскохозяйственной школы, расстрелян 1 августа 1937 г.; П. В. Быков, 1894 года рождения, доцент-словесник Казанского педагогического института, расстрелян 1 августа 1937 г. Доцент-философ университета Д. М. Пронин, ассистент-биолог И. В. Егерев, ассистент нормальной физиологии медицинского института И. И. Калинин были осуждены на 10 лет лагерей... Этот список жестоких и бессмысленных репрессий по отношению к невинным людям, находящимся в расцвете своих творческих сил, можно продолжать... И нужно помнить, что это не только репрессированные люди, но и "репрессированная" наука, те знания, которые они представляли.

Слепков Василий Николаевич происходил из семьи учителя, окончил в Москве институт красной профессуры, в 1930 г. в возрасте 28 лет стал профессором биологии, в 1919-1933 гг. был членом ВКП(б). В 1933 г. был арестован в Казани как "правый", сторонник Бухарина, приговорен к тюремному заключению, после года отсидки отправлен в ссылку в Уфу. В мае 1936 г. переехал в Баку и там был арестован вновь. Он, как и многие другие слушатели института красной профессуры 20-х годов, относил себя к так называемой "бухаринской школе". Сутью теоретических представлений этой школы было увлечение общественно-экономическими идеями о необходимости консолидации всех экономических и политических сил страны в период строительства социализма.

В Казани в 1928-1931 гг. работал выпускник ИКП А. Ю. Айхенвальд. Он преподавал политэкономия в Татарском коммунистическом университете, а позже стал автором монографии "Советская экономика", выдержавшей пять изданий. Айхенвальд, а затем Слепков сгруппировали вокруг себя в Казани группу молодых ученых, думающих о будущем страны.

С конца 1928 г., когда сторонники Бухарина начали подвергаться политическим гонениям, стали преследоваться и представители "бухаринской школы". После ареста многие из них продолжали придерживаться своей социально-экономической концепции. В. Слепков писал в заявлении XVII съезду ВКП(б): "Я был убежденным сторонником правооппортунистической политики, считая, что взятые партией темпы строительства нереальны, что наше колхозное движение административно навязано крестьян-

ству и грозит разрывом союза рабочих и крестьян, что социализм должен быть построен путем "мирной" эволюции с вращением "переделанного" советской властью кулака в этот социализм. Вместе с другими оппозиционерами я возмущался партийным режимом, который своим острием был направлен против нас, мешая нам разворачивать свою работу. Не отставал я от других и в клевете на вождя партии тов. Сталина, обвиняя его в троцкизме и изображая его непримиримость и стойкость как наклонность к зажиму внутрипартийной демократии".

В 1932-1933 гг. по стране прокатилась волна арестов тех, кто выражал недовольство тяжелым положением, гибелью людей от голода и "раскулачивания". Во второй половине сентября—начале октября 1932 г. ОГПУ арестовало 24 человека, будто бы причастных к составлению и распространению так называемой "платформы союза марксистов-ленинцев". В числе арестованных были А. Н. Слепков, Д. П. Марецкий и другие. Из допросов арестованных следствие пришло к выводу о том, что в Москве с 1928 г. существовала организация "правых" под руководством А. Слепкова, имеющая периферию; в Казани—во главе с В. Н. Слепковым и Ф. П. Медведевым. Их фамилии были указаны в некоторых допросах и это послужило основанием для ареста.

16 апреля 1933 г. дело так называемой "антипартийной группы правых Слепкова и других" ("бухаринская школа") было рассмотрено на заседании коллегии ОГПУ. Все получили различные сроки заключения, в том числе В. Слепков и Ф. Медведев. В 1936-1937 гг. эта школа была подвергнута физическому разгрому (более 30 человек были расстреляны).

В следственном деле В. Слепкова хранится протокол его допроса 13 февраля 1937 года.

— Вы в 1933 г. арестовывались за участие в нелегальной деятельности правых?

— Да, арестовывался и понес уже за это соответствующее наказание.

— Все ли тогда рассказали следствию об антисоветской деятельности организации и вашей лично?

— Конечно, все. Может быть, я кое-что и упустил, но не из существенных моментов.

В. Слепков заявил, что у организации, оказывается, была нелегальная деятельность и "мы должны окончательно и бесповоротно порвать с нашим контрреволюционным прошлым".

Протокол напечатан на машинке и, хотя каждая страница подписана В. Слепковым, его текст изобилует популярными тогда эпитетами "контрреволюционный", "антисовет-

ский", "троцкистский" и т. д. Далее эти страшные и грозные слова опускаются из текстов допросов.

— Когда и каким путем вы включились в деятельность правых?

— Я прошу учесть следующее: мне известно о существовании организации правых, возглавляемой центром в лице Бухарина, Рыкова, Томского и Угланова. Однако мое личное участие в этой организации связано с той частью организации, которая вышла из "бухаринской школы" или "группы молодых". Это отступление я делаю для того, чтобы вы имели в виду, что все последующие мои показания относятся к этой бухаринской части организации правых, т. к. деятельность и участники других ответвлений организации правых мне неизвестны.

Я приехал в Москву и поступил в ИКП в 1925 г. и скоро через своего брата Александра Слепкова был вовлечен в группу, которая уже имела имя "бухаринской школы"... Первое время группа ставила своей целью разрабатывать и развивать теоретические вопросы экономики и политики. Идеейно-политическим вдохновителем группы, признанным у нас вождем был Н. И. Бухарин. Как бы заместителем Бухарина, занимавшимся всеми организационными вопросами группы, был Александр Слепков. Бухарин ему абсолютно во всем доверял и он, в свою очередь, платил ему беспредельной преданностью...

Слепков рассказал о встречах членов группы в кабинетах Бухарина, на которых обсуждались вопросы партийной политики, о кооперации, работе Коминтерна. Члены группы читали доклады, рефераты, обсуждали их.

В протоколе этому обычному собранию по интересам придавалось иное звучание: на "сборищах культивировалась прямо звериная ненависть к партийному руководству и особенно к Сталину... К коллективизации отношение было резко враждебное... Курс на индустриализацию рассматривался как беспочвенная авантюра. В пятилетку никто из правых не верил, пророча ей неминуемую гибель... Виновниками всех бед назывались Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов".

В. Слепков указал, что осенью 1928 г. он был в Германии на практике. После возвращения в сентябре 1929 г. его выслали в Казань.

На допросе В. Слепков подтвердил главную нелепицу, которой от него добивались: группа стала "террористической организацией", "Бухарин провозглашал необходимость физического устранения Сталина". Все они были пешками в большой политической игре, которую вел Сталин на пути к единоличной, диктаторской власти в стране.

11 апреля 1937 г. В. Слепкова допрашивал в Казани младший лейтенант ГБ Царевский. В. Слепков сообщил, что, приехав в Казань осенью 1929 года, начал работать профессором биологии и диалектического материализма в Татарском коммунистическом университете. Там же нашел группу единомышленников. Он признал, что вслед за Айхенвальдом занимался "вербовкой правых в организацию". Естественно, по мнению следователя, "казанская организация" подчинялась "московскому центру". Следователь, скорее всего, даже продиктовал Слепкову, выбил из него согласие подписать сущие небылицы о том, что "казанская организация" ставила своей задачей агитировать против коллективизации, что "целью организации в конечном счете было—реставрация капитализма в СССР", "устранение Сталина", "вербовка новых сторонников", действия, "совместные с троцкистами" и т. д. Следователь с удовольствием констатировал "вербовочную работу" с преподавателями, студентами, сборы на квартирах, где обсуждались "террористические проблемы". Он записал о выступлении в Татарском коммунистическом университете осенью 1929 г. Айхенвальда с докладом-защитой "Заметок экономиста" Бухарина. Против него выступил директор ТКУ М. Вольфович. Когда же потребовали, чтобы выступил и Слепков, то Вольфович слова ему не дал, сказав: "Мы говорили об Айхенвальде, о Слепкове речь не идет, пусть он сидит в своей лаборатории и занимается своими мухами".

Ссылаясь на В. Слепкова, следователь писал, что летом 1930 г. в Казань приезжал Александр Слепков, который при встрече выражал возмущение ходом насильственной коллективизации, "азиатской" политикой Сталина. Он полагался на авторитет Бухарина. В. Слепков подтвердил факт своего исключения из партии во время чистки "правых" в 1930 г. Но ему поручили вести политзанятия в рабочих коллективах. В результате его вновь рекомендовали в партию рабочие и директор ТКУ Вольфович, полагая, что он перевоспитался.

В. Слепков признал, что Бухарину рассказали об его исключении из партии и тот прислал ему письмо, в котором сообщал, что наводил справки о том, как продвигалось восстановление В. Слепкова в партии. Бухарин установил, что решение зависит от Е. Д. Стасовой, "с которой договориться невозможно". Письмо Бухарина было привезено в Казань женой В. Слепкова—Брейтман Евгенией Соломоновой.

Следователя интересовали "методы вербовки сторонников правых", осуществляемые В. Слепковым. В протокольной записи это звучит так: "Обработка мною велась строго индивидуально. В частных беседах, путем шуток и расска-

звания анекдотов, я подготовлял некоторых аспирантов к восприятию взглядов правых... Обработка велась исходя из вопросов академической работы. Я говорил о том, что сейчас господствует резкий зажим научной мысли и что ЦК принижает уровень научной работы и что лучших самостоятельно мыслящих научных работников преследуют. Я им доказывал, что всякая свобода мысли в науке упразднена, господствует цитатничество и начетничество,— говорил я. На своем примере я показывал аспирантам, как понимать свободу критики, выступая при этом недвусмысленно против Энгельса и Сталина”.

В. Слепков называл, по требованию следователя, фамилии “обработанных и завербованных им” людей, но это были уже арестованные и он знал об этом. Так на вопрос о враче Баеве В. Слепков твердо заявил:

— Баев в нашу организацию завербован мною не был, никогда контрреволюционных разговоров с Баевым не вел. Отношения с ним носили чисто научный и личный характер. Кроме того, я в организацию правых стремился вербовать преимущественно членов партии, Баев же был беспартийным.

Справка: В ходе проверки в 1989 году дела “антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и других” (“бухаринская школа”) не нашло подтверждения ни одно из политических обвинений 30-х годов. В качестве конкретных обвинений участникам группы А. Слепкова инкриминировались два факта: якобы проведение конференции и подготовка терактов против руководителей партии. Анализ документов подтвердил абсурдность и необоснованность этих “фактов”. Выдаваемые за конференцию встречи и разговоры сводились к обсуждению политических проблем того времени, к попыткам осмыслить и определить пути преодоления кризисных явлений в стране в начале 30-х гг. и не содержали высказываний антисоветского характера. В октябре 1989 г. А. Слепков, В. Слепков и другие казанцы были не только реабилитированы, но и посмертно восстановлены в КПСС. А. А. Баев (род. в 1903 г.), ныне академик, биохимик, живет в Москве.

Протоколы допроса В. Слепкова трудно анализировать и определить, что действительно говорил он сам, а что допрашивающий и издевающийся над ним следователь. Когда читаешь их, все время преследует мысль: а было ли на самом деле то, в чем “признавались”, или нет. Следователь имел запрограммированные обвинительные установки. Ему было важно “признание” В. Слепкова в его связях с уже арестованными бывшими участниками “бухаринской школы”, с теми, кто был в Казани обвинен в троцкизме.

— В 1929 г.,—признавался Слепков,—я пытался установить в Казани связь с троцкистом Тархановым, но он от этого уклонился. В 1932 г. осенью связался в Казани с троцкистом Эльвовым (профессор истории пед. института). Наши разговоры ограничивались вопросами внутрипартийной жизни и научного фронта. Оба сходились на том, что режим в партии невыносим и что руководство ЦК ВКП(б) упразднило в партии всякую демократию... Особенно часто мы критиковали политику партии в области науки, считая, что руководство ЦК в целом и, в частности, в условиях Казани, разгоняет научные кадры... Обсуждали вопрос о личности в истории. Я высказал мнение, что отдельная личность в партии может играть громадную роль, окрашивая в определенные тона целую эпоху. Эльвов с этими моими мнениями согласился и заявил: сейчас такой личностью является Сталин и если бы, благодаря счастливой случайности, он погиб, то развитие Советского Союза приняло бы другое направление. Я к этому добавил: жить стало бы лучше. Эльвов с этим согласился.

Из этого "признания" В. Слепкова довольно правдоподобной предстает его встреча с Эльвовым, разговор с ним. Но так ли в нем были расставлены акценты? Трудно сказать. И так во всем.

В. Слепков говорил на допросе о себе: как сторонник правых я оформился в 1927 г., в 1928 г. в Москве стал систематически посещать собрания бухаринской группы, которые проводились в редакции газеты "Правда" и журнала "Большевик". В Казань прибыл убежденным бухаринцем. В 1929-1933 гг. часто встречался в Москве с Бухариным, А. Слепковым, А. Айхенвальдом и В. Астровым.

Известно, что впервые признание о "конференции" бухаринцев прозвучало на допросе от В. Астрова, что В. Слепков решительно отрицал факт ее проведения, что сведения о готовящихся терактах правых также вначале исходили от Астрова. Астров сыграл провокаторскую роль в судьбе Бухарина и бухаринцев, установлено, что он был секретным сотрудником НКВД и активно использовался в разработке дела "правых". Недаром 9 июля 1937 г. он был освобожден из-под стражи, а уголовное дело на него прекращено. В деле имеется резолюция Ежова "Освободить. Оставить в Москве. Дать квартиру и работу по истории". (См.: Известия ЦК КПСС.—1989.—N 5.—С. 84). В ходатайстве о реабилитации, направленном Астровым 11 марта 1968 г. в Прокуратуру СССР, он отрицал свое участие в "контрреволюционной деятельности" и заверял, что его тогдашние показания—плод "субъективных преувеличений" и "заострений формулировок" со стороны следствия. Астров утверждал, что встреча у него на квартире в августе

1932 г. (в ней участвовал и В. Слепков) "была неправильно истолкована следствием как якобы "конференция контрреволюционной организации правых", что показаний других подследственных ему не предъявляли, а он "поддался уговорам следователя, убеждавшего меня рассматривать мои показания как политический документ против правых, на деле доказывающий мой полный разрыв с контрреволюционным правым оппортунизмом..." (см.: Известия ЦК КПСС.—1990.—N 2.—С. 48). Это было то ложное основание, которое заставляли "подтвердить" арестованных, в том числе и В. Сlepкова.

После ареста в 1933 г. В. Сlepкова отправили в Суздальский изолятор НКВД, где он встретился с Рютиным, Айхенвальдом, Петровским и другими "правыми". В 1934 г. он написал заявление о разрыве с "правыми", его освободили и сослали в Уфу. Там Сlepков работал профессором медицинского института, консультантом научно-исследовательского института земледелия и животноводства и в течение 1935 года часто увольнялся, а в начале 1936 г. был уволен окончательно, хотя никакой политической деятельностью не занимался. Срок ссылки закончился в мае 1936 г. Работы не было, все боялись брать бывшего бухаринца. Он выехал к родным жены в Баку... и вот снова Казань.

Следователя Царевского интересовали "враги", "явки", "связи", "заговор". Он требовал от Сlepкова фамилий, фактов "контрреволюционной деятельности". Сlepков, как мог, отводил удары от фамилий "новых врагов". 17 апреля 1937 г. на допросе он говорил, что Ф. Демашев, историк из Татарского коммунистического университета, членом организации правых не был. Сlepков отмечал, что Демашев всегда молчал и никому ничего не говорил, не доносил, старался не реагировать. Сlepков рассказал, как в присутствии Демашева он "ругал Сталина, его книгу "Вопросы ленинизма", в целях дискредитации назвал ее "книгой среднего пропагандиста", доказывал неудачи коллективизации, что Сталин вызвал недовольство членов партии,— Демашев молчал. Ничего компрометирующего Сlepков о нем не сообщил.

16 мая 1937 г. следователь Царевский предъявил В. Сlepкову обвинительное заключение. Прочитав его, Сlepков заявил: "В предъявленном обвинении я себя виновным не признаю, ввиду того, что никакой практической террористической деятельности я не вел".

26 июня 1937 г. Обвинительное заключение по спецделу N 2751 на В. Сlepкова было подписано следователями, утверждено наркомом внутренних дел республики и прокурором. Начиналось оно с утверждения о том, что "в Казани ликвидирована контрреволюционная организация,

созданная в 1929 году и действовавшая по директивам всесоюзного контрреволюционного террористического центра правых в лице: Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова и др." По заявлению провокатора В. Астрова: "В 1928-33 гг. были созданы и вели подпольную работу наших филиалов в следующем составе... Казань—Василий Слепков (остальных членов группы я не помню)".

Истории, вернее, власть предрежающим в нашей стране потребовалось долгих пять десятков лет, чтобы найти в себе мужество признать невинными апологетов и строителей системы, жертвами которой они стали сами. 4 февраля 1988 г. пленум Верховного суда СССР полностью реабилитировал Бухарина и всех, кто пострадал, кого лишили жизни вместе с ним. Выяснилось, естественно, что никакой террористической организации и ее филиалов не было и в помине...

А тогда, в многостраничном обвинительном заключении "доказательства" против Слепкова фигурировали в виде небольших фраз, цитат из показаний, выбитых из людей, арестованных вместе с ним. Причем, понимая обстановку, Слепков, чтобы спасти знакомых, часто оговаривал себя... Обвинения против него сводились к пунктам, которые ныне иначе, как абсурдные, немислимые и фальсифицированные, назвать нельзя. Тогда это звучало грозно, категорично, а главное—не оставляло обвиняемому права на защиту и жизнь. Передаю пункты этого обвинения дословно, чтобы точнее передать жестокость, беспредел той поры.

В. Н. Слепков "Обвиняется в том, что: а) является руководителем контрреволюционной террористической организации правых в Казани; б) имел непосредственную связь и действовал под руководством к.-р. террористического центра правых; в) во исполнение указаний этого центра, практически вербовал новых участников к.-р. организации, вербовал их в духе враждебности к Советскому строю, ставя себе конечной целью свержение Соввласти и реставрацию капитализма в СССР; г) в достижение этого воспринял и разделял установку к.-р. центра на борьбу с руководством партии и соввласти методами террора, практически подготавливал исполнителей терактов; д) с 1933 по 1936 гг., находясь в заключении, связей с участниками к.-р. организации не порывал". И справка: дело следствием начато 23 января 1937 г., окончено 15 мая 1937 г. Слепков В. Н. содержится под стражей с 14 января 1937 г. Вещественных доказательств по делу нет.

Есть разговоры, оговоры, показания о том, чего не было. Но и этого было вполне достаточно, чтобы уничтожить человека...

Следователь Сергей Царевский, 1898 года рождения (т. е. ему было 39 лет, когда он издевался над Слепковым и многими другими интеллигентами Казани), сам был арестован в январе 1938 г. за сочувствие, более того, "отстаивание к.-р. позиции врага народа Бухарина". Он умер в казанской тюрьме 25 мая 1938 г. Раскаялся ли он в своем преступлении против невинных людей? Понял ли свой арест как расплату за издевательство над другими? Неизвестно...

Следователь Константин Черпаков, 1908 года рождения, тот самый, что составил постановление на арест В. Слепкова и в 1957 году еще служил в КГБ Ленинграда...

31 июля 1937 г. Слепков дал расписку в том, что получил копию обвинительного заключения о предании его суду. Закрытое судебное заседание выездной сессии военной коллегии Верховного суда Союза ССР состоялось 1 августа 1937 г. Судили Слепкова военные юристы Дмитриев, Голяков и Преображенцев. Секретарь доложил, что подсудимый в суд доставлен и что свидетели по делу не вызывались. Слепков заявил, что виновным себя признает за исключением обвинений в террористических действиях. Суд после короткого формального совещания огласил приговор: "Слепкова Василия Николаевича к высшей мере уголовного наказания—расстрелу, с конфискацией лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года приводится в исполнение немедленно".

Тут же—справка о расстреле В. Н. Слепкова 1 августа 1937 года. Его брат А. Н. Слепков был расстрелян 26 мая 1937 года. Евгения Соломоновна Брейтман, жена Василия Слепкова, как "член семьи изменника родины" 26 августа 1937 г. была арестована и 28 марта 1938 г. постановлением особого совещания при НКВД СССР осуждена к 8 годам Гулага. По отбывании срока отправлена на поселение в Красноярский край. В ноябре 1956 года запросила Военную коллегию Верховного суда СССР о судьбе мужа и получила ответ, что он умер 1 сентября 1941 года... Это была продолжающаяся ложь...

Во многих томах "дела" В. Слепкова—показания тех, кто был арестован вместе с ним, и особняком последний, 8-й, реабилитационный. Их тягостно, тяжело читать. Но они—свидетельство того, что живую мысль, право человека думать нельзя убить ни террором, ни цензурой. Это право пытались отнять страхом у профессоров и доцентов, аспирантов и студентов. Их приговорили за то, что они рассуждали о настоящем и будущем страны, в которой

они жили. По законам полицейского, тоталитарного государства такого права у них не было, они могли лишь молча исполнять предписанное, или комплиментарно пропагандировать сказанное вождями...

Следователей не интересовали ни их знания, ни ученость, для них они были не людьми, а врагами страны и народа...

Доцент-экономист Федор Павлович Медведев, 1902 года рождения, был членом партии большевиков с 1919 по 1933 годы. На допросах в 1937-м подтвердил, что они встречались со Слепковым и критиковали "линию партии", Айхенвальд давал ему почитать книгу Троцкого "Моя жизнь", встречался в Казани с бывшим секретарем Г. Зиновьева Оскаром Тархановым, он тогда работал в обкоме партии, в Москве виделся с главным редактором газеты "Известия" Н. И. Бухариным. Это произошло на квартире Айхенвальда в Москве, в 1932 году. В рассказе Медведева следователю это звучало так: Бухарин хотел обсудить план своего доклада в Коммунистической Академии на тему "Техника и экономика в эпоху империализма". При обсуждении ему заметили, что он слишком резко сформулировал отдельные положения доклада и что это вызовет гнев "ортодоксов". На что Бухарин ответил, что он "не Е. Преображенский, который не может совлечь с себя шкуру семинариста, когда берется за перо, ...что сейчас критика не страшна, так как время работает на нас. Теперь всем видно, что в деревенской политике наделаны глупости, мужик вот-вот придет в движение и тогда будет не до проработок. А когда мы въедем на белом коне в Кремль, то в первую очередь очередь разгоним бездарных школяров и невежд, собравшихся в Комакадемии"... Потом дополнил: "Бухарин заявил, что благодаря сталинскому режиму последние дни чувствует себя так, как будто его ведут на Голгофу".

Если верить Медведеву, Бухарин шутил. И ошибся в своих прогнозах: уничтожили его и его единомышленников, и целых полвека их имена без проклятий не произносились...

В протоколах дознаний сохранились документы очных ставок В. Слепкова со многими из арестованных вместе с ним. 8 апреля 1937 г. его свели с совсем павшим духом Ф. Медведевым. На утверждение Медведева о том, что в Казань приезжал Александр Слепков и призвал "готовить крестьянское восстание", В. Слепков возразил: брат говорил о провале коллективизации, но ничего о вооруженном восстании в деревне. 13 мая на очной ставке с аспиранткой Ю. Кореповой все брал на себя: "В ...разговорах я критиковал политику партии в области

науки, издеваясь над "проработками", над бдительностью, над философским курсом партии. Я ругал внутривластьный режим, указывал на преследования честных коммунистов, ругал лично Сталина, заявляя, что история мимо Бухарина не пройдет..."

Василий Слепков был ученым генетиком и философом. Именно это объединяло на его семинарах молодежь, влекло к нему тех, кто хотел понять происходящее в стране и... биологии. В. Н. Слепков относился в 20-е годы к тем, кто в гегелевской диалектике усматривал мировоззренческую основу естествознания. Его интересовала, как и многих тогда, проблема взаимодействия дарвинизма и марксизма. Речь шла о возможности применения теории Дарвина к объяснению общественных явлений. В. Слепков наряду с Н. И. Вавиловым, Н. П. Дубининым и другими известными генетиками той поры придерживался той точки зрения, что Дарвин теорией естественного отбора объяснял причины эволюции жизни. В. Слепков приходил к выводу о том, что, хотя диалектический материализм в учении Дарвина вырабатывался стихийно, его "теория последовательнее других проводила в биологии идеи материалистического эволюционизма, будучи решительно материалистической и диалектической по своему глубокому существу" (В. Н. Слепков. Диалектический материализм и биология//Под знаменем марксизма.—1927.— N 10—11.— С. 261). Слепков был среди первых советских генетиков, пытавшихся в дискуссиях философски обосновать проблемы естествознания.

После призыва Сталина на философской конференции в октябре 1930 г. "разворошить и перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании" (См.: Октябрь.—1988.—N 11.—С. 69), ортодоксы, борцы за чистоту марксизма-ленинизма, просто шарлатаны от науки, начали серию "разоблачений". Применение абсурдного принципа партийности к биологии уже в начале 30-х годов привело к прекращению ряда перспективных научных исследований, к репрессиям против ученых.

В. Слепков был блестящим ученым и педагогом. В обстановке общих, никчемных рассуждений о роли классовой борьбы в развитии биологии, закрытия многих журналов, его "вольные" высказывания, быющая живая мысль, безусловно, пользовались успехом среди студентов, аспирантов, ученых Казани.

Один из свидетелей, доцент Казанского университета С. М. Свердлов говорил, что в 1931 г., на одном из собраний в университете, Слепков в докладе заявил: учение Энгельса в вопросе о роли труда в превращении обезьяны в человека является неверным и нуждается в пересмотре...

Слепков считал, что труды Энгельса следует проработать в кругу специалистов, где каждый мог бы свободно высказать свои мысли. И. В. Егерева на допросе сообщила, что, находясь в тюрьме, В. Слепков продолжал научные изыскания. В записке к ней он просил прислать записи его научных наблюдений.

В. Слепков, занимаясь в институте красной профессуры, прошел прекрасную школу. Он учился у крупных генетиков Б. М. Завадовского и А. С. Серебровского, в 1928 году был на стажировке в Германии у Курта Штерна. Н. П. Дубинин, академик-генетик, вспоминал, как в лаборатории у Серебровского он встретился с В. Слепковым: "Он сразу показал себя блестящим философом и ученым. Был он тогда веселым, юным, зеленоглазым, влюбленным в свою невесту, в ореоле близости с Н. И. Бухариным. Начались незабвенные годы дружбы с В. Н. Слепковым, работа до изнеможения в стенах лаборатории, встречи в его доме, знакомство с его невестой". Он изучал тогда воздействие рентгеновских лучей на мутацию дрозофил. Это было начало радиационной генетики в стране.

Все это не интересовало следователей. Ни то, что они губят научный потенциал общества, ни затраты, уже произведенные на обучение, ни перспективы результатов работы интеллекта. У них был преступный приказ и они уничтожали ученых, науку...

После смерти Сталина, расстрела Берии и его команды стали потихоньку возвращаться оставшиеся в живых сопроцессники Слепкова. В их заявлениях и письмах, документах, привлеченных следователями, теперь уже для реабилитации невинно осужденных людей, приоткрылась "кухня" великой трагедии народа.

Ирина Васильевна Егерева 26 апреля 1955 г. сообщала, что окончила биологический факультет Казанского университета, аспирантуру на кафедре зоологии беспозвоночных, защитила в 1934 г. диссертацию по гидробиологии. 14 марта 1937 г. была арестована и осуждена на 10 лет лагерей. Была в Ярославской тюрьме, затем в Эльгене, в марте 1947 г. осталась там воспитательницей по найму "в доме младенца". В 1954 г. ей разрешили вернуться в Казань. Обвинялась вместе с профессором В. Н. Слепковым. Работала с ним на одной кафедре, посещала его семинары, знала его жену, агробиолога. Не была ни членом партии, ни комсомолкой, ничего не знала "о существовании контрреволюционной организации". Но следователь "не хотел протоколировать моих истинных показаний и всяческими способами заставлял меня подписывать протокол им самим составленный. В конце концов я была доведена до такого состояния (как в физическом, так и в психологическом отношении), что подписала протоколы всего не читая"

Юлия Павловна Корепова, 6 мая 1955 г.: арестована 1 марта 1937 г., осуждена на 10 лет лагерей. Виновной себя не признала, судили на основе "свидетельских показаний". Окончила Казанский пединститут в 1930 г., поступила в аспирантуру по кафедре методологии биологии, которой в университете руководил В. Н. Слепков. Весь семинар, который он вел, объявили "террористической организацией" и всех арестовали. "На следствии в Казани разговора о терроре не было, и я узнала о том, что мне предъявлено это мифическое обвинение, только накануне суда, когда я познакомилась с обвинительным заключением... Заседание Военной Коллегии от 1 августа 1937 года по разбору моего дела длилось несколько минут, включая чтение приговора. Обвинение в прямом терроре является смехотворным, никто в Казани или ее окрестностях убит не был, ни на кого не было произведено покушение... Несмотря на угрозы следователя Царевского... не призналась в возводимых на меня обвинениях... В то время я настолько верила в органы НКВД, что мне не могло прийти в голову, что мои слова могут быть искажены, а приводимые мною факты освещены иначе... Когда следователь Царевский предложил подписать протокол об окончании следствия, то я отказалась это сделать. В протоколе было указано, что я ознакомилась с материалами дела, а в действительности я с ними не знакомилась. Тогда Царевский обещал мне на следующий день предъявить все следственные материалы и ознакомить меня с ними. Я, поверив Царевскому, подписала протокол об окончании следствия, но все же с материалами дела меня не ознакомили..."

Иван Иванович Калинин, 28 декабря 1954 г.: был арестован в Казани в апреле 1937 г., в августе осужден на 10 лет лагерей. В 1930-1931 гг. был студентом Казанского медицинского института, ходил на семинар к В. Слепкову в университет, так как интересовался философскими проблемами биологии и медицины. Став аспирантом кафедры нормальной физиологии, продолжал посещать семинары В. Слепкова. Калинин отмечал: "Слепков обладал способностью привлекать к себе молодежь, мы все, в том числе и я, находились под влиянием его личности". Он писал, что после ареста Слепкова помог его больной жене с двумя детьми переехать к сестре, а позже переписывался с нею. На следствии Царевский "заставил подписать то, что было написано им самим... Благодаря фантазии Царевского, группа лиц, участников теоретического семинара, стала контрреволюционной группой правых". Калинин предлагал всех реабилитировать.

И. В. Егерева на допросе 15 ноября 1955 г. подчеркивала: "В своих лекциях Слепков затрагивал вопросы общебиологического характера, вопросы философии с применением к биологии, медицине... На занятиях, на которых я присутствовала, не замечала, чтобы Слепков в своих лекциях допускал антимарксистские извращения в вопросах философии".

И вот наряду с воспоминаниями измученных людей, которые, несмотря на перенесенное, еще не оправились от страха перед "органами", в деле—выписка из протокола N 1 объединенного заседания бюро Татарского обкома партии и президиума ОКК от 4 января 1933 года, на котором слушали дело об участии В. Н. Слепкова "в контрреволюционной группе Рютина". Постановили: "Слепков В. Н., член партии с 1919 года (перерыв с 4.XI. 1930 г. по 5.III-1932 года), служащий, участник правооппортунистической оппозиции, ранее исключавшийся из партии, несмотря на данное им обещание и категорический отказ от своих прежних правооппортунистических действий и взглядов, проводил на практике двурушническую политику, имел непосредственную связь со Стэнгом и А. Слепковым—членами контрреволюционной группы Рютина, знавшего об их контрреволюционной деятельности против партии, скрывал эти факты и тем самым содействовал ее контрреволюционной деятельности—исключить из рядов ВКП(б)". В тексте сохранен стиль той поры. Ни за одного из коммунистов, оклеветанных энквэдэшниками, не заступились тогда партийные функционеры. Когда пришел их черед—никто не стал защищать их.

24 декабря 1957 г. Военная коллегия Верховного суда СССР, вернувшись к рассмотрению "дела" В. Н. Слепкова, вынесла решение: "Приговор военной коллегии Верховного суда СССР от 1 августа 1937 г. в отношении Слепкова Василия Николаевича отменить по вновь открывшимся обстоятельствам и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления".

Их тогда реабилитировали всех, расстрелянных 1 августа 1937 г. и осужденных на гуглаговские мучения.

Очень хотелось бы знать эти "вновь открывшиеся обстоятельства", по которым невинных людей признали невинными, сначала лишив их жизни или исковеркав ее. Неужели нужно продолжать лгать, отлично понимая, что никаких "вновь открывшихся обстоятельств" нет и быть не может. А есть только заданность тоталитарного, всевластного над людьми государства, есть вожди с правом миловать или казнить... Нет, не может быть ложь основанием государственной политики...

ДЕЛО КАРИМА ТИНЧУРИНА

Дни рождения празднуют по-разному. Известный писатель и драматург Карим Алеевич Тинчурин накануне своего 50-летия ждал ареста. Он родился 15 сентября 1887 года. Но 15 сентября 1937 года за ним никто не пришел. Его арестовали на следующий день по представлению, составленному младшим лейтенантом госбезопасности Каменщиковым, который нашел, "что имеющимися данными вполне уличается Тинчурин Карим в том, что он совместно с репрессированными ныне врагами народа Тулумбайским, Сайфи, Атнагуловым, Наджми и др., до последнего времени проводил практическую контрреволюционную работу на идеологическом фронте, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58-10 ч. 1, 58-11 УК РСФСР. Принимая во внимание, что по делу требуется еще производство следствия, то в интересах последнего пребывания Тинчурина на свободе невозможно...", решил: "Мерой пресечения для Тинчурина Карима, 1887 г. рождения, происходящего из д. Тараканова Демьяно-Бедного рай-на Куйбышевского края (на самом деле—д. Тараканово Пензенской губернии.—*Авт.*), писателя-драматурга, татарина, беспартийного, семейного, проживающего в г. Казани по Банковской ул., д. 14, кв. 1—избрать содержание под стражей в тюрьме N 1".

Тогда же Карим Тинчурин был арестован, у него на квартире произведен обыск. Были изъяты паспорт, профсоюзный билет, билет члена Союза писателей, сберкнижки, двухствольное охотничье ружье, записная книжка и личная переписка.

Его не спасли ни широкое общественное признание, ни постановка "Голубой шали", "Казанского полотенца", "Без ветрил", ни недавно завершенная комедия "Американец"... Юбилеи празднуют по-разному. Когда человек не защищен ни законом, ни собственностью, он полностью зависит от указаний директивных и компетентных органов. А они указали...

Тинчурина допрашивал и всячески издевался над ним более года, вплоть до расстрела писателя 15 ноября 1938 года, сержант, чуть позже ставший младшим лейтенантом госбезопасности, Исхак Гатин. 1 октября 1937 года сержант, чуть ознакомившись с "делом", твердой рукой написал заключение. Он не сомневался в том, что Тинчурин "является участником контрреволюционной троцкистско-националистической организации в Татарии", что он "вел активную борьбу за вооруженное свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР". Может быть, сержант в чем-то и сомневался, но он выполнял приказ

Карим Тинчурин

казенной бездушной карательной машины и в арестованном сразу же увидел не человека, виновность которого следует доказать, а врага—и с ним церемониться нечего. Гатин потребовал от Тинчурина сразу же подтвердить и согласиться с предъявленным обвинением. Тинчурин отказался. Это не помешало следователю включить в обвинительное заключение следующий пункт: Тинчурин “в Союзе писателей Татарии вел подрывную вредительскую деятельность, имел связи с буржуазно-националистическими деятелями, находящимися в эмиграции в Германии,—Гаязом Исхаки и Фуадом Туктаровым, а также шпионом японской разведки Хасаном Исхаковым”.

Гатин требовал признания этого изначально сфальсифицированного обвинения и не стеснялся в методах и способах его получения.

Читая подобные дела, знакомясь с протоколами допросов, ужасаешься не их юридической безграмотности, а жестокости, беспощадности их ведения. И все время не оставляет впечатление их ирреальности, какой-то фантазматичности происходившего в те годы. Человека судили по его самооговору, без каких-либо вещественных доказательств, зримых действий, по показаниям измученных людей, вынужденных часто давать эти показания хотя бы из чувства самосохранения, как правило, в результате применения методов физического воздействия. Иногда

следствие той поры представлялось в виде неумолимого тяжелого катка, ставившего задачей обязательно вкатать человека в раскаленный асфальт. Но не только за тем, чтобы стереть арестованного из памяти народа (Главное управление по делам литературы и издательств приказом от 8 апреля 1938 г. изъяло из книготорговой сети и библиотек все книги К. Тинчурина и Г. Ибрагимова), а еще и посмертно заклеить как "врага народа", проклятого злой волей карателей на века!

Поражает и другое: безнравственное, аморальное ведение следствия. Человека заставляли сознаться в том, чего он никогда не совершал, оклеветать самого себя и свое окружение, признать свою полную зависимость от следователя, лишиться всякого человеческого достоинства. Молодой и не очень грамотный сержант допрашивал талантливое, драматурга, привыкшего к заслуженному уважению, свету театральных рампы и аплодисментам. Для сержанта это не имело никакого значения, он допрашивал заведомого врага и не церемонился в средствах: бил, ставил на колени, плевал в лицо... Его не интересовали ни возраст писателя, ни его недавнее положение, он не считал его за человека, а с врагом можно делать все что угодно. В те страшные годы в очередной раз в стране уничтожались талантливые люди, цвет нации, истреблялись просто так, на потребу бездумной, но неумолимой карательной тоталитарной машине, сея вокруг себя, кроме невинных жертв и потрясений, распущенность, цинизм вседозволенности дорвавшихся до власти людей. Кто же этот сержант?

Из официального досье: Гатин Исхак Гатинович, 1909 года рождения. Родился в деревне Нижний Шандер Таканышского района в семье крестьянина-бедняка, член партии большевиков с 1929 г. Образование: начальная школа и областные чекистские курсы при НКВД ТАССР (1936 г.). Послужной список: 1927-1931 гг.—на комсомольской и советской работе; 1931-1934 гг.—служба в пограничных войсках; 1934-1939 гг.—в НКВД ТАССР; 1941-1946 гг.—первый секретарь Бугульминского, Кайбицкого РК ВКП(б); в 1946 г. исключен из партии за аморализм. В 1956 г. апеллировал к XX съезду КПСС с просьбой о восстановлении в партии. Бюро Татарского ОК КПСС постановило: "В связи с тем, что в процессе рассмотрения апелляции Гатина И. Г. дополнительно выявлено, что он, работая в органах НКВД ТАССР в 1937-1938 гг., при ведении следствия допускал недозволённые методы к арестованным, в просьбе Гатина И. Г. о восстановлении его в партии отказать".

Из материалов судебного процесса над бывшими сотрудниками НКВД Татарии в 1939-1940 гг.:

— “Дело Тинчурина на тройку оформлял Вахонин. Ему позвонил Шелудченко и по телефону дал указание” (из показаний Марголина. Шелудченко—зам. наркома внутренних дел ТАССР; Вахонин и Марголин—сотрудники НКВД).

“Я лично применял физические методы воздействия к Алмаеву Я., Усманову Ш., Тинчурину К.” (из показаний Шелудченко).

“Второй факт в отношении Гатина—это избивание арестованного Тинчурина, который, как ни жестоко бил его Гатин, все же никаких показаний не дал. О том, что он бьет арестованных, Гатин в тот период и сам не скрывал, говоря, что эти враги долго будут помнить. Моя комната находилась против комнаты Гатина и мне хорошо были слышны стоны и избивания арестованных” (из показаний Бологовской, секретаря следственной части НКВД).

В показаниях нет раскаяния. Более того, Гатина уволили из органов НКВД и отправили на партийную работу, являть людям в Бугульме и Кайбицах “ум, честь и совесть эпохи”...

Трудно сказать, что думал Тинчурин о своем мучителе и палаче, что он испытывал, глядя на этого неграмотного и жестокого парня. Наверное, чувство омерзения, но не страха; жалости, но не раскаяния за честно прожитую жизнь...

Судя по протоколам допросов, Карим Тинчурин держался, отрицал обвинения в свой адрес как необоснованные около трех месяцев. В декабре 1937 года он первый раз “сломался” и написал под диктовку следователя самооговор (сохранилась в деле рукопись на татарском языке и там же перевод на русский). Самооговор представлял собой биографию Тинчурина, где правда перемежалась с вопиющей фальсификацией, ярлыковыми, хлесткими, характерными для той поры оценками своих действий и поступков близких знакомых. Так, по указке следователя, нуждающегося в классовой оценке “врага”, вместо того, чтобы написать: родился в семье крестьянина-бедняка, Тинчурин пишет: “родился в семье кулака”. А между тем в 1921 г. в татарской газете “Эшче” была опубликована телеграмма оренбургской труппы, которой руководил Тинчурин. В ней говорилось: “Все наши силы до последнего отдадим бедному люду, борьбе с ненавистной буржуазией. Только бы хватило политической зоркости. Наш путь с народом неразделим” (См.: Игламов Р. Выдающийся драматург.— Казань, 1987.—С. 35). По указке следователя Тинчурин писал: “Успехи Октябрьской революции в России не могли победить сохранившиеся к тому времени во мне националистические взгляды”. Особое внимание Гатин уделил знакомству Тинчурина с Гаязом Исхаки.

Связь с Исхаки рассматривалась как “шпионские” отношения.

Тинчурин писал, что впервые встретился с Г. Исхаки в 1914 г., в июле 1917 г. работал с ним в Москве в газете “Иль”, что после октября 1917 г. никогда с ним не встречался. И продолжал: “В 1922 г. получил из Берлина от него письмо, в котором он сообщал, что написал новую пьесу, и спрашивал о гонораре. Ему ответил. В 1923 г. младший брат Исхакова—Хасан Исхаков принес его пьесу. Решили ее не ставить...” Чуть позже Тинчурин исправил эту фразу: “По просьбе артиста Мутина и по разрешению Брундукова ставили пьесу белоэмигранта Гаяза Исхакова “Салих ходжа балалары” и “Мугаллим” (М. Ю. Брундуков в начале 20-х гг.—нарком просвещения ТАССР).

Личное дореволюционное знакомство с Исхаки, интеллигентское стремление обязательно ответить на полученное письмо—все теперь инкриминировалось Тинчурину как некая преступная акция. 11 апреля 1938 г. Тинчурин подтверждает на допросе, что после революции встречался лишь с братом Г. Исхаки Хасаном, который работал в газете “Эш” и жена которого Нурия Гизатуллина была артисткой татарского театра. Из протокола этого допроса:

Г а т и н: Следствие располагает данными о том, что в 1924 г. через Исхакова Хасана вы получили пьесу Гаяза Исхакова из Берлина. Это вы тоже отрицаете?

Т и н ч у р и н: Получение пьесы Г. Исхакова через его брата Хасана Исхакова я не отрицаю. Но Хасан Исхаков эту пьесу принес не мне непосредственно, а театру, где я работал тогда режиссером. После получения пьесы от Хасана Исхакова мы совместно с группой артистов прочитали ее и нашли негодной, то есть вредной для татарского театра. Эта пьеса продемонстрирована не была.

Г а т и н: В 1924 г. вы пьесу белоэмигранта Гаяза Исхакова, будучи режиссером Татарского государственного театра, ставили?

Т и н ч у р и н: Да. Эта пьеса ставилась нами по поводу встречи нового года. Пьеса была под названием “Киямат” (Светопреставление), в одном акте.

Тинчурин признал, что в 1930 г. из Москвы к нему на домашний адрес неожиданно пришел по почте журнал “Милли юл”, издаваемый Г. Исхаки.

Из протокола допроса 2 ноября 1938 г., последнего в деле:

Г а т и н: Материалами следствия вы изобличены как руководящий участник казанского центра антисоветской буржуазно-националистической организации в Тата-

рии. Дайте показания в вашей антисоветской деятельности, как участник этой антисоветской организации.

Тинчурин: Я руководящим участником антисоветской буржуазно-националистической организации в Татарии не являлся и антисоветскую деятельность не проводил.

Гатин: Вы через японского шпиона Хасана Исхакова вели шпионскую деятельность в пользу Японии. Расскажите о вашей шпионской деятельности.

Тинчурин: Связь на почве шпионажа с Хасаном Исхаковым я категорически отрицаю.

Тинчурин не сломался и не признавался, он нашел в себе силы мужественно противостоять лжи и фальши следователя, но его уже ничто не могло тогда спасти.

Тогда же было утверждено обвинительное заключение. Карим Алеевич Тинчурин обвинялся в следующем. Приводим этот документ полностью, чтобы яснее была абсурдность самих обвинений и понятно безумие, какое-то массовое психическое отравление тех лет.

Итак, Тинчурин обвинялся: а) в том, что являлся активным участником антисоветской буржуазно-националистической организации в Татарии и вел активную борьбу за вооруженное свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР; б) являясь участником антисоветской организации, в своей практической работе в Союзе советских писателей Татарии проводил подрывную вредительскую деятельность на культурно-идеологическом фронте; в) в 1917 г., в период существования Временного правительства, работал в редакции газеты "Иль"—органе контрреволюционно-националистической буржуазии, редактируемой Гаязом Исхаковым, вел борьбу против коммунистической партии; г) в 1918 г. в период разгрома в Казани белогвардейской банды отступал вместе с ними в Тетюши, а оттуда в Самару к Гаязу Исхакову, Заки Валиди, Ф. Сайфи и др.; д) имел письменную связь с буржуазно-националистическим деятелем, находящимся в эмиграции в Германии—с Гаязом Исхаковым, и получал от него белогвардейский журнал "Милли юл" и задания по антисоветской деятельности; е) имел тесную связь с японским шпионом Хасаном Исхаковым и получал через него пьесы от брата его Гаяза Исхакова из Германии; ж) в 1910 г. будучи арестованным жандармской охранкой в Казани получал от них задания по провокаторской работе среди татарской интеллигенции".

При знакомстве с обвинительным заключением Тинчурин признал себя виновным частично: в газете "Иль" сотрудничал, письмо от Г. Исхакова получал и т. д. Дело Тинчурина было оформлено быстро. На заседании особой

тройки НКВД ТАССР дело Тинчурина докладывал капитан Вахонин. Решение тройки было "обычным" для того времени: "Тинчурина Карима Алеевича расстрелять, лично принадлежащее ему имущество конфисковать". Заседание тройки проводилось 14 ноября 1938 г. Тут же хранится доклад коменданта НКВД младшего лейтенанта Исаева: "Постановление особой тройки НКВД ТАССР от 14 ноября 1938 г. о расстреле Тинчурина Карима Алеевича приведено в исполнение 15 ноября 1938 г. в 1 час 50 мин."

Особая тройка, отправившая 14 ноября 1938 года на тот свет 61 человека, не видела и не выслушала никого из них, а действовала лишь по списку, зачитанному Вахониным и разделенному им же на расстрельные группы: "японские шпионы", "польские шпионы", "националисты" и т. д.

Карим Тинчурин был расстрелян в группе "японских шпионов". Вместе с ним взойшли на эшафот Яхья Алмаев, экономист; Юсуп Адгамов, управляющий татарской областной конторой "Заготскот", Фатых Хусаинов, юрист; Насых Мухтаров, инспектор коммунального банка; Гиляз Галлямов, артист; Мавляу Камалов, председатель Кузнецовского сельсовета Мензелинского сельсовета Мензелинского района; Ахметзян Мустафин, мулла; Исхак Хайруллин, поэт и учитель. Их было 9 и ни один из них не был шпионом и даже не видел никогда в жизни ни одного живого японца... Старшему из них было 51 (Тинчурин), младшему 32 (Камалов).

Их судили бездушные сверстники, члены особой тройки: нарком внутренних дел ТАССР Михайлов, прокурор республики Перов, председательствовал секретарь обкома ВКП(б) Алемасов.

Еще в декабре 1939 г. жена Тинчурина предприняла ходатайство о пересмотре дела мужа, не зная, что его уже нет в живых. Ей было отказано. В феврале 1955 г. З. Г. Тинчурина писала в ЦК КПСС о том, что следует реабилитировать ее мужа, известного писателя и драматурга. "Двадцатилетняя совместная жизнь,—подчеркивала она, крепкая дружба, взаимопонимание дают мне смелость утверждать, что мой муж любил свой народ, был искренне предан своей советской Родине. Будучи уверенной в полной его невиновности, прошу рассмотреть дело татарского писателя Карима Тинчурина". Она писала о себе, о том, что 40 лет преподавала русский язык и литературу, что работала в пединституте, но была уволена как жена "врага народа", по этой же причине в годы войны была выслана из Казани, у нее отобрали квартиру, о том, что и она хватила лиха в полной мере.

В марте 1955 г. прокурор ТАССР Лоскутов просит КГБ республики проверить жалобу жены К. А. Тинчурина в связи с возможным пересмотром его дела. Прокурор поставил под сомнение все пункты выдвинутых против Тинчурина обвинений. Практически на все эти вопросы должен был ответить тогда майор КГБ ТАССР М. Аминов. Проведенная им работа похожа не на розыскную операцию, а скорее на научное исследование.

Путем многих запросов, консультаций и обращений к специалистам Мансур Абдрахманович постепенно выяснил следующее.

На запрос Аминова из Центрального госархива Татарии ответили, что документов об аресте Тинчурина казанскими жандармами в 1910 г. нет, отсутствует его фамилия и в сохранившемся списке провокаторов. Так отпало это жуткое и несправедливое, огульное обвинение.

Из Государственной библиотеки им. Ленина сообщили, что газета "Иль" на татарском языке начала выходить в 1913 г. в Москве. Редактором ее был Гаяз Исхаков. Среди сотрудников газеты Ахмед Цаликов. Среди других национальных газет "Иль" считалась левой. В 1917 г. в газете была опубликована статья Тинчурина "Рамазан" (Первый праздник). Какой-либо тенденциозности в статье Тинчурина замечено не было.

По предложению Аминова была составлена экспертная комиссия для изучения литературного наследия Тинчурина. В нее вошли: писатели Г. Губайдуллин и И. Гази, преподаватели Казанского пединститута А. Д. Сайганов и Р. Ф. Усманова. Одновременно Аминов получил сообщение из литературной части татарского драматического театра им. Г. Камала о том, что в 1922-1924 гг. пьеса Г. Исхаки "Кыямат" в театре не ставилась. На разрешение экспертной комиссии был поставлен вопрос: каково идейно-политическое содержание произведений К. Тинчурина и в каком направлении шло развитие его творчества.

Экспертная комиссия в своем заключении отмечала, что "творческий путь Карима Тинчурина является сложным и противоречивым" и пришла к выводу: "Карим Тинчурин не был драматургом буржуазно-националистического направления, а стоял на позиции советского писателя, хотя и бывали у него иногда срывы творческого и идейного характера (например, пьеса "Потухшие звезды").

Аминов тщательно проверил и показания-оговоры арестованных вместе с Тинчуриным людей. Он пришел к выводу о том, что они давали противоречивые показания и, как правило, во время суда от них отказывались. Следовательно Гатин, составляя обвинительное заключение,

сослался на показания против Тинчурина, выбитые в ходе допросов у К. Нежметдинова, Г. Мухаметзянова, Л. Гильманова, Г. Нигматуллина, Р. Алмаева, М. Галаятудинова, Н. Мухтарова. Это было в 1938 году. Следователь Аминов стал внимательно читать эти свидетельства в 1955-м.

Насых Мухтаров, 1887 года рождения, до ареста инспектор Башкирского коммунального банка в Уфе. Расстрелян вместе с Тинчуриным. О писателе ничего не говорил. Их объединяло только то, что Мухтаров встречался с Хасаном Исхаковым (братом Г. Исхаки), и тоже был назван "японским шпионом". Махмуд Галаятудинов, 1886 года рождения, писатель, расстрелян 4 ноября 1937 г. Его били, издевались, он сдался и подписал составленный следователем протокол признания: да, виновен, был "турецким шпионом", членом "организации пантюркистов" в Казани. В нее входили Г. Шараф, Гали Рахим, К. Тинчурин,— все, кого вписал в протокол палач. Рауф Алмаев, 1884 года рождения, преподаватель Ключищенского сельхозтехникума, расстрелян 3 ноября 1938 г. На допросе, не выдержав боли, подписал подготовленное заранее "признание" в том, что, выезжая на учебу в Германию в 1922 г., установил связь с Г. Исхаки и был его связным. Аминов не обнаружил в "признаниях" Алмаева никаких упоминаний о Тинчурине.

Кави Нежметдинов (Наджми) и Лябиб Гильманов были писателями, Галимджан Нигматуллин (Нигмати)—профессором татарской литературы Казанского педагогического института. Их судьбы сложились по-разному. Наджми, выдержав тяжкие следственные испытания, был освобожден из заключения в 1939 г. Во время суда от всех ранее данных показаний отказался, заявив, что они были выбиты из него методами физического и психологического давления. Это произошло более чем через год после расстрела Тинчурина. Заявления Наджми о том, что он вынужденно оклеветал своего коллегу, теперь ничем помочь Тинчурину не могли, его уже не было в живых. Эти опровержения имели нравственное, моральное значение для самого Кави Наджми, носили извинительный характер перед памятью тех, кто был расстрелян, но не более того. А на допросе 15 октября 1937 года Наджми под нажимом следователя подписал протокол, в котором говорилось: "Карим Тинчурин до Октябрьской революции активно сотрудничал на страницах буржуазно-националистической печати и близко был связан с Ф. Сайфи, Ф. Амирханом и др. В 1918 г. он вступил в занятую белогвардейцами Самару, где в то время собрались эсеры Атнагулов, Сайфи и лидеры татарских белогвардейцев

Исхаки, З. Валиди, Г. Терегулов. Об этой части своей биографии Тинчурин так же, как и Ф. Сайфи, всегда рассказывал очень поверхностно и туманно, изображая свое пребывание в Самаре как "случайный выезд в соседний город". До своей работы в союзе советских писателей (в 1933 г.) я не имел никаких связей с Тинчуриным... Я знал, что в целом ряде своих произведений Тинчурин протаскивал или националистическое содержание, или извращенно показывал историю и быт татарской деревни".

Вызванный Аминовым на допрос 13 апреля 1955 г. К. Наджми заявил, что от вынужденных показаний он давно отказался, а сам он всегда видел в Тинчурине талантливого писателя. Но так уж случилось, что следователь для обвинения Тинчурина использовал показание Наджми 1937 года.

Лябиб Гильманович Гильманов, председатель Союза писателей Татарии, 1906 года рождения, был арестован 21 сентября 1937 г. по обвинению в контрреволюционной троцкистской деятельности. На первом допросе гордо сказал, что членом никаких контрреволюционных организаций никогда не был и "если следствием будет доказано о моем участии в контрреволюционных организациях: режьте, стреляйте меня. Я готов принять любое наказание". Гильманову было 31 год, он был молод и горяч. Следовательно—лейтенант госбезопасности Юшков—был ненамного старше. Но он лишь сдержанно усмехнулся, заметив Гильманову, что если нужно будет, то и зарежем и расстреляем...

В феврале 1938 г. Гильманов, пройдя чекистский конвейер, во всем "признался": да, был членом всех мыслимых контрреволюционных организаций; да, восхвалял в своих выступлениях Галимджана Ибрагимова, "врага народа", да, Тинчурин по своим убеждениям был "буржуазным националистом", да, второй секретарь обкома ВКП(б) Галим Мухаметзянов вовлек "меня в троцкистскую организацию", да...

К следственному делу подшиты показания Кави Наджми от 15 октября 1937 г.: "Тинчурин и Гильманов пользовались особой благосклонностью Мухаметзянова". Наджми сетовал на то, что второй секретарь обкома партии снял его с поста председателя Союза писателей Татарии и назначил на этот пост редактора молодежных татарских газет и секретаря обкома комсомола Гильманова.

Гильманова судила 9 мая 1938 года коллегия Верховного суда СССР без прокурора, защитника и свидетелей. Суд начался в 15 ч. 30 мин., закончился в 15 ч. 35 мин.

Всего пять минут понадобилось суду, чтобы выслушать последнее слово подсудимого, сказавшего, что виновным он себя не считает, что никогда ни в каких антисоветских организациях не состоял, что все сказанное им следователям—ложь, выбитая из него, и просит подписанным протоколам не верить. Суд спешил, ему в тот день предстояло вынести расстрельные, заранее приготовленные приговоры десяткам невинных людей. Гильманов был расстрелян 9 мая 1938 г., реабилитирован 27 мая 1957 г. за отсутствием в его действиях какого-либо состава преступления.

Но это позже, а тогда, в 1938-м, показания Наджми и Гильманова свидетельствовали против Тинчурина, они делали их невольными соучастниками преступления. Такова была в ту пору система “круговой поруки” кровью. Жертвы помогали палачам, страдая от невыносимой физической и нравственной боли, понимая, что этим, вероятно, не спасут себя, но погубят тех, против кого их заставляли лжесвидетельствовать.

В подобной ситуации тогда находились миллионы людей, ведь символом верности режиму были доносы, а национальным героем—Павлик Морозов, предавший своего отца...

В трудном положении оказался и профессор Галимджан Амирджанович Нигматуллин, от которого также требовали на следствии не только “чистосердечных признаний” в том, чего он не совершал, но и доносов на своих близких и знакомых.

Нигматуллин (Нигмати), 1897 года рождения, был арестован 17 сентября 1937 г. с обвинением в том, что, “являясь членом контрреволюционной троцкистско-националистической организации в Татарии, совместно с ее активными членами Атнагуловым, Касимовым, Тулумбайским, Кави Наджми и другими до последнего времени вел контрреволюционную работу на культурно-идеологическом фронте”. Нигмати виновным себя не признал и всю осень и зиму просидел в холодной камере. первой казанской следственной тюрьмы, голодал, подвергался избиениям и моральной обработке. В апреле 1938 года 41-летний профессор, не выдержав издевательств, начал давать, вернее, подписывать все, что предлагал ему следователь.

Как описать трагедию, крушение жизни, ее смысла у этого незаурядного человека? Где найти слова, чтобы прояснить немыслимость происшедшего?

Обычно перед арестом человека исключали из партии. Мучения Нигмати начались с инспирированного заявления К. Наджми 17 марта 1937 г. на имя секретаря парткома

пединститута, в котором профессор Нигмати обвинялся в том, что "проводил либерально-примиренческую линию" и не участвовал в "разоблачении врагов", что положительно относился к Ф. Сайфи и отрицательно к творчеству Маяковского и Д. Бедного. "Мы больше не можем,—писал Наджми,—и не должны терпеть явно антипартийное, двурушническое поведение Г. Нигмати в вопросах литературной критики, связывая этот вопрос со всей его деятельностью". Человека обвинили даже в том, что он молчал, отказался участвовать в общем психозе доносительства и разоблачений и тем выбивался из толпы, жаждущей засвидетельствовать властям свою благонадежность. В 1956 г. Наджми говорил майору Аминову: "Что касается моего заявления от 17 марта 1937 г. на имя секретаря парткома при КГПИ, я могу сообщить, что оно написано под впечатлением несправедливых выступлений отдельных лиц того периода..."

Мельничные жернова судьбы начали вращаться и все более неумолимо затягивать в свои каменные объятия профессора, тщетно пытавшегося противостоять им...

15 апреля 1937 г. Нигмати писал в заявлении на имя секретаря Молотовского райкома ВКП(б) г. Казани о том, что в партию вступил в Уфе, в 1919 г., в самый разгар гражданской войны и подхода колчаковцев к городу. В Казань приехал в конце 1926 г. по приглашению секретаря обкома М. Хатаевича; что заявление Наджми, в результате которого первичная партийная организация КГПИ исключила его из партии, продиктовано "мещанскими склонностями" заявителя. Он писал, что работал в КГПИ 8 лет и "за это время несколько директоров оказались "врагами народа", что был увлечен преподавательской и научной работой: редактировал собрание сочинений Г. Тукая, закончил учебник по теории литературы (11 п.л.). "Я никогда не был в какой-либо идейно-политической связи с какими-либо антипартийными и тем более с классово-враждебными элементами... Я прошу дать мне возможность исправить свои ошибки и развивать творческую деятельность, оставив меня в рядах великой пролетарской партии".

27 мая 1937 г. бюро Молотовского райкома ВКП(б) исключило Нигмати из партии за то, что он встречался "с ныне разоблаченными врагами народа: Сайфи, Касимовым; защищал в статьях творчество Ф. Бурнашева, Ш. Усманова, дал положительную рецензию на его книгу "Путь легиона".

Из протокола допроса писателя Фатыха Исмаиловича Сайфи 14 декабря 1936 г.:

— Известен ли вам Галимджан Нигмати, бывал ли он у вас?

— Галимджана Нигмати я знаю хорошо как литературоведа. Раньше, до 1934 года, мы иногда бывали друг у друга в гостях. После разоблачения Эльвова, и в связи с этим и меня, Нигмати порвал со мной всякую связь и больше ко мне на квартиру не приходил и с 1934 года ни разу у меня не бывал”.

Их не спасло ничто: ни заявления Наджми на Нигмати, ни оправдания профессора, ни стремление умного Сайфи спасти своего друга. Все они были арестованы и поплатились по безумным, бесчеловечным счетам того сумасшедшего времени. Оно минет, и в 1956 году Наджми скажет следователю Аминову, что знал Нигмати с 1926-1927 гг. как одного из квалифицированных литературных критиков. Он выразил уверенность в том, что “объективная проверка деятельности Галимджана Нигмати полностью докажет его невиновность, о чем, прежде всего, говорят его книги, статьи, выступления”.

А тогда, весной 1938 года, измученный, доведенный до крайнего отчаяния. Нигмати соглашался со следователем-мучителем во всем, что тот ему говорил, лишь бы поскорее покончить—не с жизнью, а с тем состоянием, в котором он не хотел и не мог быть.

10 апреля 1938 г. Нигмати подписал протокол, в котором рукой следователя было написано, что до дня ареста он, Нигмати, был членом “антисоветской националистической организации, существовавшей в Татарии, ставившей своей основной задачей свержение Советской власти и создание буржуазного “Идель-Уральского государства” под протекторатом Японии”.

В этом же протоколе и характеристика Карима Тинчурина, которую Нигмати вынудили подписать. “Тинчурин Карим,—говорилось в ней,—старый националист, его произведения до революции насыщены религиозным фанатизмом, а после революции—явно антисоветские, как например, “Джилькэнсезлар”, в котором проводится мысль, что нэпман будет жить еще очень долго. В рассказе “О даче” выводит советского ученого, который будучи в деревне голодает. В “Их трое было” клеветает на советскую науку и быт. Будучи режиссером татарского драматического театра, ставил идеологически вредные пьесы и проводил линию буржуазного националиста Кариева”.

20 мая 1938 г. Нигмати свои апрельские показания подтвердил. А на допросе 15 февраля 1939 г., чуть оправившись от потрясений, выпавших на его долю, Нигмати заявил, что “ранее данные им показания он отрицает, как неправдоподобные, никогда участником антисоветской организации он не был, борьбу против советской власти и партии не вел”. 17 января 1940 г. особое совещание

при НКВД присудило Нигмати к 5 годам заключения, и он был сослан в республику Коми. Домой он не вернулся. Был реабилитирован в 1956 г.

Дьявольский план системы, опутывающий людей, связывающий людей их совместным участием в преступлении, осуществился и здесь. Против Тинчурина были использованы вынужденно подписанные Нигмати показания, его отказ от них в 1939 году для Тинчурина уже не имел значения. Разве только много лет спустя, для реабилитации драматурга.

В результате проведенного дополнительного изучения дела Аминов пришел к выводу, что К. Тинчурин в 1937 г. был арестован и осужден "неправильно, на основании непроверенных данных", а потому предлагал "постановление тройки НКВД ТАССР от 14 ноября 1938 г. в отношении Тинчурина отменить, дело производством прекратить".

По протесту прокурора республики Президиум Верховного суда ТАССР 14 октября 1955 г. этот протест удовлетворил, решение тройки было отменено, а "дело в отношении Тинчурина прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления".

Справку о полной реабилитации Тинчурина его жена Загида Гареевна получила 28 октября 1955 года. Тогда же она обратилась в КГБ ТАССР с просьбой сообщить ей о причинах и обстоятельствах смерти мужа. По существующей тогда инструкции правду еще говорить было нельзя. Потому ей сообщили предписанную инструкцией ложь: Тинчурин "...осужден органами Советской власти за антисоветскую деятельность к 10 годам ИТЛ. Находясь в местах заключения, умер 7 мая 1947 г. от рака пищевода". Это было неверной информацией, но она послужила для определения хронологических рамок жизни К. Тинчурина во многих изданиях. Лишь в эпоху гласности та инструкция была отменена, и стали известны правда и подробности многих ужасов 30-х годов.

АРЕСТ ПОЭТА

(или Рассказ о том, как Хасан Туфан сравнил Кирова с Дантоном)

Хасан Фахреевич Туфан (Кусинов) был арестован 18 ноября 1940 года. К нему на казанскую квартиру на улице Старой, дом 3 пришел сержант госбезопасности Мубаракшин и предъявил ордер на арест и обыск. Зашли понятия: дворник и соседи. Поэта увели с собой. Изъятые книги и блокнотные записи сержант и сопровождавший его солдат несли в руках.

Хасан Туфан

В здании на Черном озере Мубаракшин предъявил Туфану обвинение: вы являетесь участником антисоветской националистической организации. Предложил заполнить анкету о себе и родственниках. Туфан написал, что он поэт, беспартийный, член Союза писателей, 1900 года рождения, из деревни Старый Киреметь неподалеку от Аксубаево. Он сообщал, что его родители умерли, жена — Л. Салимгаскарова, артистка Татарского академического театра, и у них двое маленьких детей: дочь и сын. Его увели в камеру. Допросы начались на следующий день, в 14 часов. Снова дали анкету: напишите о себе, подробнее. Сообщил о работе учителем в татарских школах Сибири и Урала, о том, что в Казань приехал в 1924 году на учебу в Восточно-педагогическом институте. Ему дали передохнуть, не вызывали, сидел в изоляторе НКВД, думал.

Вызвали 2 декабря, в 15 часов. За столом сидел новый следователь, Кирилл Башков из Удмуртии. Допрос начал традиционно:

— Вам предъявлено обвинение по ст. 58-10, ч. I и 58-11 УК РСФСР. Виновным себя вы признаете?

— Виновным себя я не признаю.

— [...] Следствие располагает данными о том, что вы занимались антисоветской деятельностью. Давайте показания!

— Антисоветской деятельностью я занимался только до 1923 года, а после постепенно начал от контрреволюционной деятельности отходить.

— Это "постепенное" прекращение своей контррево-

люционной деятельности у вас продолжалось и по день вашего ареста. Это вы подтверждаете?

— Нет. Окончательно я перестроил свои понятия в национальном вопросе в 1927 году, то есть с этого года я стал разделять политику в национальном вопросе только большевистскую.

...Вызванный в 1957 году в КГБ ТАССР на допрос пятидесятилетний Башков скажет, что он не помнит Туфана, никого не помнит и никого на допросах не бил. Возмущенный Туфан кричал: Башков ругался, Катерли плевал мне в лицо, тыкал в лицо кулаком, обзывали нецензурными словами. Они лишали меня сна...

А тогда снова была передышка на 10 дней. Вызвали 12 декабря.

— На допросе 2 декабря вы показали, что антисоветской деятельностью вы занимались до 1927 года. Изложите подробно, в чем она состояла?

— До 1923 года я был членом, а затем председателем молодежной организации, так называемого кружка татарской молодежи, работавшей под руководством "Милли Шуро". В этом кружке мы проповедовали идеи о культурной автономии татар, необходимости объединения всех татар, без различия их классовой принадлежности для освобождения из-под зависимости других наций. Мы считали, что эта работа должна идти самостоятельно и не подчиняться руководству большевистской партии. В 1922 году этот кружок в Верхнеудинске был ликвидирован, или, вернее, не ликвидирован, а распался сам. В Чите мы объединились с мусульманским клубом, которым руководили большевики-татары.

17 декабря на допросе Туфан дополнил этот рассказ о своей жизни:

— Кружок тюркско-татарской молодежи, который некоторое время в Верхнеудинске возглавлял я, был националистический. Во-первых, потому, что сам по себе кружок состоял в большинстве своем из буржуазной молодежи, в большинстве отступавшей с белой армией и временно осевшей в Верхнеудинске. Во-вторых, через этот кружок путем постановки пьес Гаяза Исхакова и других, концертов, песен, музыки мы пропагандировали культурную автономию татар.

Освобожден был Туфан от руководства кружком после ссоры с секретарем кружка Исхаком Хайруллиным, когда он в гневе сжег часть рукописей его стихов.

Все показания Туфана были густо пересыпаны эпитетами: антисоветский и националистический. Туфан еще раз подтвердил, что после 1923 г. никакой контрреволюционной работой не занимался. Хотя трудно объяснить и еще

труднее понять, почему стремление к культурной автономии народа является контрреволюционным. Больное воображение и свихнутые понятия, умноженные на безграмотность и беспредел, рождали самые невероятные обвинения... Позже Туфан писал: "Я должен сейчас пояснить, что эти мои показания от 1940 года являются необъективными, факты были передернуты и зафиксированы они в "усиливающем" тоне, что искажало действительные факты. Мне не давали спать, пока я не подписывал, и я в конце концов подписывал".

А тогда, в 1940-м, на вопрос Башкова, был ли с ним в кружке писатель Абдулла Ризванов, Туфан ответил утвердительно и добавил, что жил с ним в одной комнате в Чите, что они оба были сторонниками Г. Исхаки, считали его своим вождем и "образование "Идель-Урала" мыслили только при помощи японцев".

Туфан тогда на допросах подробно рассказал о себе. О том, что в октябре 1917 года был в Уфе, учился в медресе "Галия" до весны 1918 г. Во время проведения в городе национального собрания поволжских татар работал секретарем, вел протоколы этого собрания. В поисках работы был в Омске и Томске, учительствовал, болел туберкулезом, потому не был мобилизован колчаковцами.

Добытые следствием показания членов сибирского кружка лишь подтверждали сказанное Туфаном. Следствию нужны были доказательства не давней, юношеской "контрреволюционной" деятельности Туфана, а того, что он ее продолжал. Они знали постановление Татарского обкома ВКП(б) 27 октября 1936 г. "О работе организации татарских советских писателей", через полгода после которого значительная часть писателей во главе с председателем Союза Кави Наджми была арестована. Туфан был исключен из Союза писателей, через год восстановлен, и вот теперь его горький час настал...

"Подарок" ему преподнесли накануне нового, 1941 года. 31 декабря следователь потребовал от Туфана признания в антисоветской деятельности в Казани. Туфан отверг обвинение. Тогда назвали написанную им поэму "Ант" ("Клятва") антисоветским пасквилем, а поэтическое сравнение убийства Кирова со смертью Дантона — вражеской вылазкой.

В истории мировой криминалистики (за исключением социалистической) вряд ли можно найти много случаев, когда бы судили за стихи, за художественные сравнения, образные силлогизмы. Уже были арестованы О. Мандельштам, Н. Клюев, П. Васильев и сотни еще больших и малых, могущих стать большими, поэтов, уже многожды поэтам и писателям задавались штампованные вопросы:

признаете ли вы себя виновным в сочинении произведений контрреволюционного характера? И получали утвердительные ответы. Поэты от своих стихов не отказывались. Сначала тихо, а потом все громче и громче будут звучать бессмертные мандельштамовские строки:

Но на земле, что избежит тленья,
Будет губить разум и жизнь Сталин.

Поэты с их особой впечатлительностью, эмоциональными вспышками-прозрением тогда стояли в очередь к палачам, доверчиво склоняя голову на плаху...

6 января 1941 года Туфан был вызван на допрос в 21 час. Вел допрос Василь Галлямов, 32-летний уроженец деревни Насибашево из Башкирии, за чрезмерное усердие уволенный сразу же после войны из органов госбезопасности по служебному несоответствию.

— Вам предъявляется оригинал вашего пасквиля "Ант", где в одном из абзацев третьей главы в переводе на русский язык записано:

Если ты родился еще в прошлой,
Далекой эпохе, любимый Киров,
Поднялся бы, все равно как Спартак,
Собрав своих родных рабов...
Но убили бы тебя так же,
Как убили Дантонов...

Вы подтверждаете это?

— Да, подтверждаю. В моей поэме "Ант" в переводе на русский язык записано именно так.

— Дантон вошел в историю как лидер правых элементов французской революции и был гильотинирован левыми революционными элементами. Следовательно, вы изображаете убийц товарища Кирова как представителей революционных элементов, а товарища Кирова как лидера правых элементов нашей революции. Вы признаете себя виновным в том, что в своем пасквиле вы злобно клеветаете на компартию и ее руководителей?

— Виновным себя в контрреволюционной клевете на партию большевиков и ее вождей я не признаю. Потому что сравнение Кирова с Дантоном мною сделано не умышленно, а по ошибке, так как я точно не знал, кто такой был Дантон. Я думал, что он до конца своей жизни был революционер и погиб за революцию, за народ, как Марат, Степан Разин и другие. Поэтому и Дантон у меня был взят во множественном числе.

9 января 1941 г. была создана экспертная комиссия в составе Тухвата Имамутдинова, секретаря Союза писателей ТАССР, Афзала Шамова, редактора сектора худо-

жественной литературы Татгосиздата, Абдуллы Камалетдинова, редактора сектора классиков марксизма-ленинизма Татгосиздата. Перед комиссией была поставлена задача "ознакомиться с поэмой Туфана "Ант" и дать заключение, имеет ли в ней место протаскивание контрреволюционной клеветы на компартию и ее отдельных руководителей и в чем именно эта клевета выражается". Указывалось, что поэма Х. Туфана "Ант" была опубликована в журнале "Совет эдэбияты" (1935.— N 9—10).

16 января комиссия пришла к выводу, что "если оценивать произведение "Ант" в целом, то в нем антисоветского, антипартийного мы ничего установить не могли. Сравнение Кирова с Дантоном считаем неудачным, хотя В. И. Ленин (Соч. —Т. XXI.—С. 320) характеризовал Дантона как величайшего мастера революционной тактики".

Позже, участвуя в процессе реабилитации поэта, А. Ш. Шамов говорил следователю КГБ ТАССР 19 февраля 1957 г.: "Туфана знаю хорошо и могу характеризовать только положительно. Это честный и некорыстолюбивый человек. Заключение об "Анте" писал объективно, указав, что ничего антисоветского в ней нет. Сотруднику НКВД это заключение не понравилось. Он стал нас ругать, угрожать в отношении нас репрессиями, говоря, что мы защищаем врага, но мы переписать заключение отказались".

Тогда Башков создал вторую экспертную комиссию в составе Ислама Файзуллина, заведующего сектором печати отдела агитации и пропаганды обкома партии; Хадый Абдрахманова, редактора газеты "Кзыл Татарстан", Хасана Шабанова, директора научно-исследовательского института татарского языка и литературы. Туфан заявил о недоверии Абдрахманову, который не печатал его стихи и относился к нему предвзято, предлагал вместо него А. Шамова, но его протест следователь Башков отклонил.

Заключение этой комиссии было представлено Туфану для ознакомления 5 февраля 1941 года. На основании справки, взятой из Большой советской энциклопедии (М., 1930.—Т.20.—С.413), где Дантон характеризовался как политический оппортунист, комиссия посчитала его сравнение с Кировым "протаскиванием контрреволюции в литературе". Более того, анализируя поэму Туфана в целом, комиссия обнаружила следующее: "Во II главе, в 3-м разделе описывается появление семи богатырей во главе с Нининым и его другом Юсуфом, которые появились на земле из-за горы Каф. Из содержания этого раздела видно, что автор поэмы "Ант" рисует в лице товарища Нинина тов. Ленина и его друга Юсуфа тов. Сталина, а в лице 7 богатырей состав политбюро. Приписывание герою поэмы Юсуфу, что он появился из-за горы Каф, может быть

лишь отнесено к злему духу, появившемуся для творения зла и бедствия среди человеческого общества. По религиозным предрассудкам мусульман, а впоследствии вошедшего в народное предание верующих, гора Каф представляется как обиталище всех злых духов, которые должны появиться на земле перед светопреставлением. Автор поэмы "Ант", рисуя образ Юсуфа, прибывшего из-за горы Каф, этим самым его относит к числу злых духов, которые способны только творить зло и бедствия для народа". И затем предлагался подписанный членами комиссии вывод: "Комиссия считает вполне установленным, что поэма "Ант" является контрреволюционным произведением и вредным в советской литературе".

Туфан отверг обвинительный тон и упреки комиссии, повторив, что с Дантоном он ошибся, так как толком не знал, кто это такой, а в случае с Юсуфом имел в виду не гору Каф, а Кавказские горы, уроженцем которых являлся Сталин. Поэма — поэтическое произведение и там образные сравнения могут и должны быть.

Так как мнения экспертных комиссий не совпадали, то было принято решение следствие поручить старшему лейтенанту госбезопасности Степану Катерли и лейтенанту Загиду Батуллину, а также создать третью комиссию в составе поэта-орденоносца Шайхи Маннура, заведующего сектором художественной литературы Татгосиздата Гази Кашшафа, редактора газеты "Кзыл Татарстан" Ибрагима Узбекова.

Третья по счету комиссия оказалась для Туфана роковой. Ведь от ее выводов зависело, защитят ли поэта коллеги, или они уступят политической конъюнктуре и не проявят солидарности не только с ним, но и с авторами первого отзыва. Выводы последней комиссии были даны Туфану 22 декабря 1941 года.

Шла великая война, сражения той морозной зимой происходили под Москвой. А здесь, в городе, переполненном беженцами и госпиталями с ранеными, измученными семьями, продолжалась борьба против своих граждан. Город был затемнен, боялись воздушных налетов, вокруг рыли окопы. Но репрессивная политика оставалась прежней: уголовников перевоспитать можно, а тех, кто сражался за власть Советов, а теперь по доносу кого-то взят под стражу — нельзя, его можно только расстрелять или послать на каторжные работы в Гулаг, сделать рабом. Трудно понять, почему к этим людям, лояльным к государству большевиков, такая нероновская свирепость, отсутствие всякого снисхождения? В царстве абсурда гибли люди, умирала поэзия, исторгнутая от сердца, а люди по утрам слушали сводки Информбюро, резкий, чеканный голос Левитана и

яростную песню "Вставай, страна огромная", зовущую на смертный бой с фашистской силой темною...

Прочитав заключение последней комиссии, Туфан понял, что шансов выпутаться из нелепой, трагической ситуации у него нет. Неизвестно, что его больше тогда потрясло: горькая судьба или бездушное отношение коллег, от которых требовалось гражданственности, нравственного поступка, ведь пример был—рецензия А. Шамова и его товарищей.

И вот перед Туфаном самое объемное из трех заключений, на 7-ми страницах в нем говорилось: Туфан "утверждает закономерную необходимость убийства выдающихся деятелей революции... сравнение Кирова с Дантоном ни в какой мере не может быть оправдано. История знает Дантона как спекулянта, предателя Великой французской революции и шпиона". Три автора подписали вывод-приговор: "... факты безапелляционно доказывают, что все... запутанные, двусмысленные толкования не являются просто творческой ошибкой Туфана, а являются прямо политически вредными и более утонченно завуалированными контрреволюционными измышлениями".

Единственно, что попросил тогда Туфан—приобщить к делу не только последнее, но и первое, положительное мнение о поэме. И тут же заявил, что считает выводы комиссии "ложными, сделанными путем подтасовки текста поэмы "Ант".

Прошло полтора десятка лет. В процессе реабилитации Туфана следователь КГБ ТАССР М. Аминов спрашивал всех еще живых рецензентов об их отношении к отзывам на поэму "Ант" Туфана, отзывам, которые они писали и подписывали тогда, в 1940—1941 годах.

Ш. Маннур, 9 января 1957 г.: знаю Туфана очень хорошо с 1933 г.. В 1941 г. поступил по отношению к нему несправедливо. "Меня, Г. Кашшафа и Узебова вызвал следователь НКВД и сказал, что Туфан—враг и нужно дать заключение на его поэму "Ант". Я тогда подписал необъективно составленное и не соответствующее действительности заключение по поэме "Ант". Помню, что заключение написал Гази Кашшаф, но я его прочитал и подписал... Арест Туфана был неожиданностью. Это талантливый и выдержанный поэт".

И. Узебов, редактор журнала "Сельское хозяйство Татарии", 23 января 1957 г.: знал Туфана плохо. "Припоминаю лишь то, что само заключение писали Гази Кашшаф или Шайхи Маннур и что наши выводы были отрицательными. Я почти ничего не помню".

Г. Кашшаф, редактор журнала "Совет эдэбияты", 25 февраля 1957 г.: Туфана знал как способного человека,

отношения до войны даже дружеские. Ничего антисоветского у Туфана не было. И об отзыве на поэму "Ант": "...Однажды нас вызвал сотрудник НКВД ТАССР Батуллин и сказал, что нам надо дать заключение по поэме "Ант". В процессе беседы он нам зачитал документ, сказав, что это показания Туфана, из которых видно, что Туфан еще в годы гражданской войны боролся против Советской власти, что он контрреволюционер, националист и т. д. Я лично, как и другие члены комиссии, поверил этому. Помню, еще подумал: смотри, как он умело маскировался, зная его столько времени, ничего не замечал. Было начало войны, трудное время и мы возмущались Туфаном. Батуллин сказал еще то, что они проводили уже две экспертизы, но там ничего не нашли антисоветского. И если, мол, вы тоже ничего не найдете, то они создадут новую комиссию и все-таки напишут такое заключение, как видите, мол, тут все ясно. Под впечатлением всего этого мы и написали необъективное в политическом отношении заключение по поэме "Ант".

Не хочется кого-либо судить, оценивать чужие, в значительной степени вынужденные, поступки, хочется понять действие людей, ведь в той же ситуации были и те, кто находил в себе мужество идти против предписанного властями.

Справка: Киров С. М. (1886—1934) — советский государственный и партийный деятель. В 1934 г. — 1-й секретарь Ленинградского ОК ВКП(б) и секретарь ЦК ВКП(б). 1 декабря 1934 г. стал жертвой террористического акта.

Дантон Жорж Жак (1759—1794) — один из вождей якобинцев времен Французской революции. Казнен по решению Революционного трибунала. В советской исторической литературе ему дана различная политическая оценка. В. И. Ленин приводил слова Маркса, который воспринимал Дантона "как величайшего из известных до сих пор мастера революционной тактики". Ленин назвал "заветы Дантона и Маркса" великими (Соч.—М., 1931.—Т. XXI.—С. 281, 320). На эти высказывания ссылаясь в отзыве А. Шамов. В БСЭ (М., 1930.—Т. 20.—С. 413) говорилось: "В историю Дантон вошел как политик-оппортунист, типичный представитель буржуазной интеллигенции, связанной с новой, богатеющей за счет революции буржуазией, не углублявшейся в теории и системы, но трезво разбиравшейся в окружающей обстановке и ставившей себе вполне реальные цели". Эта цитата легла в основу других отзывов. Ныне советские историки придерживаются марксовой оценки деятельности Дантона.

Вскоре Туфана ознакомили с обвинительным заключением. Оно было столь же нелепо, бездоказательно, сколь

и ужасно. В нем категорически утверждалось: "Следствием установлено, что Туфан Хасан Фахреевич еще до революции 1917 г. получил буржуазно-националистическое воспитание в медресе "Галия" и в 1917 г., как активный представитель татарской буржуазной молодежи, принимал участие на собрании-съезде мусульман Средней Волги и Сибири, работал в секретариате этого съезда, по окончании этого съезда оформлял стенографический отчет съезда, являлся сторонником завоевания для татар буржуазно-демократической автономии".

Дело Туфана было назначено к слушанию в Военном трибунале войск НКВД ТАССР в закрытом судебном заседании. Суд состоялся 7 марта 1942 года. Начался в 11 ч., завершился в 12.35. Туфан был растерян, в последнем слове лишь просил смягчить ему меру наказания. Трибунал приговорил поэта к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Ему объяснили, что в течение 72 часов (трое суток) он имеет право обжаловать приговор. 21 марта 1942 г. Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела кассацию Туфана и изменила ему приговор заменой расстрела на 10 лет концлагеря с поражением в политических правах на 5 лет. Можно лишь догадываться о тех жутких муках, которые пережил поэт, ожидая решение своей судьбы в камере смертников 2-й казанской тюрьмы. 10-летнее заключение было исчислено ему со дня ареста, с 19 ноября 1940 года.

В следственном деле Туфана сохранились два его лагерных письма. Оба они написаны им 11 августа 1945 года. В первом поэт просил отправить его в действующую армию на Дальний Восток, воевать с японцами. "Я был осужден в совокупности по статье 58-2 к расстрелу, ждал бесславной, позорной смерти,—писал он в Президиум Верховного Совета СССР.—Помилован заменой десятью годами. Отбыл пять, абсолютно без взысканий, работал и работаю всегда на производстве передовым бригадиром... Моя бригада многократно премировалась, но нет тяжелее быть в стороне от народа, поднявшегося против захватчиков. Я считался одним из лучших поэтов советского народа в татарской поэзии. Лучшие мои друзья поэты-коммунисты Залилов, Кутуев, Каримов, Мифтахов погибли славной смертью под Кенигсбергом, Берлином. Передовые сыны татарского народа желают видеть меня не в тюрьме, а на фронте. Единственное мое дитя и жена-актриса желают встретить меня с фронта лучше калекой, чем здоровым из тюрьмы". Второе было обращено в Военную коллегию Верховного суда СССР и исходило от Туфана, поэта, "впервые осужденного к расстрелу из поэтов в мире". Это же письмо он адресовал и большевикам. Он

рассказал в нем свою горькую биографию, заявил, что работал в лагере бригадиром, инструктором по изготовлению установки для бомб. Это письмо—выстраданная боль поэта. Я никогда, даже в годы безграничного хмурого, дооктябрьского мира, реакционным, антиреволюционным, антижизненным не был. И не потому ли у следователя для существенного обвинения нет ни одного реального факта?.. Отсутствие никакого реального факта вынудило следствие частично построить обвинение на моих уже давно забытых, отреченных привычках неоформленной молодости. В часы поздней ночи, после бесконечно долгих часов следствия... мой первый следователь Башков, сбросив с себя всю надуманно искусственную страшность, говорил иногда как-то от души: "Нельзя, Туфан, будем тебя судить, иначе общество скажет: "Посадили совсем невинного человека и столько время держали в тюрьме". Нет, не судить тебя нельзя". И я думал: может быть для общего интереса страны так и необходимо". (Орфография сохранена.—Ред.).

Туфан утверждал, что ему во время следствия подолгу не давали спать, доводили до невменяемого состояния и заставляли подписывать заранее заготовленные протоколы, "акты неправды". И спрашивал: "Разве настоящая правда нуждалась бы когда-нибудь в этом?" Он спрашивал о том, можно ли строить обвинение на показаниях сексотов, с которыми он требовал очной ставки и не мог добиться этого.

Туфан возмущался тем, что для ознакомления с обвинительным заключением ему дали всего 10 минут. А в деле он не обнаружил ни положительного заключения 1-й экспертной комиссии о поэме "Ант", ни своего объяснения на татарском языке по поводу выводов 3-й комиссии, где им вскрывалась "умышленная перефразировка и подтасовка отдельных текстов" поэмы.

Туфан вспоминал, как руководитель следствия Батуллин, предлагая ему посмотреть том дела, похлопал его ладонью и довольным тоном сказал: "вот оно какое, целый том. Все тут есть, и карта намечаемого создания националистами республики "Идель-Урала" приложена, все, все..." Туфан не выдержал и продолжил: "И вся неправда приложена..." Когда Батуллин начал ругаться, поэт заметил: "Но ведь это дело будут еще разбирать настоящие большевики, закаленные справедливой прозорливостью большевики". На что Батуллин ответил: "Нет, судить тебя будем мы и обязательно отправим тебя на луну".

Следователь мог злорадствовать. Войдя в зал суда, Туфан увидел среди готовившихся судить его лейтенанта

госбезопасности Галлямова и подумал: "Будут судить меня ненастоящие большевики, справедливости ждать нечего".

Особенно тяжелое впечатление, если судить по письму-обращению Туфана, на него произвели оценки последней экспертной комиссии, незаслуженные, оскорбительные, убийственные в его положении упреки бывших коллег. Он писал, что Ш. Маннур на обсуждении текста поэмы в 1935 году дал ей положительный отзыв. "В моей поэзии и вообще в моем творчестве,—заверял поэт,—нет никакой контрреволюционности, она существует только в умышленно созданных и подтасованных выводах... враждебных комиссий". Заключал письмо Туфан с нескрываемым сарказмом: "Граждане большевики, я жду Вашего справедливого слова!" И не дождался. 18 ноября 1950 года закончился 10-летний срок лагерной изоляции Туфана. Он ждал освобождения, но ему объявили о другом: вечной ссылке в Устарский район Новосибирской области. Лишь после смерти Сталина в 1953 году, расстрела Берии и его сподвижников, медленно начался пересмотр дел невинно осужденных людей. Туфан вернулся в Казань и 26 сентября 1956 года обратился с заявлением в прокуратуру Татарии о пересмотре своего дела и полной реабилитации. Это было даже не заявление, а горькое письмо человека, толком не уяснившего, за что он столько страдал, хотя и писал в нем, еще не до конца отрекшись от страха, что склонен считать "происшедшее с ним—случайным недоразумением... Все, что было, я хочу забыть, хочу освободиться от неприятных воспоминаний". Оказалось, что это невозможно. И не потому, что этого хотел Туфан. Это прошлое крепко держало его, реабилитационный процесс растянулся на год. Новые допросы-объяснения, встречи с коллегами, которые не принимали участия в его судьбе, с авторами отрицательных, а для него роковых, отзывов о поэме "Ант", теперь сменивших точку зрения и в очередной раз вставших на "принципиальные" позиции... Трудно было устоять в этой обстановке после многолетней изоляции. Но Туфану не откажешь в мужестве, с которым он боролся за свое честное имя.

А в этом заявлении-письме он с горечью и печалью констатировал: "Пострадал я очень крепко: был отчужден от творческой работы, которая является смыслом моей жизни, как бы воздухом моего бытия. На все то, что я творил, чему посвятил жизнь—на все это был поставлен крест. Кроме того, что я выстрадал 16 лет без вины, это оказало пагубное действие на мою семью: я лишился сына и жены..." Он не выдерживал заданного смиренного

тона и называл предъявленные ему обвинения нелепыми: сначала искали "хранимую" контрреволюционную литературу, не нашли, прицепились к поэме "Ант"...

14 ноября 1956 года на основании заявления Туфана заместитель прокурора ТАССР Васильев предложил КГБ ТАССР проверить его дело на предмет возможной реабилитации поэта. Проверкой занимался подполковник госбезопасности М. Аминов. Ко времени встречи с Туфаном в январе 1957 года он имел необходимые архивные подтверждения из Верхнеудинска и Читы, опровержения оговоров против поэта. Они встречались 10 и 25 января 1957 г., и Туфан под протокол вновь рассказывал о своей трагической судьбе... Потом показания Аминову дали те, кто писал отзыв об "Анте": А. Шамов, Ш. Маннур, И. Узбеков, Г. Кашшаф.

20 марта 1957 г., досконально изучив материал, подполковник Аминов пришел к выводу о том, что Х. Ф. Туфан был осужден в 1942 году на основании непроверенных и необъективных материалов и предложил дело о нем за недостаточностью обвинения прекратить.

На основании материалов и выводов, представленных КГБ ТАССР, последовало заключение прокуратуры республики от 28 мая 1957 года. В нем отмечалось, что обвинение Туфана было основано на его личных показаниях, показаниях И. Г. Файзуллина, М. Б. Сайфуллина, Ф. Сайфи, Б. А. Абдуллина, а также на заключении экспертной комиссии от 22 декабря 1941 г. "о контрреволюционности содержания поэмы "Ант". Подчеркивалось, что "показания, содержащиеся в протоколах допросов Туфана, не соответствуют действительности и даны под влиянием незаконных методов следствия". Справка, присланная из управления КГБ по Читинской области, установила, что нет данных, подтверждающих существование националистического татарско-тюркского кружка, нет и документов, компрометирующих Туфана.

Дополнительная проверка установила, что показания Файзуллина и Сайфуллина, бывших в Чите в одном кружке с Туфаном, не могут являться доказательством его виновности, так как и в отношении их уголовные дела прекращены. Фатых Камалович Сайфи, писатель и историк, 1888 года рождения, был арестован 18 сентября 1936 года, расстрелян 3 августа 1937 года; Бари Абдуллович Абдуллин, 1899 года рождения, второй секретарь Татарского обкома ВКП(б), расстрелян 3 августа 1937 года. В выбитых у них показаниях имя Туфана лишь упоминалось, сами они были реабилитированы.

Прокуратура Татарии полагала, что приговор Туфану подлежал отмене.

27 августа 1957 года Военная коллегия Верховного суда СССР прекратила дело Туфана "за отсутствием состава преступления". 23 октября 1957 года Туфан расписался в получении справки о реабилитации и пошел домой, на свою довоенную квартиру на улице Старой, дом 3... Наверное, он вспомнил свою любимую жену Луизу, сына, не дождавшихся его и умерших перед его возвращением, шептал про себя выстраданное:

А сердце сожжено, друзья,
Защиты нет давно, друзья,
Отныне в мире без опоры
Прожить мне суждено, друзья.

СМЕРТЬ УЧЕНОГО

На следственных делах об арестованных в годы Большого террора грифы "хранить вечно" или "секретно". Эти дела еще не стали предметом объективного изучения. Их невозможно читать спокойно. Каждое из них индивидуально. Не соединенное с тысячами подобных дел, отдельно взятое, оно производит впечатление сцены из театра жестокого, беспощадного, неумолимого абсурда: нет вещественных доказательств преступления, его зримых очертаний, действия. Есть оговоры, словесные обвинения, полученные от запуганных людей, или выжатые методом физического воздействия. На этом основании нельзя человека судить. Это противоречит и закону, и здравому смыслу. Но судили, и весьма сурово... Приговоры, как правило, обжалованию не подлежали. На суд ни свидетели, ни адвокаты не приглашались. Взятые вместе, эти дела являются отражением и неотъемлемой частью проводившейся в то время государственной политики устрашения людей. Они—свидетельство того, как расправлялись тогда с малейшим намеком на инакомыслие, как создавалась дармовая армия труда заключенных.

Следственное дело N 3404 о Галимджане Шарафовиче Шарафе не является исключением. Начинается оно, как и многие другие, с постановления об аресте. Итак... Лейтенант госбезопасности Музафаров 20 марта 1937 г., рассмотрев имеющийся материал о Шарафе Г. Ш., нашел, что Шараф, 1896 года рождения, татарин, гражданин СССР, уроженец деревни Аксу Буинского района (правильнее—Тетюшского уезда.—*Авт.*), ранее несудимый, доцент Татарского педагогического института, проживающий в Казани по ул. Жуковского, д.15, кв. 4., "вполне изобличается в том, что он на протяжении целого ряда лет вел организованную контрреволюционную националистическую агитационную

пропаганду, занимался систематической антисоветской агитацией и распространением провокационных слухов о Советской власти". Потому лейтенант постановил Шарафа арестовать, заключить в изолятор НКВД, в квартире провести обыск. Во время обыска изъяли личную переписку, документы, книги Бухарина, Каутского и Бакунина.

Затем начались допросы...

25 марта 1937 г.:

— Назовите ваших родственников.

— Брат Бурган Шараф, старше 50-ти, работает статистом, до революции—журналист. Был арестован в Ташкенте в 1930г., освобожден. После революции работал преподавателем и переводчиком; брат Шагап Шараф, около 60-ти, служит охранником в кино. До революции—торговец, после революции—мулла. Арестован. Сестра Фатыма Монасыпова, около 30-ти, служит кассиршей в аптеке N 8, ее муж, Закир Монасыпов, работал в Татиздате, сейчас в ссылке; сестра Газяр Тарджиманова, 45 лет, домохозяйка. Ее муж, Афтях Тарджиманов, бывший мулла, в данное время—рабочий в ящичной артели; сестра Зифа Булатова, 57 лет, домохозяйка. Муж—Зия Булатов—управдом; брат Гильми Шараф, 48 лет, работает бухгалтером в системе кооперации под Ленинградом. Ранее работал в Татбанке зам. директора; сестра Халиса Сагидова, 37 лет, стенографистка, живет в Ленинграде, муж сослан; брат Шагар Шараф, 60 лет, бывший мулла, работал библиотекарем в духовном мусульманском управлении, в 1936 году был арестован...

— Вам дадут бумагу, чернила и ручку,—сказал следователь Шарафу,—напишете в камере свою подробную биографию.

Шарафа увели в камеру-пенал. Высоко зарешеченное окно. Кровать, на которую нельзя днем лечь, табурет, колченогий столик, параша в углу. Следственный изолятор—во дворе здания НКВД на Черном озере в Казани. Темно, затхло и угрюмо. Шараф тяжело вздохнул, сел за столик, начал писать:

— Родился 29 декабря 1896 г. в дер. Аксу Буинского района. Учился в галеевском медресе Казани, занимался арабским, персидским и турецким языками и литературой. Окончил 2-е Казанское реальное училище, затем учился в Петербургском институте инженеров путей сообщения и одновременно на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Слушал курсы лекций академиков Бартольда, Тураева, Самойловича и других. Работал над древнетюркскими рукописями под руководством Самойловича.

Революция втянула в общественную работу. Перевелся в Казанский университет, занимаясь у профессоров Катанова, Ашмарина, Богородицкого. Писал "Историю татар и других тюркских народностей в эпоху монгольских завоеваний". Написал более 300 листов, не кончил. В 1916 году издал сборник "Афоризмы поэта Тукая". В начале 1918 г. был вызван Наркомнацем РСФСР в Москву для разработки проекта границ и положения о декларируемой тогда Татаро-Башкирской республики. Учебу в Казанском университете в 1918—1920 гг. совмещал с работой в Центральной мусульманской научной коллегии в Казани, где работал, главным образом, над вопросами реформы татарской орфографии и научной терминологии на татарском языке. Занимался фонетикой татарского языка под руководством профессора В. А. Богородицкого. В дальнейшем работы в области экспериментальной фонетики и фонетики татарского языка занимали центральное место в моей научно-исследовательской работе. С 1921 г. преподавал татарский язык в вузах Казани, в основном в пединституте, с 1928 г.—доцент по кафедре татарского языка. Публиковал статьи по этнографии, статистике, экономике Татарии. Проект внешних границ Татарской республики, дальнейшие более или менее крупные ее изменения, все важнейшие проекты внутреннего административного деления республики с 1920 по 1933 гг. разрабатывались мною или при ближайшем моем участии. В 1926 г. был избран членом-корреспондентом Всесоюзного бюро краеведения, с 1929 г.—член международной ассоциации экспериментальной фонетики. В 1931 г. получил премию за составление проекта яналифа (нового тюркского алфавита на латинской основе). В 1934—1935 гг. готовил к изданию татарский словарь. Автор почти 50-ти печатных работ.

Шараф отложил исписанные мелким, каллиграфическим почерком листы и вновь задумался. Чем он, его родные прогневали судьбу? За что им всем такая жестокая участь? Ведь никто из них никогда ничего плохого, бесчестного не сделал и не собирався делать.

В автобиографии он написал о главном в своей жизни— научной работе, ведь он и политиками привлекался прежде всего как эксперт.

Он подумал, пододвинул лист бумаги и приписал:

— Я никогда контрреволюционером не был, никогда ни в каких контрреволюционных организациях не участвовал. Я был всегда честным беспартийным специалистом, честно всегда выполнял поручаемую мне советской властью работу, а также общий социальный заказ эпохи. Я никогда не состоял в каких бы то ни было партиях; если я в общеполитическом смысле не был никогда революционером, то не был никогда и контрреволюционером, в том числе и в области национального вопроса.

Шараф перестал писать, снова отодвинул от себя лист и стал вспоминать свою жизнь, ежедневный каторжный труд с редкими свободными днями: во имя науки и своего народа.

Они были вместе,—желающие свободу всем мусульманам и своему татарскому народу: студенты, учителя Шараф и братья Ильяс и Джангир Алкины; Ибрагим Ахтямов и Амина Мухитдинова. Дети интеллигентов и полные сил и мечтаний о лучшей доле нации.

...Дверь камеры заскрипела и грубый, охрипший голос оторвал Шарафа от дум, приказал идти на допрос.

Следователь Дунаев небрежно кинул протянутый ему лист с автобиографией на стол и сказал:

— Следствие располагает данными о ваших связях с заграницей. Расскажите об этом подробнее.

— Я связи с заграницей не имел, за исключением международной ассоциации экспериментальной фонетики в Лондоне. В 1929 году я был избран действительным членом этой ассоциации и получал журнал "Voice" (Голос)...

— Скажите о своих связях с контрреволюционерами Исхаки и Батталом.

— Я знал Гаяза Исхакова как старого татарского писателя. С ним вместе участвовал в работе национального собрания в Уфе. Абдулбари Баттал жил в Турции, сделал перевод моей работы "О принятии латинского шрифта" (это доклад на тюркологическом конгрессе в 1926 г. в Баку). Знал я и Садри Максудова, и Фуата Туктарова.

— Когда вы с ними познакомились?

— Еще до революции. В 1915 году, будучи студентом института путей сообщения в Петрограде, я создал

кружок "Татар учагы" ("Татарский костер"). Его членами стали Ильяс Алкин, его брат Джангир, Гани Абызов, Салих Рахманкулов, Султанбек Мамлеев и другие студенты. В кружке обсуждались задачи по культурному просвещению татарского народа, его будущности, критиковались пантюркистские и панисламистские взгляды. После победы Февральской революции кружок распался. Но я, как руководитель кружка, был делегирован на московский Всероссийский съезд мусульман. На секции государственного устройства я выступал с докладом о возможностях территориальной автономии татар. После съезда вернулся в Казань и принял участие в работе второго Всероссийского съезда мусульман. (В июле 1917 г. в Казани проходили одновременно три всероссийских съезда представителей мусульманских народов: 2-й Всероссийский съезд мусульман, 1-й Всероссийский мусульманский военный съезд, съезд духовенства.—*Авт.*). Был избран съездом в состав мухтариата—органа по реализации программ культурно-национальной автономии. Вместе со мной в составе мухтариата работали Садри Максудов, Гаяз Исаков, Хади Атласов, Гумер Терегулов и другие. Тогда же я был избран в коллегию по созыву национального съезда мусульман внутренней России и Сибири в Уфе. Но грянула Октябрьская революция и в Уфу я поехал на заседание "Миллэт Мэджлэсе" ("Национальное собрание"). Оно продолжалось с 20 ноября 1917 г. по 1 февраля 1918 г. В президиуме собрания были Ильяс Алкин, Садри Максудов, Фатых Мухамедьяров и другие.

На этом национальном собрании я выступал с докладом о границах будущего Идель-Уральского штата, охватывающего территорию современной Оренбургской области, Башкирской и Татарской республик. Мой проект национальным собранием был принят. Для практической реализации этого проекта была избрана коллегия в составе: И Алкин (председатель), Г. Шараф (зам. председателя), члены—Г. Ибрагимов, Ф. Сайфи, С. Атнагулов, Н. Хальфин и другие. Этот проект обсуждался на 2-м Всероссийском мусульманском съезде в Казани в январе-феврале 1918 года. Полковник Биглов решил объединить мусульманские военные части для реализации этого проекта. Но дело кончилось "забулачкой". Во время "забулачки" я вел работу по подбору материалов, связанных с уточнением границ и экономики создаваемого Идель-Уральского штата. Кроме того, вместе с Салихом Атнагуловым вел переговоры с ревкомом о разрешении конфликта без кровопролития...

— Хватит истории,—прервал Шарафа Дунаев,—идите и вспомните о теперешней своей шпионской деятельности, связях со старыми закордонными друзьями.

Дунаев поднялся, обошел стол, подошел вплотную к невысокому Шарафу и вдруг резким ударом сбил его с ног. Потом пнул его лежащего, открыл дверь и подозвал конвойного.

Сплевывая кровь и выбитый зуб, Шараф вернулся в камеру.

По этому поводу необходимо дать некоторые пояснения.

Идея создания культурно-национальной территориальной автономии мусульман внутренней России—Идель-Урал—действительно была выдвинута и обоснована национальным собранием мусульман в Уфе в конце 1917 года. Она была поддержана в декларации мусульманской социалистической фракции Учредительного собрания, но после его разгона стала предаваться остракизму. В результате многие сторонники Идель-Урала (И. Алкин, Г. Терегулов, Ф. Туктаров и др.) поддерживали правозероветскую программу будущего государственного устройства страны, при котором все народы России имели бы право самостоятельного национального и политического устройства, согласно их желаниям и интересам в рамках федеративной демократической республики (См.: Всероссийское Учредительное собрание.—М.-Л., 1930.—С. 165-166).

Следует иметь в виду и другое: Советы, к которым перешла власть на местах после Октябрьского переворота, не были однопартийными. Входившие в их составы представители различных социалистических партий (меньшевики, эсеры и др.) продолжали думать о реализации своих программ, а не планов ставших правительственными партий большевиков и левых эсеров.

Действительно, само название штата, план и карту его формирования на территории Поволжья и Приуралья, населенных преимущественно татарами и башкирами, предложил в Уфе Галимжан Шараф. Это были уезды Уфимской, Казанской, Симбирской, Вятской Самарской, Оренбургской и Пермской губерний.

Известно, что создание Идель-Уральского штата тогда не состоялось. Султан-Галиев позже ставил себе в заслугу, что по его предложению 1 марта 1918 г. была предотвращена организация штата, арестованы, а затем освобождены руководители этой инициативы. Кстати, уже много десятилетий не выполняется решение Президиума Казанского Совдепа (март 1919 г.) о праздновании дня ликвидации "Забудачной республики" в Казани. И правильно, что не празднуется. Потому что тогда была загублена перспективная идея.

В работах советских историков только в самые последние годы наметился отход от характеристики организации

Идель-Уральского штата как буржуазно-националистического проекта, а предложенного Наркомнацем РСФСР альтернативного решения о создании Татаро-Башкирской республики как советского.

Оба проекта не были осуществлены, оба были советскими. Ярлыковые оценки не есть истина. Документы утверждают, что проект создания Идель-Урала был поддержан всеми народами края, а не только татарами и башкирами, а идея Татаро-Башкирской республики вызвала мощное противодействие не начальства, а народов.

Афиши, расклеенные на улицах Казани в самом конце февраля 1918 г., объявляли: в пятницу, 1 марта 1918 г., в 3 часа дня на Театральной площади (ныне площадь Свободы.—*Авт.*), "имеет быть торжественное провозглашение фермана (универсала) автономии Идель-Уральской республики, как федеративной части Российской советской рабоче-крестьянской республики. Граждане—русские, чуваш, черемисы (теперь—марийцы.—*Авт.*), евреи и другие народы! На нашем знамени написано братство народов—в этот исторический день подайте нам братскую руку". У Шарафа было удостоверение члена Коллегии по осуществлению Идель-Уральского штата, оно было изъято при его аресте. На одном из допросов, 14 февраля 1939 г., Шараф скажет, что "универсал" об объявлении Идель-Урала писал он вместе с И. Алкиным. "Этот универсал,—говорил Шараф,—рассматривался тогда нами как акт национального самоопределения на основе постановления национального собрания в отношении границ, и на основе принятия советской платформы в отношении структуры власти и вхождения в состав РСФСР этой предполагавшейся автономной единицы. Осуществление же Идель-Уральской автономной республики, как тогда предполагалось, должно было возлагаться на особую комиссию в составе представителей: 1. коллегии по осуществлению Идель-Уральского штата, принявшей советскую платформу; 2. Казанского губисполкома; 3. Уфимского губисполкома на паритетных началах. Что касается попытки объявления этой автономной единицы без предварительного согласования с центром, то в условиях того времени, когда многие губернии, даже уезды и отдельные города объявляли себя республиками,—ничего из ряда вон выходящего не представляет..."

Среди документов-свидетельств поддержки создания Идель-Уральского штата—протокол объединенного заседания комиссариатов Казанской губернии по делам чувашей, мари и крещеных татар, стоящих на платформе советской власти. В нем заявление о поддержке Идель-Уральского штата и протест против создания Татаро-Башкирской республики из бразни "мусульманского засилья" (ЦГА

ТССР.—Ф. 1574.—Оп.1.—Д.2а.—Л.95). И даже апрельское (1918 г.) решение Казанского Совета о признании языков всех поволжских народов официальными (ЦГА ТССР.—Ф. 983.—Оп.—Д. 66.—Л. 45) не сняло напряжения. Тогда всех устраивал неосуществленный проект Идель-Уральского штата. Всех, но не руководство, полагавшее, что устраивать всех может только то, что предписано свыше, иначе зачем оно, это руководство, нужно?!

Шарафа тогда, в 1918-м, не тронули. Наоборот, пригласили в Москву, в Наркомнац, просили помочь очертить границы Татаро-Башкирской республики... Через два года, во время формирования территории Татарской автономии, Шараф вновь работает по определению и размежеванию ее границ. "У центра еще не было достаточного опыта по оформлению подобных республик,—вспоминал Шараф.—Хотя некоторые республики (Малая Башкирия, республики Закавказья) возникли раньше Татарской республики, но образовались они еще в первые годы революции в порядке местной инициативы... Татарская же республика оформилась в порядке длительной подготовки. Дело здесь затруднялось тем, что Татария вековой колониальной политикой царизма была расчленена между пятью губерниями (Казанской, Самарской, Уфимской, Симбирской и Вятской). Ни в одной из этих губерний татары не представляли большинства, ни одна из них по национальному составу населения не смогла служить базой оформления Татарской республики. Ввиду чрезвычайной смешанности национального состава... предстояло разбивать не только губернские границы, но уездные и волостные".

Но главным было другое: Шараф и многие другие представители татарской интеллигенции думали тогда о значительно большем объеме прав для республики, чем их хотели дать центральные власти. В небольшой книге, написанной Шарафом совместно с Фатыхом Сайфи-Казанлы, "Татарское государство" (Казань, 1920.—С. 62) говорилось: "Татарская республика является автономной частью Российской Федеративной Советской республики. Кроме Татарской республики, в Российскую Федеративную Республику входят Башкирская, Киргизская, Туркестанская, Азербайджанская, Украинская республики. Они также автономные республики". В то время речь шла не о союзе республик, а об их равном положении в составе РСФСР. Среди равных с другими и Татария. Потому авторы определяли ее права так: "Татарская республика в области внутреннего управления, просвещения, земледелия, здравоохранения, юстиции и социального обеспечения живет по законам, которые издает она сама". В этих вопросах, полагали авторы, Татария не связана с законодательством

центра за исключением Конституции РСФСР, которой не должны противоречить законы Татарской республики. Ничего и говорить, что действительного самоуправления республика не получила, суверенные права народов края были нарушены. Понадобилось время, чтобы зревшее, загнанное внутрь недовольство, неудовлетворенность, приниженное национальное самосознание вырвалось наружу и потребовало ликвидации остатков колониальной политики центра.

Шараф был ученым, он не мог выполнять поручения, не изучив сам предмет, без сомнения в правильности самой постановки вопросов. Он не мог не иметь своего мнения, не быть в некоторой степени инакомыслящим. Естественно, Шараф рассчитывал на действие законов, записанных в Конституциях республик, а не на бесцеремонное отношение властей тоталитарного государства к созданному им же автономному объединению.

На примере Шарафа видно, как государственная система давила, мяла, вынуждала ученого к конформизму, пока не погубила совсем.

Шараф долго не мог понять, почему нельзя издавать произведения Г. Исхаки. Бывший владелец типографии "Милләт" Насих Мухтаров вспоминал, как в 1919 г. к нему пришли Шараф и Хасан Исхаков, брат писателя, и предложили издать пьесу Исхаки "Фатхулла-карт балалары". Шараф поддержал идею о письме Исхаки с целью его возвращения на родину. Но Исхаки передал через брата, что из-за боязни ареста вернуться не может. Позже, во время следствия, Шарафу инкриминировали, что вплоть до 1927 года он включал в учебные программы для студентов произведения Исхаки. И писал: "Наиболее плодотворные труды в области обогащения татарской литературы падают на долю Г. Исхакова". Все эти данные ложились в досье местных гопэушников, но до поры до времени на его жизни не сказывались.

25 июня 1925 года Тат. ЦИК по случаю 5-летия автономии приветствовал Шарафа "как представителя лучших трудовых сил нашей молодой республики и правительственного аппарата Татарии". В 1930 году член-корреспондент АН СССР В. А. Богородицкий писал директору Восточно-педагогического института Г. Кудряшovu, что Казань "известна у нас и за границей как крупный научный центр в области языкознания с самостоятельной лингвистической школой, а кабинет экспериментальной фонетики считается чуть ли не гордостью СССР не только по оборудованию, но и по своим работам. Вполне естественно на мне лежит нравственная обязанность оставить после себя достойного преемника как в области языкознания, так и экспериментальной фонетики. Таким я считаю Г. Ш. Шарафа,

талантливого и энергичного научного работника, начавшего заниматься под моим руководством еще в 1918 году". Среди наиболее важных научных работ Шарафа Богородицкий назвал "Сонорную деятельность татарских гласных", которую высоко оценил крупнейший французский лингвист А. Миллет, а также "Палатограммы звуков татарского языка сравнительно с русским". Богородицкий рекомендовал представить Шарафа к званию профессора. Несколькими позже о Шарафе как выдающемся лингвисте писал академик А. Самойлович, а профессор М. Курбангалиев представил Шарафа к докторской степени в области филологии по совокупности написанных им работ.

Из протоколов допроса Шарафа. Вначале виновным себя не признал. 4 апреля 1937 г. он заявил: "Я целиком и полностью разделяю программу компартии и советской власти. В своей практической работе, научно-исследовательской и педагогической, проводил марксистскую, большевистскую линию. Однако, признаюсь, что сторонником советской власти я стал не сразу. Я долгое время (до 1926-1927 гг.) был в той или иной степени буржуазным националистом, принимал активное участие в буржуазно-националистическом движении. В период Февральской и Октябрьской революции я являлся активным членом мусульманского национального собрания, ставившего своей задачей защиту буржуазно-националистических интересов. После Октябрьской революции 1917 г., будучи членом коллегии, избранной национальным собранием, я вел работу по организации "Идель-Уральских штатов", т. е. национального государства с буржуазно-демократическим государственным строем... В 1926 г. я принимал активное участие в борьбе против введения яналифа..."

В этом показании Шарафа присутствовала характерная для той поры лексика: красные-белые, буржуазное-пролетарское. В них перестановка понятий, их неверное восприятие, когда национальное объявлялось националистическим, и т. д.

В июне 1937 года на допрос вызвали жену Шарафа—Асму Ризаеудиновну, которая сообщила, что они поженились в 1923 году в Уфе, что ее отец—Риза Фахрутдинов—является муфтием Духовного управления мусульман Европы и Сибири, и что Шараф мечтал это управление перевести из Уфы в Казань.

Шараф держался до декабря 1937 года. В то же время следователь собирал оговоры, клевету, на которую вынуждали избиваемых, измученных, доведенных до глубокого безразличия к своей и чужой судьбе, людей.

В мае 1937 г. историк Мингарей Сагидуллин, отхаркиваясь кровью после очередной зуботычины, подтвердил,

что знал Шарафа как “буржуазного националиста”, что он “татарский Устрялов”, сменовеховец, сторонник нэпа и частной собственности. Профессора Газиза Губайдуллина 1 июня 1937 г. заставили признаться в том, что он “сотрудничал с немецкой разведкой”, а в октябре 1937 г. подписать протокол, что его напарником по сотрудничеству с разведкой был Шараф, что Шараф, кроме того, “являлся одним из руководителей пантюркистской организации в Казани до 1934 г., затем вошел в состав членов казанского филиала Всесоюзной (Рыскуловской) контрреволюционной пантюркистской организации”.

В середине декабря 1937 г. измученный Шараф подписал составленное следователем признание в том, что в 1926 г. он, Г. Шараф, был вовлечен Газизом Губайдуллиным “в контрреволюционную пантюркистскую организацию”, а через 10 дней—28 декабря—сообщил письменно, что его показание о пантюркизме является ложным, данным им в результате применения к нему незаконных методов следствия.

Газиз Салихович Губайдуллин был расстрелян 12 октября 1937 г., реабилитирован 7 июня 1957 г.

С Сагидуллиным Шараф потребовал очной ставки. 4 января 1938 г. их привели обоих в кабинет следователя.

— Считаете ли вы врагом народа Галимжана Шарафа?—спросил следователь Сагидуллина.

— Считаю Шарафа Галимжана врагом народа, как и самого себя,—ответил еле стоящий на опухших ногах историк.

Мингарей Сагидуллович Сагидуллин—уроженец деревни Верхние Суксы Мензелинского уезда. Родился в 1900 году, в 1920—1932 гг. был на партийной и советской работе, историк и журналист. Автор книг “Татарские трудящиеся на путях Великого Октября” (Казань, 1927) и “К истории ваисовского движения” (Казань, 1930). Первый раз Сагидуллин был арестован в декабре 1932 г. Тогда искали причины упадка сельского хозяйства и видели их не в жестких методах коллективизации и закрепощении крестьян, а в происках “врагов народа”. В Москве быстренько состряпали процесс над вымышленной “Трудовой крестьянской партией”, в Казани “обнаружили” ее филиал—“террористическую группу “Крестьянский иттифак” и арестовали 58 человек, в том числе и Сагидуллина. Дали бывшему председателю сельсовета, секретарю райкома партии, заведующему агитпропотделом обкома ВКП(б), слушателю философского отделения института красной профессуры 8 лет исправительно-трудовых лагерей и отправили в Дмитровлаг. В октябре 1933-го он написал из лагеря письмо М. Горькому, в котором говорил о себе,

что он “прочитал почти все книги первой важности по теории, истории и практике марксизма”, а дальше признавался: “В 1928 г., когда в Казани поселились Е. Преображенский и Ваганян,—троцкисты,—я примкнул к их кружку, читал троцкистскую литературу, помогал их работе денежно и организационно. В конце 1929 г. я отошел от троцкистов, начал писать и выступать против них, а в ИКП я окончательно вытравил все пережитки троцкизма, но я до ареста скрыл о том, что я когда-то примыкал к троцкистской организации”. Горький переслал письмо в Центральную контрольную комиссию ЦК партии, Е. Ярославскому. Оттуда в феврале 1934 г. ответили, что оснований для пересмотра дела Сагидуллина нет.

После убийства Кирова и перехода к большому террору мастера повокаций готовили новые процессы над такими, как Сагидуллин. Они нанимали уголовников, сидевших в лагере, и те под обещание уменьшить срок отсидки или улучшить паек подписывали подsunутые им следователями доносы. Николай Жигульский не раз судился за кражи и растраты. Он стал главным обвинителем против Сагидуллина, лживо утверждая, что и в лагере им велась антисоветская пропаганда среди заключенных, что это “неразружившийся троцкист”.

Сагидуллин был переправлен с Соловков в казанский следственный изолятор. Его буквально истязали. Он превратился в один сплошной комок боли, всякое прикосновение эту боль усиливало. Человек, гордо заявлявший, что Сталин не может быть генсеком, так как произвел бонапартистский переворот в стране, стал подписывать все, что ему предлагали, лишь бы все кончилось. Его расстреляли 10 мая 1938 г., а реабилитировали только в феврале 1969-го.

Шараф на очной ставке от обвинений в свой адрес отказался. Тогда на допросы его стали вызывать ежедневно.

20 января 1938 г. Шарафа спросили:

— Кто является составителем заявления “82” на имя ЦК ВКП(б) и Татарского обкома партии в 1927 г. от имени татарской беспартийной интеллигенции против введения “яналифа”?

— Проект заявления “82” составлял я—Шараф Галимджан.

Вопрос о замене арабского алфавита латинским имеет давнюю историю. Шараф был против. Об этом свидетельствуют многие его статьи и доклад на первом тюркологическом съезде в Баку в 1926 году. Свои аргументы он достаточно подробно привел в письме Сталину 7 мая 1927 г. Шараф направил вместе с письмом свою работу “К вопросу о принятии для тюркских народностей

латинского шрифта". В письме же просил обратить внимание на то, что вопрос о перемене шрифта "является близко и реально касающимся каждого грамотного и неграмотного, общее количество которых среди тюркских народностей достигает несколько миллионов человек". Ведь это приведет к необходимости заново обучить их грамоте, нужно много сил и средств. Шараф писал, что перемена шрифта "является актом физического отречения от всей прежней письменности и навыков по ним... Постановка вопроса о данной перемене шрифта, не имеющая никаких реальных положительных предпосылок с точки зрения самих тюркских народностей, является вредной и в политическом отношении, напрасно нервирова массы и вызывая только недовольство, и недовольство вообще культурным мероприятием соввласти. Постановка вопроса о перемене существующего шрифта на латинский часто рассматривается как второе перелицованное издание тех же мероприятий царского режима 1907 г. (т. н. "правила 31 марта") о насильственном введении русской транскрипции среди тюркских народностей. Открытое и скрытое участие в обосновании и введении латинского шрифта миссионерских и полумиссионерских элементов еще больше усиливает такое настроение. Теперь, может быть, это делается благими намерениями, но факт и результаты, отражающиеся как застой в культурном развитии, и в самом деле были бы одни и те же". Шараф просил Сталина лично уделить внимание этому вопросу, так как считал его политически важным, а решение только объективным (ПАТО.—Ф. 15.—Оп. 1.—Д. 294.—Л. 21. См.: Социалистик Татарстан.—1990.—1 июня).

В своем докладе на тюркологическом съезде в Баку, изданном отдельной брошюрой в Казани "К вопросу о принятии для тюркских народностей латинского шрифта" (1926.—С. 64), Шараф утверждал: "Перемена тюркскими народностями ныне употребляемой ими арабской системы шрифтов на латинскую—низводя их практически на ступень народностей бесписьменных, требуя от них относительно громадной массы энергии и средств—в результате все же реального ничего почти не дает. Поэтому тюркские народы этот шаг, способный только задержать на значительное количество лет их культурное развитие, не сделают".

В результате этот шаг сделали не народы, а руководители страны и республик. Их не смутило, что новый шрифт оторвет народы от их истории, культурного прошлого. Татарский обком ВКП(б) в 1930 г. был уверен в том, что "яналиф" (латинский шрифт.—*Авт.*) знаменует разрыв новой татарской культуры с буржуазно-феодальными элементами ее прежней истории". Но никто не разъяснил,

почему, чтобы строить новое, нужно обязательно отказываться от старого, особенно, когда речь идет о душе народа—его культуре...

Нет сомнений и в том, что многие татарские ученые и писатели видели в акте замены шрифтов и шаг к русификации народа. Потому и появились тогда легальные протесты-обращения в ЦК ВКП(б), подписанные 82-мя татарскими интеллигентами, а затем—семью. Забегая вперед, отметим, что все эти протесты были гласом, вопиющим не в пустыне, а в обществе, где большинство сидело на неудобных штыках. В 1928—1931 гг. был введен латинский шрифт, в 1939 г.—кириллица. Подписавшие были предупреждены, что те, кто выступает против мероприятий власти, будет считаться антисоветчиком со всеми вытекающими отсюда последствиями. От подписей под угрозой террора отказались многие, в том числе и Шараф. Но у него было сложнее...

Вскоре после известия о его письме Сталину местные охранники нанесли два ответных удара, дабы приструнить интеллигенцию и показать, что ГПУ шутить не намерено.

В конце мая 1927 г. начальник Татарского ГПУ Кандыбин сообщал в секретной бумаге секретарю обкома партии Хатаевичу, что в республике активизировалось "национальное движение" и что это связано с деятельностью братьев Шарафов. Примерно через месяц был арестован Гильметдин Шараф (1885—1943), книгоиздатель и экономист, брат Галимджана. Ему официально предъявили обвинение в скупке валюты. Более правдивое объяснение дал М. Хатаевич в секретном послании на имя секретаря ЦК ВКП(б) В. М. Молотова и председателя ОГПУ В. Р. Менжинского 8 октября 1927 г.: "В свое время здесь в Казани Татотделом ОГПУ был арестован гр. Шараф, являвшийся одним из ярких представителей местных буржуазно-националистических кругов. У него было найдено старой царской серебряной и золотой монеты шесть пудов. Арест его вызвал возбуждение и толки среди татарских буржуазных кругов". Хатаевич писал, что с просьбой освободить Шарафа к нему обращались председатель Совнаркома республики Габидуллин, председатель Тат. ЦИКа Шайморданов, прокурор Палютин. Но он считает, что выпускать Шарафа нельзя, так как власти и ГПУ ошибаться не могут, хотя лично он к этому отношения иметь не хочет" (ПАТО.—Ф. 15.—Оп. 1.—Д. 294.—Л. 54). Гэпэушники арестовали, никто из руководства республики помочь не может, а партийный секретарь обо всем информирует и хочет остаться в стороне. Реальная власть—ГПУ, так было уже в 1927 году, к 10-летию победы советской власти, вместо которой в Казани командовали гэпэушники.

Галимжана насторожил повторный арест в 1929 году Султан-Галиева и репрессии против его сторонников, ликвидация научного общества татароведения, в "Вестнике" которого он опубликовал статью против латинизации татарского алфавита. В 1929 г. общество татароведения было слито с вновь организованным Обществом изучения Татарстана, вскоре прекратил свое существование и Дом татарской культуры. Шараф сломался—он заявил, что поддерживает яналиф. Вряд ли можно винить его в конформизме. Он держался, пока мог... Слишком велико было давление и угрозы. Не каждый их может вынести.

Так было и во время следствия. Отрицал, пока мог. Признавался, затем снова отрицал...

24 июня 1938 г. Шараф подписал протокол допроса, в котором говорилось, что он "проводил шпионскую работу в пользу японской и германской разведок". Но вскоре от этого "признания" отказался. 17 октября 1939 г. Шараф писал на имя наркома НКВД Татарии: "Большинство протоколов, подписанных мною на предварительном следствии... имеют неправильные формулировки, ряд протоколов подписан мною при недопустимейших мерах физического воздействия и являются совершенно ложными... Я прошу Вас дать распоряжение о немедленном назначении переследования по моему делу и о скорейшем проведении и заканчивании его, ибо я уже более 30 месяцев нахожусь под арестом, не имея ни малейшего преступления и контрреволюционной деятельности за собой".

Обвинительное заключение к тому времени следствие уже представило. Г. Шараф, Г. Абдрахимов (Али Рахим), С. Валидов (Садри Джалал) обвинялись в попытке создать самостоятельное буржуазно-демократическое тюркско-татарское государство "Идель-Уральские штаты". Для этого они "создали по указанию Г. Исхакова и Ф. Туктарова антисоветскую организацию". Шараф и Валидов признали себя виновными частично, затем виновными вообще себя не признали; Али Рахим заявил, что виновен, потом тоже отказался от всех вынужденных признаний.

Особое совещание при НКВД СССР судило их 27 февраля 1940 г. Шараф и Рахим были приговорены к 8-ми годам концлагерей, слепой и полупарализованный Валидов был из-под стражи освобожден. Как наказание ему зачли срок предварительного заключения. Ко времени суда Шараф был доцентом Казанского педагогического института; Рахим, 1892 года рождения,—научным сотрудником университетской библиотеки, уже до этого отбывший 5-летнюю высылку; Валидов, 1891 года рождения, был журналистом, волею властей добывающий себе на пропитание трудом массажиста.

Шараф пробыл в заключении 8 лет. Был освобожден 23 марта 1945 года из северо-печорских лагерей инвалидом. Ему не дали права прописаться и жить с семьей в Казани, а отправили в Апастово. Он стал преподавать татарскую литературу и язык в местной школе. Из Апастово Шараф написал заявление на имя прокурора Татарии с просьбой снять с него судимость и разрешить жить с семьей в Казани. Ответа он не получил. Здоровье его резко ухудшилось, вскоре он не мог работать и учителем. Не дождался Шараф и ответа на свою просьбу о помощи к коллегам-языковедам, работавшим в Казанском филиале АН СССР. Боязнь, страх порождали черствость в отношении к человеку, да еще прибывшему из ссылки. Не выдержав еще одного предательства судьбы и людей, Шараф оказался в республиканской психбольнице...

Галимжан Шараф умер в 1950 году и был похоронен на татарском кладбище в Казани. В 1955 году его жена возбудила пересмотр дела своего погибшего мужа. 2 февраля 1958 года Шараф, Рахим и Валидов постановлением Президиума Верховного суда Татарии были полностью реабилитированы, в их действиях не было найдено ни малейших следов совершенного преступления. Да его и не было. А крупный ученый-лингвист, честный, порядочный человек и хороший специалист был. И был уничтожен системой как нечто инородное за смелость оставаться собой, думать иначе о счастье народа, чем ему предлагалось. Можно говорить, что их, убитых, было много. Шараф был один.

ОДИН ИЗ ОБМАНУТОГО ПОКОЛЕНИЯ

Это Шамиль Хайруллович Усманов. Ему было 19, когда он стал большевиком и поклялся в верности идеям этой партии; 39—когда ВКП(б) предала его, отторгла от себя, никак не отблагодарила и не защитила за преданную службу, а с легкостью выдала ждущим палачам. Произошло это очень просто.

2 апреля 1937 г. на стол первого секретаря Татарского ОК ВКП(б) Альфреда Карловича Лепы легла бумага, подписанная сотрудниками местного НКВД капитаном Веверсом и младшим лейтенантом Каменщиковым. Они требовали санкции на арест Усманова. Обосновывали многие обвинениями, которые, как тогда частенько случалось, не были подтверждены конкретными доказательствами. Среди них упоминалось, что Усманов в 1919 г. примкнул в Казани к группе татарских "правых" и султангалиевцам

и до 1926 г. "активным образом вел практическую контрреволюционную работу. Объектом контрреволюционной работы Усманова были военные организации, а впоследствии культурный фронт". Сообщалось, что Усманов поддерживал связь "с татарской белоэмиграцией", материально помогал религиозным деятелям. "Шамиль Усманов писал и пишет, главным образом, на тему о гражданской войне. Характерной чертой для всех этих произведений было то, что в них повсюду положительными людьми были только татары, а красноармейцы и коммунисты из других национальностей (русские и другие) занимали второстепенные места. В одном из последних произведений, в пьесе "Запоздалый приказ"... показывается валидовщина. Но в этой пьесе контрреволюционная сущность валидовщины замывается. По этой пьесе выходит, якобы валидовцы боролись против Дутова". И, наконец, отмечали, что 3 июля 1936 г. бюро Татарского обкома партии, рассмотрев очерк Усманова "Путь легиона", постановило: "За допущение извращенного освещения истории гражданской войны, смазывания руководящей роли ВКП(б) в Красной Армии—Ш. Усманову объявить выговор и предупредить его, что при повторном политическом извращении в будущем он будет исключен из рядов ВКП(б)".

Разумеется, Лепа мог бы сообщить, что Усманов пока не исключен из партии, что еще не доказано, в чем конкретно состояла его "контрреволюционная работа", что он писал и пишет о том, что лучше знает—о татарах в гражданской войне, и упрекать его за это—все равно что обвинять русского писателя за то, что в его произведениях все герои русские; к тому же Усманов сам был участником сражений с казаками Дутова и знает о борьбе башкирских воинских отрядов под руководством Заки Валидова с дутовцами, и Усманов писал в данном случае правду...

Наверно, Лепа колебался. Бумага лежала у него на столе два дня. Но когда нарком внутренних дел Татарии Рудь напомнил ему о ней, он макнул перо в чернильницу и размашисто написал на машинописном тексте листа: "Согласен. А. Лепа. 4/IV".

Лепа возглавлял Татарскую партийную организацию с конца 1933 до середины 1937 года. Возможно, он кого-то тогда и защитил. Но это при нем в 1935-1937 гг. было исключено из партии около 300 руководящих работников, из них 160 арестовано. В конце августа 1937 г. на пленуме обкома партии, когда Г. Маленков сообщил об освобождении Лепы от работы, его не защитил никто. Человек, отдающий других на растерзание, поощряющий беспредел по отношению к людям, неизбежно обрекает себя

на одиночество. Их арестовали тогда многих: Лепу, Рудя в том числе расстреляли. Хотя Усманову, преданному ими, было от этого не легче.

Тогда, 5 апреля 1937 г., Каменщиков быстро нашел, что "Усманов Шамиль с достаточной полнотой изобличается в том, что он в период с 1921 по 1929 г. в Казани и в Москве вел активную практическую контрреволюционную деятельность, как член султангалиевской националистической к/р организации. В последнее время, вплоть до 1937 г., имея связь с рядом нерепрессированных в свое время султангалиевцев, также продолжал вести практическую к/р работу путем агитации и пропаганды, направленных против партии и Советской власти... Принимая во внимание, что материалы требуют еще дополнительного расследования, что в интересах следствия пребывание Усманова на свободе невозможно...", постановил: "Мерой пресечения для Усманова Шамиля, 1898 года рождения, исаелия, проживающего в Казани, члена ВКП(б), татарина, с высшим образованием, происходящего из деревни Большая Цильня, ... сына муллы, ранее не судившегося—избрать содержание под стражей в тюрьме N 1 НКВД ТР".

На листе от руки, фиолетовыми чернилами: "Усманов арестован 8—IV—37 г". И рукой Усманова: "Настоящее постановление объявлено 9 апреля 1937 г".

Обыск и арест Усманова провели Каменщиков и Галлямов. Было это в N 130 гостиницы "Казанское подворье" (ныне гостиница "Казань"), где тогда временно жил писатель. Был и понятой, Василий Денисов. Во время обыска были изъяты паспорт, военный, партийный и профсоюзный билеты, удостоверение на право ношения оружия и сам браунинг с 32 патронами к нему, книги на русском, татарском, немецком, арабском и эсперанто, отдельно—Коран, тетрадей-рукописей—36, блокнотов—14, письма, папок с разными бумагами—23. Партийный билет сдали в Бауманский РК ВКП(б) Казани, остальное оприходовали у себя, на Черном озере, в доме местного НКВД. Сидел Усманов в тюрьме N 1 и в следственном изоляторе НКВД.

9 апреля состоялся первый допрос. Вел его Каменщиков. Вначале, как и положено в официальном протоколе допроса, биографические данные писателя, записанные с его слов. На вопрос о составе семьи Усманова назвал дочь 15 лет, мать—64 лет, братьев. Жену не указал, к тому времени был в разводе. Отметил, что окончил Оренбургское 4 классное ремесленное училище в 1914 г. и курсы усовершенствования начсостава РККА в 1926 году. Член ВКП(б) с марта 1917 г. В течение 10 лет, с 1917 по 1927 г., служил в Красной Армии, в основном на комиссарских

должностях. На вопрос об общественно-политической деятельности записал: "Как пролетарский писатель и как политработник РККА в течение 10 лет". А допрос начался так:

— Вы ознакомлены с постановлением о вашем аресте. Арестованы вы за организованную контрреволюционную националистическую работу, которую проводили в продолжение ряда лет и до последнего времени как член контрреволюционной султангалиевской организации. Признаете это?

— Признаю, что с 1919 по 1924 год я являлся активным участником националистической организации, был организационно связан с руководителями последней: Султангалиевым, Мухтаровым, Брундуковым, Енбаевым, Мансуровым Газымом и другими и проводил практическую работу на определенных участках своей деятельности, в частности в военных организациях.

— Почему вы останавливаетесь на 1924 году, разве в последующие годы вы не имели причастия к контрреволюционной организации и не вели контрреволюционную работы?

— Кульминационным завершением моего организованного выступления как члена султангалиевской организации было выступление в конце 1923 года в защиту и оправдание Султан-Галиева, которые я сделал на собрании парт. актива Казани. В 1924 году от султангалиевцев я отошел, о чем сделал заявление на VIII чрезвычайной областной партконференции в Казани, но, однако, идеологически я продолжал оставаться на султангалиевских позициях, поддерживал до последнего времени связь с отдельными султангалиевцами и допускал отдельные контрреволюционные проявления. В частности, сказывалась моя националистическая идеология и в ряде моих произведений, например, в следующих: "Андрианопольская трагедия" (1924 г.), "Радио с Памира" (1926 г.), "Путь легиона" (1936 г.), "Запоздалый приказ" (1936 г.).

— Какое выступление сделали вы в конце 1923 года в защиту и оправдание Султан-Галиева?

— В 1923 году стало известно, что Султан-Галиев написал письмо башкирскому националисту Адгамову с предложением установить связь с белоэмигрантом Валидовым Заки. В связи с этим Султан-Галиева стали прорабатывать как контрреволюционера. Тут я и выступил с защитой Султан-Галиева и бросил обвинение партии в великодержавном шовинизме.

Далее в протоколе допроса записано, что Усманов подтвердил переписку со своим другом, эмигрировавшим в Чехословакию, Зией Кадырметовым, что об этом знал

сотрудник Восточного отдела ОГПУ Алмаев, что Кадырметов хотел вернуться на родину, а Алмаев хотел использовать переписку для выяснения настроения эмиграции, а потом, узнав, что Кадырметов без работы и толком ничего не знает, предложил Усманову прекратить переписку, что он и сделал к 1927 году. Но отмечал, что эта переписка помогла ему лучше узнать эмиграцию и легла в основу рассказа "Ят кеше" ("Чужой человек").

Протокол написан следователем, в нем часто встречаются слова "контрреволюционный", "националистический", на каждой странице подпись Усманова.

Справка: Алмаев Ахмет Асанович, 1894 года рождения, сотрудник Восточного отдела ОГПУ в 1923-1930 гг., затем НКВД. Был арестован 26 июня 1937 г., расстрелян 20 сентября 1937 г. Фамилии Усманова и Кадырметова в показаниях Алмаева не упоминались.

Арестовав Усманова, следователь располагал и текстом его выступления в 1923 году, и показаниями-оговорами, данными, или подписанными, арестованными Султан-Галиевым и другими бывшими ответственными работниками Татарии.

Вот что говорил Усманов 21 июля 1923 года, выступая перед членами Татарского ОК ВКП(б) и руководителями кантонов республики по национальному вопросу: "Причиной султангалиевщины является великорусский шовинизм... Борясь, согласно резолюции обкома, с султангалиевщиной в Татарии, мы рискуем сделать эту борьбу болезненной, сплошным недоразумением. У нас же обком борется с левыми и правыми своеобразно. Левых он жалеет, как незаслуженно обиженных, беспомощных, а некоторых работников из правых, более активных работников в национальном вопросе ОК не допускает к работе..."

Из текста, занимавшего в стенограмме полторы печатных страницы, видно, что Усманов не столько защищал предложения Султан-Галиева за расширение прав автономных республик, сколько хотел понять причины подобного предложения и считал неверным преследование за высказывания. Напомню, что к тому времени Султан-Галиев был уже исключен из партии, но 14 июня 1923 г. из заключения освобожден.

На IX областной партийной конференции в Казани (1924 г.) Усманов заявил о своем отходе от Султан-Галиева и отказался от своей подписи под платформой "39-ти", призвал других последовать его примеру. Это заявление Усманова конференция приняла к сведению. Свою поддержку Султан-Галиева он объяснил увлеченностью политической борьбой, но после XII съезда партии понял ситуацию и от этой борьбы решил отойти.

В следственном деле хранится написанный от руки чернилами протокол. На нем нет даты и подписи. Скорее всего, его заполнял сам Усманов. Его продолжают подписанные им же показания о том, что он делал как политик и литератор в 20-30-е годы.

В протоколе Усманов подтвердил, что в 1919-1924 гг., работая начальником политотдела Центральной мусульманской военной коллегии, секретарем ревкома в Казани, комиссаром военной школы, он разделял точку зрения Султан-Галиева, Брундукова и других о национальных военных формированиях, внедрении в государственные учреждения республики татар и татарского языка (тогда это называлось: коренизация госаппарата). Он отмечал, что будучи комиссаром 1-й татарской стрелковой бригады, назначал на руководящие посты татар, не уделяя внимания их социальному происхождению и партийной принадлежности.

По протоколу создается впечатление, что Усманов все время как будто оправдывался, хотя многими командирами бригады он мог только гордиться. Юсуф Ибрагимов, Галиулла Касимов, Хусайн Мавлюдов и многие другие были героями гражданской войны. Ко времени ареста Усманова некоторые из них были арестованы и объявлены "врагами народа". Наверное, этим и обвинительным напором следствия можно как-то объяснить такой тон ответов Усманова на вопросы следователя.

Так, Усманов говорил о своей борьбе с великодержавным шовинизмом в 1920 г., после провозглашения Татарской автономии, в своем выступлении на совещании коммунистов-мусульман, где внимание было заострено на том, почему русские коммунисты лишают татар самостоятельности в принятии решений.

Справка: 26 июля 1920 г. 1-я областная конференция коммунистов-татар приняла решение переименовать мусульманское бюро при губкоме РКП(б) в Татарское областное бюро коммунистических организаций. Губком партии обвинил Ш. Усманова в национализме и он был переведен на работу в Туркестан.

Усманов "признавался", что, будучи комиссаром татарской бригады, считал главным одеть и вооружить бойцов, не считаясь с реалиями. Так, он в июле 1919 г. поставил перед М. В. Фрунзе, командующим Южной группой войск Восточного фронта, направленного против колчаковцев, вопрос о выдаче красноармейцам сапог и патронов, угрожая в противном случае уйти с поста комиссара, "что ставило М. В. Фрунзе в чрезвычайно трудное положение". Он утверждал, что все годы, до 1924-го, не прерывал связей с Султан-Галиевым, хотя разногласия начались уже

в 1923 году. Усманов говорил о своей дружбе с Ф. Бурнашевым, о том, что у них были одинаковые взгляды на развитие событий. И заверял: "С момента своего выступления на VIII партконференции я не вел никакой организационной, контрреволюционной националистической работы и ни в какие оргсвязи с националистами не вступал".

"В 1929 году,—писал Усманов,—я переехал из Казани в Москву. Официально этот переезд был мотивирован учебой, но действительной его причиной было расхождение по вопросам культработы с руководством ОК и Наркомпроса..." Было и личное: в газете "Кзыл Татарстан" появилась статья "Не засоряйте эфир" против жены Усманова Асии Измайловой, которую он считал одной из лучших певиц. Ее уволили из театра и отстранили от выступлений по радио. В Москве занимался литературной работой, сотрудничал в журналах и газетах. Не забывал Казань и выступал в "Комсомольской правде" с критикой объединения "Джидигян", со своим пониманием развития татарской культуры и литературы. В Казань ему удалось вернуться в 1935 году.

Написанные Усмановым показания представляют несомненный интерес для литературоведов. Так он писал: "В 1932-1933 годах был объявлен конкурс СНК СССР на лучшую пьесу и я начал свою работу над пьесой из гражданской войны. Собирая материалы о деятельности Башкирского правительства, я встретился с И. Алкиным, бывшим лидером "Шуро". От него я получил достаточно историко-литературного материала... По этому же вопросу я встретился с М. Муртазиным... В 1934 г. я поехал в Уфу, где обсудил совместно с литературным активом пьесу и внес указанные там изменения".

Усманов сетовал на невозможность заниматься профессионально литературной работой и сообщал, что в 1936 году обращался к Н. Вахитову, директору "Росшвейсбыта", и Р. Сабирову, члену завкома завода, об устройстве на работу слесарем.

Эти показания подписаны Усмановым 4 мая 1937 г. Другие, хранящиеся в деле, датированы 21 мая 1937 г. Это краткие характеристики, видимо, написанные по указанию следователя и подписанные Усмановым. Они содержат его нелестные высказывания в адрес Розы Измайловой, родственницы его жены, а также Шаймардана Ибрагимова. О последнем писал: "С Шаймарданом Ибрагимовым я встретился впервые в июне 1919 г. на фронте. Он командовал тогда участком фронта Южгруппы Востфронта. Я в качестве комиссара 1-го тат.стр.полка прибыл с полком в его распоряжение. Ибрагимов поставил полк в исключительно тяжелые условия, дал ему трудный и опасный участок и

не обеспечил фланги прикрытием. Я запротестовал против этого, указал на то, что полк молодой, бойцы плохо обучены и необстреляны, что для национального полка задача не по плечам. На это Ш. Ибрагимов ответил, что он является принципиальным противником национальных формирований и никаких привилегий давать полку не намерен. Впоследствии, 19 июня, казаки обрушились на полк с превосходными силами и разгромили его. Ш. Ибрагимов не был военным человеком и его назначение на командную должность было проведено командармом Гаем".

Справка: Ибрагимов Ш. Н. (1899-1957)—участник гражданской и Великой Отечественной войн, член ТатЦИКа, коллегии Наркомнаца, секретарь КП Туркмении. Измайлова Р.—сестра Шакира Сафиулловича Измайлова (1897-1937), секретаря полпредства СССР в Саудовской Аравии.

Многие протоколы допросов Усманова не сохранились. После майских 1937 года зафиксированы лишь два его июльских показания. 4 июля 1937 г. лейтенант госбезопасности Марголин спрашивал его об отношениях с Гумером Байчуриным (1890-1937), с 1934 г.—председателем ЦИК ТАССР; и с Хаджи Габидуллиным (1896-1937), бывшим председателем Совнаркома республики, профессором МГУ. Усманов ответил, что никаких разговоров контрреволюционного характера" между ним и Байчуриным не было, хотя именно Байчурин в 1935 г. предложил ему вернуться в Казань. 8 июля 1937 г., отвечая младшему лейтенанту госбезопасности Каменщикову, Усманов отрицал наличие каких-либо "контрреволюционных разговоров" при встречах с Габидуллиным.

С 12 августа по 4 декабря 1937 г. Усманов находился в 1-й казанской тюрьме НКВД, а затем был переведен в изолятор госбезопасности ТАССР.

К следственному делу Усманова приобщены показания арестованных М. Султан-Галиева, Ф. Сайфи, Г. Галеева, Б. Абдуллина, Г. Ризванова. Они носили общий характер, в них нет обвинений Усманова в конкретных преступлениях, на основании их невозможно по закону осудить человека. Но в бесправном государстве все можно...

Характеристики Усманова, данные людьми подследственными, отчаявшимися, часто подписывающими заготовленные следователями протоколы,—страшные документы той жуткой поры...

Следственное дело по "обвинению" М. Султан-Галиева состояло из 43 томов. Вот несколько выписок из них, в которых Султан-Галиев на допросах 1929 г., 1936-1937 гг. говорил об Усманове.

Из собственноручных показаний Султан-Галиева 1929 года: "Шамиль Усманов. Сын муллы, во время империа-

листической войны состоял рабочим. В большевистской партии до Октября. В дни Октября был председателем Сызранского Совета солдатских депутатов. Знаю с 18 года по Казани. Был членом общего военно-окружного комитета. Человек с сангвинистическим характером. Подвижной, вспыльчивый, экспансивный, но не постоянный. Начинает что-нибудь с жаром и энергией, а потом бросает. Проявил настойчивость и упорство лишь в двух областях: в радиостроительстве и в латинизме. В этих двух вопросах является настоящим фанатиком. Занимается еще писательством, но писатель "легкий", поверхностный, больше для приключенческих рассказов. В одно время работал в Оренбургской группе "левых", ...но потом уехал оттуда и, повидавшись со мной в 1919 году в Уфе и получив от меня письмо к Троцкому о необходимости формирования 1-й татарской стрелковой бригады, поехал в Казань формировать эту бригаду. Формирование бригады однако не закончил, а отправился с одним из полков бригады на Оренбургско-Уральский фронт. Полк с места в карьер был введен в бой и потерпел крушение в первом же бою. Из-за этого полка произошел большой скандал между ЦМВК (Центральная мусульманская военная коллегия.— *Авт.*) и штабом 1-й армии на той почве, что беспартийный русский начальствующий состав хотел использовать этот случай для агитации против татарских частей вообще. С этого времени вплоть до 24-го года Шамиль Усманов оставался среди "правых", а затем открыто ушел от них...

После исключения меня из партии видел несколько раз, приходил раза два ко мне на квартиру по вопросу перевода его рассказов на русский язык... Последний раз видел в Казани летом 1928 года... экспансивности Шамиля Усманова много способствует контузия, полученная им на фронте, кажется, во время гражданской войны".

Следующее его показание следствию того же, 1929 года, содержало такие сведения об Усманове: "Я вам уже указывал, что, может быть, я являюсь косвенным виновником бегства Заки Валидова из СССР... Но я считаю необходимым рассказать здесь о другом случае, когда я также оказался косвенным виновником бегства за границу другого эмигранта—историка Баттала. Дело в том, что незадолго до объявления Татреспублики, Баттал при чем-то содействии бежал из концлагеря в Казани. Из разговоров отдельных наших работников я выяснил, что в это дело замешан Шамиль Усманов... Но раздувать эту историю я не хотел, поскольку Ш. Усманов возглавлял тогда среди туземных коммунистов борьбу за Татреспублику и раскрытие этого дела было бы нецелесообразно

политически, а в отношении самого Ш. Усманова ограничился его снятием через ПУР с поста зав. политотделом Центрмусвоенколлегии... Отношение татарских "правых" к т. Усманову после этой истории с Батталом стало другим: после прихода их к власти в Татарии в 1921 г. они уже не выдвигали его на ответственную работу и это послужило причиной, почему он порвал с "правыми" в момент их падения в Татарии весной 1924 года".

Справка: Батталов (Баттал) Абдулбари Абдуллович, в 1918 г. редактор газеты "Курултай". В апреле 1920 г. арестован казанской ЧК. В сентябре 1920 г. бежал из сваяжского концлагеря. Эмигрировал.

К делу Усманова приложены выписки и из допросов других арестованных. Фатих Камалович Сайфи, 1888 года рождения, писатель, арестован 18 сентября 1936 г., расстрелян 5 августа 1937 г.

11 апреля 1937 г. Сайфи подписал протокол допроса, в котором Усманов характеризовался "законченным авантюристом", "националистом", а его пьеса "Кичеккэн фарман" ("Запоздалый приказ") называлась "контрреволюционным произведением".

Гумер Белялович Галеев, 1900 года рождения, редактор журнала "Совет эдэбияты", 15 августа 1937 г. осужден к 10 годам лишения свободы. Находясь в ссылке, Галеев был убит 5 июля 1954 г. в Красноярском крае на почве ревности ссыльным Абдулкадыровым. 16 марта 1937 г. Галеев подписал протокол допроса, в котором назвал Усманова "националистом", а пьесу "Запоздалый приказ" — пропагандой валидовщины.

Справка: Валиди Заки (1890-1970) закончил медресе "Касимия" в Казани. Автор "Тюрко-татарской истории" и многих других работ. Создатель Башкирской автономии, эмигрант, профессор Венского, Боннского и Стамбульского университетов.

Гаяз Губайдуллович Ризванов, 1904 года рождения, редактор газеты "Кзыл Татарстан", арестован 4 апреля 1937 г., осужден к 10 годам лишения свободы. В протоколе допроса, подписанном 16 апреля 1937 г., назвал пьесу Усманова "Запоздалый приказ" "националистической".

В деле Усманова сохранилась резко негативная рецензия на его пьесу "Запоздалый приказ". Она занимает 7 машинописных страниц, ее автор — Я. Рыжанин, есть и дата подписания — 31 марта 1937 г., т. е. еще до ареста писателя. Рецензент обвинял Гослитиздат, выпустивший пьесу в свет в 1936 г., в совершении политической ошибки, а пьесу характеризовал как "вредную, клеветническую". По его мнению, "автор... под предлогом развенчивания контрреволюционных националистов, беззастенчиво дуэт в ту же

националистическую дудку". В заключение рецензент требовал расправы: "Пьеса, в которой прославляются буржуазные националисты и возводятся постамент национальных героев, в которой порочатся большевики, должна быть немедленно изъята из продажи, а в отношении тех, кто способствовал ее популяризации, необходимо сделать соответствующие выводы".

У пьесы Усманова "Запоздалый приказ" была странная судьба. 30 марта 1934 года газета "Правда" сообщила результаты всесоюзного конкурса на лучшую пьесу. Жюри, в которое входили А. Толстой, В. Мейерхольд, А. Бубнов и другие, рекомендовали пьесу Усманова "Запоздалый приказ" под названием "Рупор" к постановке на татарском языке. После этого пьесу рекомендовал к постановке Союз писателей Татарии, и эта постановка была осуществлена на сцене Татарского академического театра и, судя по отзывам видевших ее, пользовалась успехом.

В 1937 году рецензент Рыжанин злобно охаил пьесу, написав: "Только благодаря политической беспечности, наивности и слепоте, имеет хождение пьеса, представляющая из себя сборник антисоветских изречений контрреволюционных националистов, дающая изложение в тенденциозной форме чаяний врагов народа, выдающих себя за народных представителей". 8 апреля 1938 года все произведения Ш. Усманова были изъяты из книготорговой сети и библиотек общественного пользования. В октябре 1955 года, когда шел процесс посмертной реабилитации Усманова, ни в спецфонде библиотеки, ни в книжной палате республики не было обнаружено ни одного экземпляра пьесы "Кичеккэн фарман" ("Запоздалый приказ"). Заметим, что произведения Усманова были изъяты из общего пользования уже после смерти писателя. Санкции против людей опережали запрет их трудов.

Осенью 1955 года творчество Шамиля Усманова подверглось объективной экспертной оценке. Ее произвели литературовед Г. М. Халитов, писатели А. Ш. Шамов и К. Г. Нежметдинов (Кави Наджми). Результаты экспертизы были положительны и снимали ту желчную, сатанинскую ненависть, неприязнь рецензии 37-го.

Г. Халитов: "Творчество Ш. Усманова не лишено отдельных недостатков и ошибок. Я думаю, что эти моменты во многих случаях носят творческий характер и печать времени. Очерковый стиль писателя не всегда давал ему возможность глубоко раскрывать описываемые явления. Нередко люди были изображены Усмановым эпизодично и схематично. Современному читателю также кажется устаревшим и наивным увлечение Усманова (в начале 20-х

годов) романтикой мировой революции, что находит свое отражение особенно в его фантастических произведениях ("Радио с Памира", "Тайна истории"). На основе просмотренного мною фактического материала я пришел к выводу, что художественное творчество Шамиля Усманова не носило враждебных советскому народу идеологических тенденций. Оно развивалось в духе тех требований и задач, которые ставились партией и советским народом перед нашей литературой".

Афзал Шамов: "Я Усманова Шамиля Хайрулловича знаю с 1919 года как политического работника Красной Армии. Я в то время (в 1919-1920 гг.) служил в Казани; в разных красноармейских частях, где неоднократно слушал выступления Усманова Шамиля перед бойцами на актуальные политические темы. В то время он считался одним из хороших агитаторов. Мы его всегда слушали с большим интересом... Кроме этого, как мне кажется, Усманов Шамиль очень интересовался молодыми и способными бойцами из татар. Он часто бывал в воинских частях Казани и лично выбирал из состава части молодых и политически подготовленных красноармейцев для направления на учебу на военные курсы. В частности, я сам и ныне известный писатель Кави Наджми на командные курсы были направлены Усмановым Шамилем. Усманов Шамиль до 1936 г. написал ряд хороших рассказов и повестей на тему гражданской войны, в которых он ярко и правдиво изображал саомоотверженную борьбу советских людей... Усманов Шамиль, как писатель, был одним из видных татарских советских писателей..."

Кави Наджми: "Шамиля Усманова я знал как комиссара военной школы (1924-1925 гг.), коммуниста, участника гражданской войны, ... как советского писателя—автора произведений о гражданской войне... В некоторых его произведениях, как, например, "Кичеккэн фарман", были недостатки и ошибки, которые он впоследствии исправил. Это подтверждается фактом, когда та же самая пьеса "Кичеккэн фарман", после переработки, под названием "Рупор" получила положительный отзыв на Всесоюзном конкурсе... При личных встречах и беседах с Шамилем Усмановым я никогда не замечал антипартийных или антисоветских высказываний..."

Все это позволило следователю КГБ Татарии М. Аминову писать о положительном значении творчества Усманова и снять огульные обвинения 30-х годов.

Сложнее обстояло с находившимся в деле доносом на Усманова, написанным человеком, который не был тогда арестован и написал его по своей воле, без какого-либо принуждения, а так, на всякий случай...

Донос написал 23 июня 1937 г. директор московского института советского строительства при ВЦИК Тахави Тагирович Аюпов. В 1932-1935 гг. этот человек был секретарем ЦИК ТАССР, членом партии с 1920 г. Донос адресован "железному наркому" Ежову, копия наркому внутренних дел Татарии Рудю. В нем говорится: "При случайной встрече на улице 22 июня с.г. член ВКП(б), бывшая жена ныне разоблаченного врага народа Усманова Шамиля, артистка татарской студии при московской консерватории, Измайлова Асия рассказала мне о том, что будучи женой Усманова она ездила с ним в 1926 г. ...на тюркологический съезд и выступала с концертом". Неизвестно, сама ли Измайлова рассказала Аюпову о встречах Усманова в Баку в 1926 году с участниками съезда, много позже названными "врагами народа", или Аюпов выпросил ее об этом. Но написал донос Аюпов и предупреждал о давней встрече "националистов". Завершал извет выводом: "Полагая, что группа националистов вела определенную вредительскую работу... прошу обратить на это внимание и выявить лицо всех участников этого дела (как уже разоблаченных, так и еще неразоблаченных людей, находящихся на ответственной работе в различных национальных республиках Союза)". Автор предлагал и дальше "искать врагов", которые, по его логике, когда-то встречались с "врагом народа" Усмановым.

В июле 1955 г. следовательно, старший лейтенант госбезопасности Иванов попросил Аюпова вспомнить о том "письме". Аюпов заявил, что лично знаком с Ш. Усмановым не был, а с его бывшей женой А. Измайловой познакомился только в 1954 году. Он ответил, что не помнит, писал ли он в НКВД о Ш. Усманове. Когда следователь зачитал ему это заявление, Аюпов сказал: "В настоящее время я болен гипертонией и у меня очень ослабла память, а поэтому уточнить вышеуказанные факты я почти не могу. Я совершенно не помню, когда и в связи с чем я подавал такое заявление, так же как и не помню, почему я в этом заявлении сослался на Измайлову Асию, тем более, что лично знаком с ней до 1954 года не был... О националистической деятельности Усманова мне ничего не известно".

Асия Сафиулловна Измайлова тогда же сообщила следователю Иванову, что познакомилась с Ш. Усмановым в 1924 году в Москве и вышла за него замуж, говорила о том, что семейная жизнь у них не сложилась и в 1935 году они развелись, что она была с мужем в Баку в 1926 году, выступала с концертами. О чем там говорили на съезде, с кем встречался Усманов—не помнит, да

и не знала. Измайлова сказала, что личное знакомство с Аюповым у нее произошло только в 1954 г., до этого они не встречались.

— Вы когда-либо рассказывали Аюпову об Усманове и его участии в тюркологическом съезде?

— Нет, не рассказывала.

Теперь трудно судить, как было дело. Факт остается, донос остался в деле, под ним подпись Аюпова...

9 января 1938 года младший лейтенант ГБ Черпаков написал постановление о прекращении следствия по делу Шамиля Хайрулловича Усманова в связи с его смертью в тюрьме № 1. В деле имеется акт, составленный начальником санчасти НКВД ТАССР Л. И. Шулутко: "Мною, начальником санчасти НКВД ТАССР Л. И. Шулутко, составлен настоящий акт в том, что при осмотре 3 декабря в 7 часов арестованного Усманова Шамиля мною констатирована внезапная смерть, происшедшая по всем признакам от паралича сердца". Акт о смерти Ш. Усманова подписали Л. Шулутко, капитан ГБ Шелудченко, старший лейтенант Крохичев, лейтенант Марголин, комендант УГБ НКВД ТР младший лейтенант Паволей.

Этот акт позволяет лишь точно назвать время констатации смерти писателя — 7 часов утра 3 декабря 1937 года. Обстоятельства гибели Усманова овеяны легендой. Наиболее известная из них — о том, что Шамиль Усманов отказался подписывать протоколы с ложными обвинениями, в ярости ручкой выколол себе глаза и был забит следователями насмерть.

1 февраля 1940 года Военная коллегия Верховного суда СССР судила за должностные преступления руководство НКВД Татарии. Им инкриминировалось "избиение партийно-советских кадров", фальсификация следственных дел, физические меры воздействия на арестованных, в результате которых имелись случаи смерти невинных людей. Маркович, бывший зам. начальника отдела НКВД ТАССР, признал на суде: "Я бил арестованных, бил их и Шелудченко, и другие сотрудники НКВД. Показания от арестованных не добывались, а выбивались".

Заместитель наркома внутренних дел Матвей Иванович Шелудченко подтвердил на суде показания Марковича, сказал, что Усманова допрашивал он, Шелудченко, и писатель умер "в результате примененных к нему методов физического воздействия". Во время допросов в июне 1939 года Шелудченко заявлял: "Я лично применял меры физического воздействия к Усманову Шамилю (татарский писатель)" и еще: "я уже признал себя виновным в том, что допустил неосторожное применение физических мер воздействия к врагу народа Шамилю Усманову".

Врач Шулутко, привлеченный следствием в качестве свидетеля, заявил, что около 7 часов утра 3 декабря 1937 года он был вызван в кабинет Шелудченко, где на диване лежал одетый человек, которого ему назвали Усмановым Шамилем и предложили осмотреть. Осмотрев Усманова, он установил, что Усманов умер, и высказал предположение, что смерть наступила внезапно от паралича сердца, о чем затем с его участием был составлен акт. Это подтвердили и другие свидетели: А. Чиркин, надзиратель тюрьмы НКВД ТАССР, который вынес из кабинета Шелудченко труп Усманова; В. Кондратюк, сотрудник НКВД, — "Шамиль Усманов умер от примененных к нему издевательств и избиений"; Ф. Крохичев, подписавший акт о смерти Усманова и участвовавший в его последнем допросе, — "в процессе допроса Шамиля Усманова 3 декабря 1937 года он жаловался на боли в сердце, падал со стула, бился в судорогах. Шелудченко сказал, что он, Усманов, валяет дурака, все время валится на пол. Усманова поднимали, он снова падал, потом стал задыхаться и умер". Марголин, начальник отдела НКВД, арестованный за служебные преступления в марте 1939 г., также подписавший акт о смерти Усманова, был более правдоподобен в последних своих показаниях. Вначале он сказал, что его вызвал к себе в кабинет Шелудченко, там же был и Крохичев. Допрашивали Шамиля Усманова. "При постановке конкретных вопросов перед ним он стал сильно нервничать, хвататься за сердце и заявлять, что он эпилептик, и внезапно упал со стула на пол в припадке. Я... обрызгал его водой из графина и стал следить за его пульсом. Когда я ощутил, что пульс у него замедляется, я сказал об этом Шелудченко, который немедленно вызвал дежурную сестру санчасти. Когда сестра заявила, что пульс окончательно замер, был вызван комендант Паволей и нач. санчасти Шулутко. Последний констатировал смерть, кажется, от паралича сердца, и труп был унесен". На последующих допросах Марголин был более откровенен: "Усманов Шамиль... на следствии исключительно упорствовал, даже по фактам, проверенным следствием. Так он вел себя и на допросе 3 декабря, что и вызвало применение к нему физического метода воздействия... На этом допросе в кабинете Шелудченко Усманов Шамиль пробыл несколько часов, т. е. был вызван вечером 2 декабря — умер 3 декабря в 3 часа утра". На вопрос: бил ли Марголин Усманова во время этого трагического допроса, тот ответил: "...я лично ударил его пару раз по щекам... при мне по несколько ударов нанесли Усманову Шелудченко и Крохичев, главным образом по шее".

Вывод из этих допросов палачей и садистов один: они жестоко били Усманова в кабинете заместителя начальника НКВД республики. Убийц трое: Шелудченко, Марголин и Крохичев. Усманов умер от побоев и издевательств в 3 часа ночи 3 декабря 1937 г. Не было никакой врачебной помощи. Только около 7 часов утра был вызван начальник санитарной части Шулутко и послушно, поговору с душегубами, подписал вместе с ними акт о том, что писатель умер от паралича сердца. Труп вынесли из кабинета и тайно, без медицинского вскрытия похоронили, скорее всего, в траншее жертв энкэвдешного террора на Архангельском кладбище Казани. Каких-либо сведений о том, что Усманов в знак протеста выколол себе глаза, в деле нет.

Судьба не пощадила и убийц: 1 февраля 1940 года решением Военной коллегии Верховного суда СССР был расстрелян Шелудченко, в тюрьме умер Марголин, переведен на работу в Хабаровский край и там арестован и отправлен в Гулаг Крохичев...

Прошли годы. Убитый во время следствия, оплеванный без суда писатель продолжал жить в памяти знавших его, жили и написанные им книги. 5 февраля 1955 года письмом к Н. С. Хрущеву дочь Ш. Усманова—Айслу Шамильевна Штыркина возбудила дело о полной реабилитации отца. Позже она станет автором статей и книг о нем. В КГБ ТАССР начался сбор материалов, проверка имеющихся данных на военного комиссара 1-й татарской стрелковой бригады, писателя и общественного деятеля Ш. Усманова. В следственном деле много горьких, несправедливых документов. В их числе решение бюро Татарского ОК ВКП(б) от 4 августа 1937 г. об "исключении Усманова Ш. Х. из рядов ВКП(б) как контрреволюционера, националиста, двурушника, врага народа".

Материалы проверки позволили прокуратуре республики 30 декабря 1955 года сделать обоснованный вывод об отмене постановления НКВД ТАССР от 9 января 1938 г., прекративший уголовное дело в отношении Ш. Х. Усманова и позволявший считать писателя полностью реабилитированным.

К сожалению, ни рукописей, ни документов Усманова в архиве бывшего НКВД не сохранилось. Такой ответ получили на свои запросы (1956-1957 гг.) дочь Ш. Усманова и его брат, Юсуф Хайруллович Усманов. Ничего нового не дали и дополнительные розыски, проведенные в 1988 году.

На этом можно было бы поставить точку. Но горькое возмущение тем, как без вины убивали невинного, как издевались и предавали, как отказывались от человека из

страха и равнодушия те, кто еще вчера был вместе и на словах боролся за единое дело, не позволяет сделать этого. Шамиль Усманов—комиссар и писатель, строитель пролетарского государства, был принесен в жертву своей партией и своим государством, как и многие из его поколения. Ради чего? Кого это сделало счастливым? богатым? святым? Нет ответа на эти вопросы...

“ТРОЦКИСТ” НИКОЛАЙ ЭЛЬВОВ

Николая Наумовича Эльвова, профессора истории, еврея, исключенного из ВКП(б), арестовали 10 февраля 1935 г. Следователь НКВД Татарии Сергей Царевский обосновал необходимость ареста Эльвова тем, что он, “будучи профессором общественных наук в высших учебных заведениях города Казани, пропагандировал среди студентов идеи контрреволюционного троцкизма, группируя для этой цели вокруг себя своих единомышленников”.

В тот же день в Казани, по улице Толстого, д. 14, кв. 9, где жил тогда Эльвов, был проведен обыск. Изъяли документы профессора, переписку, рукописи статей, папки с различными научными материалами, программы семинаров, тезисы лекций, книги, многие из них с дарственными подписями. В анкете арестованного записали, что Эльвов родился 23 сентября 1901 г. в Киеве, а среди его особых примет указали: среднего роста, волосы рыжие, кудрявые. Эльвов сказал, что его отец—портной, живет он с женой—Марией Семеновной Бычковой и сыном Сергеем, 5 лет. И дальше о себе: большевиком стал в ноябре 1918 г., с того времени по 1921 год воевал в Красной Армии, последняя должность—комиссар полка. Затем учился в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова и институте Красной профессуры на историческом отделении.

11 февраля 1935 года состоялся первый допрос Эльвова. Его вел тоже бывший участник гражданской войны, чекист Царевский.

— Следствию известно, что вы, как троцкист, на протяжении последних лет вели контрреволюционную двурушническую работу. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Я прибыл в город Казань в апреле 1932 года, через несколько дней после моего восстановления членом ВКП(б); я был в 1931 году исключен из ВКП(б) за троцкистскую пропаганду в своих главах учебника истории ВКП(б) под редакцией тов. Ярославского. Будучи восста-

Н. Н. Эльвов

новлен в партии, по путевке ЦК ВКП(б) я и прибыл на научную работу в Казань. Здесь я принял руководство кафедрой истории СССР в Татарском педагогическом институте, в институте марксизма-ленинизма заведовал секцией истории России. В 1933 г. я читал также лекции по истории народного хозяйства в финансово-экономическом институте и на курсах марксизма при областном комитете партии. С осени 1934 г. стал читать лекции в Казанском университете, а также во многих городских учреждениях... Я признаю себя виновным в том, что я как профессор истории не воспитывал массу студенчества... на разоблачениях себя как троцкиста... Троцкистской работы я не вел, но мое поведение способствовало этому.

— Следствию известно, что вами для научной работы привлекался чуждый элемент. Расскажите об этом.

— Ввиду моей усталости прошу разбор этого вопроса перенести на следующий раз.

Допрос был закончен в 24 часа.

12 февраля Эльвов по настоянию следователя назвал ему фамилии тех, с кем он готовил к изданию сборник документов по истории Татарии. Эти фамилии были известны, сборник готовился открыто. Но многие из подследственных Царевского позже вспоминали, как он заставлял их подписывать заранее подготовленные тексты протоколов. Потому и этот протокол, с часто употребляемыми

эпитетами “контрреволюционный”, “троцкистский” был, скорее всего, из таковых. Эльвов сообщил, что у него был наган, что он хотел застрелиться, но посчитал это недостойным. 18 февраля Эльвов твердо сказал следователю, что “не был проводником троцкистских идей”. Так же он ответил и на вопрос следователя 15 марта:

— Следствию точно известно, что вы на протяжении последних лет вели организованно контрреволюционную троцкистскую работу. Признаете ли вы себя виновным?

— Виновным себя не признаю, так как я контрреволюционной, троцкистской работы не вел.

Эльвов подтвердил следователю свое знакомство с казанским историком М. Корбутом, который подарил ему два тома своей книги по истории университета, сказал, что, узнав о его аресте, лист с дарственной надписью из тома вырвал. Он не отрицал своих связей с московскими и ленинградскими историками, но говорил о том, что ничего не знал об их “контрреволюционной работе”.

На характер ответов Эльвова влияли, по-видимому, несколько обстоятельств. Он знал, что будет арестован. Шли аресты многих его знакомых, он берегся как мог, но чувствовал—конец близок.

Его хорошо встретили в Казани, назначили деканом, дали кафедру в пединституте, всюду приглашали выступать с лекциями—ведь он приехал по путевке ЦК ВКП(б)... И тогда, в 1932-м, он знал, что ссылка—увы!—это еще не все... Ведь тогда, после публикации письма Сталина в журнале “Пролетарская революция”, расхожими стали обвинения историков в “троцкистском контрабандизме”. В 1932-м в журнале “Большевик” (N 5-6) с пропагандой идей Сталина выступил его верный подручный Л. Мехлис: “...только наличием гнилого либерализма можно объяснить, что шkolка троцкиствующих историков—Эльвова, Кина, Минца и других—бесконтрольно протаскивала антипартийный хлам... Партактив и отделение общества [историков-марксистов] в Казани разоблачили попытки представить, что большевизм в Татарской Республике сложился на почве органического перерастания различных мелкобуржуазных течений в большевистское, что групповая борьба в татарской организации являлась исторически необходимым этапом и что “левые” были настоящими большевиками”.

В 1932 г. развернулась критика четырехтомной “Истории ВКП(б)”, вышедшей в 1926-1929 гг. под общей редакцией Ем. Ярославского. Среди его активных авторов был Н. Эльвов. По воспоминаниям С. Пионтковского, Эльвов выступал тогда и в роли организатора издания. Пионтковский писал об этом так: “Весной [1927 г.] ко мне явился до тех пор неизвестный Эльвов и предложил мне

написать ряд глав для истории партии под редакцией Ярославского. Эльвов был занятный парень, большой, здоровый, рыжий, в очках, очень неглупый, а больше хитрый,— он производил довольно приятное впечатление, умел вовремя молчать, вовремя стушеваться... Для написания истории партии Ярославского он собирал со всех концов людей”.

И вот теперь эта обобщающая работа, ее авторы обвиняются, следуя сталинской терминологии, все в той же “троцкистской контрабанде” и “троцкистской фальсификации” истории партии. Авторов обвинили, прежде всего, в систематическом искажении и замалчивании роли Сталина в истории партии большевиков. В печати публично покаялся Ярославский, такую же возможность дали и некоторым автором, но не всем, в их числе был и Эльвов.

Н. Н. Эльвов, И. И. Минц, С. М. Дубровский, С. А. Пионтковский—крупные историки той поры и авторы критикуемой книги, многое понимали в происходящем, хотя и не могли никак препятствовать наступлению карательной системы.

16 февраля 1935 г. Бауманский райком партии в Казани исключил из ВКП(б) Марию Семеновну Бычкову, жену Эльвова, за “потерю классовой бдительности”, за недоносительство на мужа, “неразоблачение до конца двурушничества Эльвова”. Позже, вернувшись из лагерей и ссылки, 2 октября 1958 г. Бычкова писала, вспоминая о том страшном времени: в 1930 г. училась в Московском институте народного хозяйства, вышла замуж за Эльвова, была студенткой у него в семинаре. В 1932 г. переехали в Казань, работала в аппарате советского контроля. “В 1935 году арестовали Эльвова. Меня начали вызывать в качестве свидетеля по делу мужа... Первое, что мне предложили, когда вызвали в НКВД—написать отречение от мужа и опубликовать в печати... С первого допроса заявили,—если буду отказываться в разоблачении мужа, то отберут ребенка и через несколько дней сына выкинули из детского сада. На допросах держали сутками и изматывали бессонницей”. Предложили освободить квартиру, уехала к родственникам в Москву. Там вновь вызывали в НКВД. “В кабинете начальника Молчанова в присутствии многих работников НКВД устроили допрос. Много было задано вопросов, и основной был—почему я не помогаю НКВД в разоблачении Эльвова”.

16 июня 1935 г. Бычкову посадили под домашний арест в Москве, 20 июня она подписала протокол, обличающий мужа. На вопрос о знакомых Эльвова в Москве Бычкова назвала ученого секретаря редакции истории гражданской войны в СССР И. И. Минца, директора между-

народного аграрного института С. М. Дубровского, его жену Б. Б. Граве, профессора МГУ С. А. Пионтковского. Сообщила, что присутствовала при их встречах в 1930-31 гг., где говорилось о невежестве и вульгаризации, процветающих в исторической науке, деградации теоретической мысли. Историки утверждали, что создалось положение, при котором творческая мысль заменялась аллилуйщиной, а людей выдвигали за их усердие в восхвалении руководства. И делался вывод: во всем повинен существующий режим. Следовательно добился от Бычковой подписи и в том, что историки, собравшись, критически отзывались о Сталине и Кагановиче.

Бычкова свидетельствовала: незадолго до появления в печати письма Сталина в журнале "Пролетарская революция" Минц прислал Эльвову письмо в Свердловск, где тот тогда работал. Минц в письме предупреждал Эльвова о готовящейся публикации письма Сталина, о том, что Сталин негативно воспринял 4-томник по истории партии. Письмо Минца заканчивалось фразой: "Не робей!" После опубликования письма Сталина Эльвов получил конверт с запиской от Дубровского и Граве, в которой они выражали ему свое сочувствие. В Свердловске Эльвов возглавлял кафедру истории народов СССР в коммунистическом университете.

Бычкова рассказала, что по приезде в Казань Эльвов познакомился с историком Михаилом Корбутом, врачом Диковицким, агрономами Винтайкиным и Шепериным. Он критически воспринял разное письмо Сталина и свою "проработку".

Ему, Эльвову, было трудно согласиться с новой обстановкой, сложившейся в стране, в исторической науке в начале 30-х. Он пытался стоять на чем-то своем. Его первая лекция в пединституте в 1932 г. едва не закончилась скандалом. Эльвов говорил о древнекиевском государстве как рабовладельческом. Поднаторевшие в политических дискуссиях и поисках врагов студенты увидели в этом "троцкизм". Они, ссылаясь на "Вопросы ленинизма" Сталина, заявили, что в Киевской Руси господствовала феодальная формация. И тут же донесли сказанное Эльвовым в сердцах: "История покажет, кто был прав—Сталин или мы". Начиная учебный год в 1933 году, Эльвов вновь заявил, что в преподавании истории не допустит фальсификации, что 1905 год он понимает так, как изложил его в 4 томнике истории ВКП(б). И это несмотря на все более ужесточавшуюся критику этого труда...

С другой стороны, работавшие вместе с Эльвовым подчеркивали его осторожность. Фатых Камалович Сайфи (1888—1937), историк и писатель, редактор журнала "Яна-

лиф", говорил на одном из допросов, что знал Эльвова по его трудам еще до приезда в Казань, затем работал вместе с ним, но "мне не удалось подметить в поведении Эльвова элементов контрреволюционного троцкизма. Он был исключительно изворотлив, умен и осторожен. В 1934 году я сам лично поднял с Эльвовым антипартийный, антисоветский разговор о положении крестьянства, но он немедленно строго оборвал меня".

На другом допросе Сайфи дополнял данные о своей совместной работе с Эльвовым в институте марксизма-ленинизма, где профессор заведовал исторической секцией. Под руководством Эльвова Сайфи участвовал в составлении сборника "История Татарии в документах и материалах". Первый том получил в Москве положительную оценку в рецензиях С. Пионтковского и Н. Рубинштейна. Второй том не был завершен из-за арестов составителей. Сайфи подтвердил: "лично я за Эльвовым по кафедре не замечал никаких фактов его контрреволюционной троцкистской деятельности... Эльвов практически хорошо руководил кафедрой".

Газиз Салихович Губайдуллин, профессор-историк, сообщил следствию, что Эльвова знал с 1934 года, был у него на лекциях, во время которых не обнаружил ни восхваления, ни критики троцкизма. Реферат Губайдуллина, вскоре после убийства Кирова, Эльвов слушать отказался, сказав, что "теперь начнутся следствие и репрессии, не до доклада тут".

Мухтарама Ахметовна Фаридова, аспирантка Эльвова, заявила на допросе, что "была поклонницей Эльвова, как талантливого профессора, о его контрреволюционной деятельности ничего не знала". Правда, последующие избиения, методы "психологического воздействия" вынудили Фаридову подписать подготовленные следователем протоколы, в которых она "признавалась", что была в 1932-1934 гг., во время обучения в аспирантуре, "участницей контрреволюционной троцкистской организации в Казани, которую возглавлял Эльвов".

Ефрем Игнатьевич Медведев в письме о реабилитации писал в декабре 1954 г.: "11 февраля 1935 года в Казани по делу профессора Эльвова Николая Наумовича, у которого я состоял аспирантом, меня вызвали в НКВД Татарии, где следователю Музафарову недостойными методами удалось заставить меня подписать заготовленный им заранее протокол допроса... Я в это время был управляющим архивами Татарской республики, доцентом по ленинизму финансово-экономического института... За время 3-месячной изоляции мне приписывали ярлыки: враг, троцкист, вредитель, будто я приглашал на работу в музей бывшего казанского губернатора и крупного мурлы... После лечения

в психбольнице меня выслали из Казани в Куйбышев..." В подписанном Медведевым протоколе допроса отрицалось знание о какой-либо контрреволюционной деятельности Эльвова, но приводились слова, будто бы сказанные профессором. Так, в беседах Эльвов якобы говорил: "На новой площади похоронен Ленин, а на старой—ленинизм"; "Сталин любит эффект, а Ленин был скромный"; "Вольфович угробил хорошего работника Слепкова, такого специалиста, как он, теперь в Казани нет".

Зугря Билияловна Надеева, секретарь исторической кафедры института, на допросе 16 марта 1935 г.: "Мне известны только прошлые ошибки Эльвова, сделанные им в 4-томнике истории ВКП(б) под редакцией Ярославского. Как известно, Эльвов эти ошибки признал в свое время. Других фактов протаскивания Эльвовым троцкизма в процессе своей научно-педагогической работы я не знаю".

Характерно, что об Эльвове хорошо говорили люди, знавшие его и арестованные за то, что бывали у него в гостях, или вместе с ним работали. Конечно, их первые показания—самые искренние, когда они говорили о нем в доброжелательном тоне, надеясь, что поверят в их невиновность. Но нельзя не сказать о другом, о том, как круто менялось мнение партийных секретарей, руководителей всех рангов. В 1933 году партийная организация пединститута отзывалась об Эльвове: "Тов. Эльвов—знаток своего предмета. Занимаясь научно-педагогической работой, он проявил себя и как опытный организатор. Под его руководством совершается целая группа научных сотрудников. Лекция и семинары тов. Эльвова пользуются большой популярностью". Но те же секретари партийных комитетов исключали Эльвова из партии в январе 1935 года, инспирировали свистопляску в "Красной Татарии" против историка, где наиболее мягким и деликатным стало обвинение его в двурушничестве. Не заступился за него и Ярославский, который, если верить Троцкому, был "одинаково нестерпим и в похвалах, и в клевете".

После исключения из партии, газетных оскорблений Эльвов понял, что настал его черед. Он стал сжигать документы и рукописи, уничтожать запретные книги с автографами авторов. 6 февраля 1935 года он сжег личную переписку, затем старые планы и программы курсов, официальные справки, организационные материалы по 4-томнику истории ВКП(б), фотографии. Позже факт сожжения бумаг и книг подтвердила жена Эльвова и домработница.

Эльвова в Казани допрашивали с 10 февраля до 15 июня 1935 года, затем спецконвоем переправили в Москву, так как выяснили, что его "контрреволюционная деятельность" связана "с целым рядом лиц", там проживающих.

Справка: Ф. К. Сайфи, 1888 года рождения, арестован 18 сентября 1936 г., расстрелян 3 августа 1937 г. Автор многих книг и статей по истории Татарии. "Материалы и документы по истории Татарской АССР с древнейших времен до реформы 1861 года" вышли в Москве в 1937 году под общей редакцией Н. Рубинштейна и без фамилий составителей и редактора...

Г. С. Губайдуллин (1887-1937)—крупный татарский историк, профессор. По делу Эльвова допрашивался как свидетель.

М. А. Фаридова-Рахматуллина, 1901 года рождения, арестована 15 мая 1937 г., осуждена 2 августа 1937 г. на 10 лет лагерей с поражением в правах на 5 лет и конфискацией личного имущества. 16 декабря 1955 г. была реабилитирована по личному заявлению, в котором сообщала, что на допросах в 1937 г. оговорила себя "в результате физического воздействия следователя".

З. Б. Надеева, 1907 года рождения, арестована 12 февраля 1935 года, освобождена 22 марта 1935 г. с подпиской о невыезде из Казани. Дело прекращено 15 октября 1935 г.

Е. И. Медведев (1903-1983), профессор-историк, арестован 12 февраля 1935 года как ученик Эльвова. Освобожден из заключения по болезни через 3 месяца и 10 дней. Реабилитирован 20 октября 1955 г.

Сохранившиеся следственные протоколы свидетельствуют о том, какую информацию хотели получить от Эльвов энкэвэдэшники. По направленности задаваемых профессору вопросов виден поиск "всесоюзной террористической организации",—на сей раз историков. Эльвов учился в Москве и там работал, знал многих. В начале 20-х в своих работах многие историки цитировали работы Троцкого и многих других позже репрессированных советских политических деятелей. Теперь им это ставилось в вину, так "доказывалась" их приверженность. Цитировал, положительно отзывался—следовательно,ходишь в "контрреволюционную организацию".

В марте-мае 1935 года Эльвова спрашивали о его встречах с московскими и ленинградскими историками и о тех, кто по обвинению "в троцкизме" был арестован в Казани. Среди казанцев были историки, философы и экономисты. Эльвов подтвердил свое знакомство с заведующим кафедрой университета Тимофеем Семеновичем Ищенко и профессором-историком Михаилом Ксаверьевичем Корбутом. Характеристики давал сдержанные. На вопрос о Ефреме Медведеве ответил: "С политической стороны считаю, что он молодой, довольно выдержанный, способный работник... Контрреволюционных, антисоветских разговоров с ним я

не вел". Говорил, что в январе 1935 года был в Ленинграде, по возвращении рассказал Ищенко об арестах и высылках "троцкистов", сказал, что "и меня может постичь такая же участь", тем более, что многих в свое время исключали из партии за то же, за что и его, т. е. после письма Сталина в редакцию "Пролетарская революция".

В конце апреля 1935 года в поведении Эльвова произошел надлом. 28 апреля он заявил, что готов "чистосердечно признаться", что своими "абсолютно откровенными признаниями" хочет помочь партии "разоблачить меня и тех, с кем я работал против партии". Трудно предположить, что вынудило Эльвова сделать подобное заявление и сообщить, что троцкистом он стал еще в 1923 году, обучаясь в коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова в Москве. И объяснял это увлечением личностью Троцкого. Весь "троцкизм" состоял в разговорах, "организационного продолжения" не имел. Эльвов каялся в "крупнейшем преступлении против партии и тов. Сталина", потому что в 1929 г. опубликовал в соавторстве с Ташкаревым брошюру "Об одной попытке искажения марксизма-ленинизма". Брошюра была направлена против работ Ксенофонтова, но "по существу была с точки зрения троцкистско-зиновьевских позиций по генеральной линии".

Эльвов вспоминал, что в Казань его пригласил Исхак Рахматуллин, заведующий отделом культуры Татарского ОК ВКП(б). Пионтковский, старый казанец, рекомендовал ему Корбута, с которым он и познакомился по приезде в город. Эльвов дал политическую характеристику преподавателей педагогического института, разделив их на группы шовинистов и националистов, левых и правых, говорил, что не всегда ответственно относился к работе, но категорически отрицал "наличие троцкистской контрабанды в своем преподавании".

Главной работой в Казани Эльвов полагал подготовку материалов по истории Татарии, которую он готовил вместе с сотрудниками института истории Коммунистической академии в Москве. Он всячески выгораживал Надееву и Е. Медведева, которые ему были "очень преданы" и ни в чем не повинны. "Я погубил их своими разговорами", — признавал Эльвов.

Рассказ Эльвова изобилует характеристиками группировок, действовавших в различных учебных заведениях города, растерянности тех, кто понял грядущую опасность надвигавшегося террора за неосторожно сказанное слово; недоверие, полыхнувшее друг к другу... Особо подробно Эльвов говорил об обстановке в редакции газеты "Красная Татария", где он еще недавно вел отдел международной информации. Наверное, следователь дал ему газеты, где

теперь Эльвова всячески клеймили, и это делали люди, еще несколько дней назад приветствовавшие его на улице и в аудитории... Многие он вспомнил, листая страницы газеты.

"Красная Татария", 2 февраля 1935 г. Сообщение о том, что в педагогическом институте состоялась конференция "О контрреволюционной зиновьевской группе и ее подонках". Предполагалось, что в актовом зале, собравшем около 600 студентов и преподавателей, эта "группа" будет предана проклятию. Но присутствовавший на конференции заведующий отделом культуры горкома партии Шикаев "для дискуссии" предложил кому-либо из студентов выступить в защиту позиции Г. Е. Зиновьева с тем, чтобы другие его разоблачили. Это сделал студент истфака Рафиков. Метод "оживления" конференции оказался опасным для всех выступавших. Их обвинили в том, что они недостаточно "разоблачали". Эльвов там был и выступал, заслужил аплодисменты. Горком партии исключил своего сотрудника из ВКП(б), партком пединститута распустил как "незрелый". 10 февраля в "Красной Татарии" появилась статья "Покровители Эльвова", в которой обвинялись руководители финансово-экономического института за то, что просто уволили Эльвова, а не разоблачили его как троцкиста. Тут же еще одна—"Троцкистский последыш и его покровители"—о пединституте. В ней вывод: "В результате потери классово-революционной бдительности и зажима самокритики, троцкистский последыш Эльвов мог до последнего времени руководить в пединституте кафедрой". Звучал призыв к разгрому руководства пединститута.

Корреспонденции из "Красной Татарии" в сокращенном виде и с комментарием были перепечатаны в "Правде". 11 февраля "Красная Татария" публикует постановление объединенного бюро Татарского обкома и Казанского горкома партии. В нем признавалось ошибкой отсутствие контроля за деятельностью "троцкистского контрабандиста Эльвова". Всем партийным организациям предлагалось обсудить статьи и осудить Эльвова, разоблачить "собственных троцкистов". В этом же номере газеты "разоблачался" профессор университета Т. С. Ищенко как "двурушник" и друг Эльвова. 12 февраля передовая статья "Красной Татарии" призывала показать "отвратительный облик Эльвова, этого троцкистского последыша, двурушника, рвача, наглого зажимщика самокритики, дезорганизатора учебной работы". Сотрудничавшие с Эльвовым обвинялись в том, как это они смогли "не заметить его антисоветской сущности и подрывной работы". А как можно заметить то, чего не было? Этот вопрос—по крайней мере, вслух—никто не задавал. И тут же рецензия С. Гафурова и А. Тарасова "Троцкистская контрабанда Эльвова в краевой учебной

книге". Ее цель—показать "подрывную работу Эльвова". В чем же она состояла, по мнению рецензентов? Оказывается, в том, что Эльвов недостаточно раскрыл роль Ленина в студенческом движении Казани, слабо показал борьбу большевиков за изоляцию меньшевиков... Но где критерий для определения того, "достаточно" это или "мало"?

Читая все это, Эльвов мог вспыхнуть, наговорить, а может быть, и просто подписать уже подготовленное следователем... И все-таки, когда следователь коснулся его жены, Марии Семеновны Бычковой, Эльвов был тверд: "Я категорически заявляю, что мы с Бычковой жили буквально до последней минуты в абсолютно взаимной дружбе".

2 мая 1935 года, завершая ответы на вопросы следователя в 24 часа, Эльвов утверждал: "Я не злостный контрреволюционер, не враг..." 17 мая Эльвову дали прочесть протоколы дознаний арестованных агрономов, научных работников З. П. Винтайкина и Г. П. Щеперина, также обвинявшихся в троцкизме. Карандашом, на половинках бумажных листов, он написал заявление протеста, говоря, что никогда в его присутствии Корбут не говорил о Троцком и своих встречах с Каменевым и Зиновьевым.

Эльвов. Как понять человека, чувствующего смертельную опасность для себя, жены, малолетнего сына? Что он тогда думал, когда гибельная паутина все туже скручивала, мешала работать, когда опасность исходила от тех, кто был рядом (а не как в гражданскую, от явного врага) как быть, когда страх полонил всех...

М. С. Бычкова, жена Эльвова, на допросе 17 апреля 1935 г. рассказывала:

— Резкое изменение настроения у Эльвова наступило после его возвращения из последней поездки в Москву и Ленинград в январе. Был он очень раздражителен и ни на какие расспросы не отвечал. В день приезда все твердил, что должен видеть Ищенко, ушел к нему часов в 9 вечера (приехал же он в 7 вечера) и возвратился к часам к 11-ти. В этот вечер ничего мне Эльвов не рассказал. Только на второй день, когда я пришла с работы, Эльвов мне рассказал о том, что он делал в Москве и Ленинграде и о своих настроениях. Был у Берты Граве, справлялся насчет выпуска 1-го тома истории Татарии, но там получил ответ о том, что даже последние 10 листов, набранные в типографии, предложили разобрать в силу того, что ЦК предложил не выпускать его книги. Жаловался Эльвов на то, что Граве, всегда встречавшая его приветливо, даже домой не пригласила. Затем в Казани проводился ряд собраний по проработке событий, связанных с убийством Кирова. С этих собраний Эльвов приходил домой очень

вдрученным. После конференции в пединституте 31 января и выступления студента Рафикова Эльвов вернулся в несколько лучшем настроении, сообщил, что выступал и ему даже аплодировали. Когда же была опубликована статья в "Красной Татарии" с разоблачением Эльвова, настроение его резко ухудшилось и он стал требовать, чтобы я с сыном немедленно уехала из Казани. Эльвов говорил мне, что хочет покончить с собой и спрашивал, не осужу ли я его за это, так как он не видит никаких перспектив своего будущего. Бумаги, фотографии и книги он сжег. Ему звонили из партколлегии 9 февраля, но он туда не пошел, так как из партии его исключили. О том, что делалось в редакциях газеты, Эльвов всегда знал от Евгении Гинзбург, с которой его познакомил Корбут.

Справка: Тимофей Семенович Ищенко, 1903 года рождения, член партии большевиков с 1920 года. В 1935 году профессор, заведующий кафедрой философии Казанского университета. Арестован 20 мая 1936 г. Осужден на 5 лет лагерей. Умер в заключении 1 декабря 1938 года.

Михаил Ксаверьевич Корбут, 1899 года рождения, в 1920-1933 гг. был членом партии большевиков. В 1933 г. арестован и осужден на три года ссылки за троцкистскую деятельность. Расстрелян в 1937 г.

В Казани Ищенко был одним из наиболее близких Эльвову людей. Он советовался с ним по разным вопросам. И в 1933-м, когда Эльвова стали критиковать за выступление на партактиве города, где он заявил, что относится к "мирным троцкистам", делавшим лишь литературные ошибки, т. е. до конца "не разоблачился". И тогда, в начале 35-го, когда от него отвернулось, отступилось, предало практически абсолютное большинство тех, кто еще совсем недавно работал вместе с ним. Эльвов не удивился, когда Евгений Грачев, доцент кафедры пединститута, которой руководил профессор, еще не зная, что вскоре тоже будет арестован, написал на него заявление-донос. В нем доцент писал о невозможности работать с "троцкистским контрабандитом" и предлагал сурово осудить его и привлечь к дознанию З. Надееву. "Полагаю,—заявлял Грачев,—что многое о его грязных делах политического и уголовного свойства она могла бы осветить". Нет, не зря Эльвов назвал Грачева в свое время "политическим спекулянтом и склочником"... Но вот 7 февраля состоялось заседание парткома института марксизма-ленинизма, там, где Эльвов состоял на партийном учете и было долгое время членом парткома. Не нашлось доброго слова в его адрес ни у кого. Даже у И. Рахматуллина, пригласившего его на работу в Казань, ни у профессора Ищенко. Каждый поносил Эльвова, надеясь этим спасти себя. Напрасно. Скоро предадут и

их. Исхак Шигабутдинович Рахматуллин будет арестован 16 сентября 1936 г., расстрелян 3 августа 1937 г., так и не признав себя ни в чем виновным. На парткоме они все дружно обвиняли Эльвова в "халтурщине, никчемных научных работах, двурушничестве". Они говорили, что в своих лекциях профессор якобы проповедовал троцкизм и это проявилось в том, что "в вопросе об общественных формациях он, опровергая Ключевского, не вскрыл сущности буржуазных взглядов Ключевского и не дал марксистско-ленинского обоснования учения о формациях". В чем же был увиден "троцкизм"?

Партком единогласно принял решение исключить Эльвова из партии. 10 февраля закрытое партсобрание института это решение утвердило, конкретизировав, что Эльвов исключается из партии за "протаскивание в преподавательской работе троцкистской контрабанды, игнорирование роли Сталина в развитии марксистско-ленинской философии, в протаскивании и неразоблачении меньшевистского идеализма".

Поражало Эльвова и другое. Партком и собрание исключали его из партии в то время, когда он был уже исключен партийной комиссией при ЦК ВКП(б). Его исключили утром 7 февраля, партком собрался к вечеру. Он уже знал об этом и на заседание парткома не пошел. По телефону его срочно вызвали в обком и зачитали решение парткомиссии, изобилующее "чугунными" жесткими формулировками: "В связи с заметкой в "Правде" от 5 февраля с. г. установлено, что Эльвов не разоблачил антисоветскую затею Шикаева, Григорьева и других, подготовивших студента Рафикова, который повторил контрреволюционную клевету зиновьевцев-троцкистов на партию. Эльвов не дал большевистского отпора этой контрреволюционной вылазке двурушников вследствие того, что он сам лишь формально, на словах признавал свои "литературные" ошибки, а на деле, в своей научной и преподавательской работе не прекращал пропаганды троцкизма, выхолащивая роль партии из истории народов СССР, отрывая роль партии от истории народов страны, покрывал идеологически чуждых и их вредительскую работу на идеологическом фронте, зажимал самокритику.

Эльвов, признавая свою вину только в зажиме самокритики и срывах учебных занятий, на все остальные обвинения давал уклончивые ответы: "опоздал, далеко стоял, не слыхал, не знал, не читал", чем доказал свою неискренность и даже в анкете не упомянул, что исключался из партии... Потому постановили: Эльвова из партии исключить как двурушника.

Когда читаешь такие решения — берет оторопь. Не от “суконного стиля”, грозных бездоказательных слов. От безразличия высших органов партии к своим членам. Равнодушия и страха.

Эльвов сидел дома, жег бумаги, ждал ареста и решал — стоит ли ему жить дальше! А собственно, что он сделал антигосударственного, антисоветского? Он боялся идти к Ищенко, как бы его не подвести, послал к нему Надееву с вопросом — что делать? И получил осторожно-безразличный ответ — обратиться в обком... 23 февраля 1935 г. Ищенко исключат из партии с той же формулировкой, что и Эльвова — “как двурушника-троцкиста”. Он уедет из Казани подальше, станет работать контролером восточно-сибирской конторы “Заготзерно”. Но его арестуют и под конвоем привезут в Казань...

29 мая 1935 г. следователи устроили очную ставку Эльвова с Ищенко. Им был задан вопрос о том, верно ли то, что они надеялись в Казани “легче отсидеться” в связи с “проработками”, начавшимися после убийства Кирова. Они подтвердили, что надеялись. 1 июня была еще одна очная ставка между ними. Эльвов и Ищенко подтвердили, что они являются друзьями благодаря общим политическим воззрениям, совместной работе в институте марксизма-ленинизма.

У Зюгры Надеевой следователи выпрашивали о знакомых Эльвова. Она назвала Ищенко, Е. Медведева, Ф. Сайфи, М. Корбута, Евгению Гинзбург. “Она часто обращалась к Эльвову в целях консультации по отдельным вопросам газетной работы. Ее Эльвов привлекал к составлению первого тома истории Татарии, к составлению краевого учебника по истории для школ второй ступени. Эльвов говорил, что он бывает у Гинзбург на квартире. В начале 1933 года Гинзбург была на квартире у Эльвова, цель посещения мне не известна”. А дальше Надеева не удержалась, посплетничала: “По слухам, между Эльвовым и Гинзбург имелись интимные отношения и ...Гинзбург говорила, что за ней сильно ухаживает как за женщиной Эльвов”. Надеева категорически отрицала наличие каких-либо антисоветских и антипартийных высказываний Эльвова.

Он слишком афишировал свои московские знакомства и потому был отправлен для последующего разбирательства в Москву. 22 июня 1935 г. Эльвова допрашивал на Лубянке следователь Петровский. В протоколе допроса отмечено, что Эльвов дважды исключался из партии: в 1931 г. за троцкистскую пропаганду, в феврале 1935 г. — за контрреволюционную троцкистскую деятельность и двурушничество.

За бездушным протоколом — ощущается окончательная

сломленность Эльвова, его покорность трагической судьбе.

— Следствию известно, что на протяжении ряда лет и вплоть до своего ареста вы вели активную контрреволюционную работу. Подтверждаете ли вы это?

— Да, подтверждаю. Я действительно на протяжении ряда лет, вплоть до своего ареста, вел активную контрреволюционную работу.

Эльвов подписал протокол, в котором "признавался", что с 1929 г. входил в "контрреволюционную" московскую группу историков С. М. Дубровского, С. А. Пионтовского, Б. Б. Граве, И. И. Минца, Н. Л. Рубинштейна, А. Л. Сидорова. "На первых порах,—говорил Эльвов (по протоколу),—участники группы объединились на почве недовольства по поводу оргвыводов, которые были по отношению к ним проведены в связи с политическими ошибками (правого и троцкистского порядка). В процессе встреч и бесед, происходивших преимущественно в квартирах Дубровского, Пионтовского и Минца, наши настроения постепенно оформляются как антипартийные и контрреволюционные. Так мы утверждали, что на историческом фронте созданы такие условия, при которых невозможно работать, что эти условия тормозят развитие теоретической мысли, что творческая работа заменяется казенщиной... В связи с этим мы заявляли, что такое положение является результатом неправильной политики партии, что политика партии на теоретическом фронте привела к разгрому теоретических кадров".

Эльвов категорически отрицал наличие какой-либо антипартийной группы в Свердловске, где он недолго работал. Он сказал, что все время переписывался с членами московской группы, бывал у них. Минц называл кампанию, развернувшуюся после письма Сталина в журнал "Пролетарская революция", "свистопляской". О том же сообщали ему Дубровский и Граве. В Казани,—говорил Эльвов,—он вместе с другими вел "борьбу с недостатками местного руководства". Эльвов подчеркивал, что все ограничивалось разговорами, действий не было. В 1932 г. он был в Москве у Дубровского, обсуждали исключение из партии Зиновьева, дело Рютина. Дубровский высказал убеждение, что с Зиновьевым и Каменевым попросту расправляются, что именно Сталин повинен в репрессиях.

Последний раз Эльвов был в Москве в январе 1935 года. Дубровский и Граве предупредили его о том, что нужно быть осторожным, не дать повода попасть на страницы "Правды", это прямой повод к аресту,—"хватают людей пачками".

Справка: Сергей Митрофанович Дубровский, 1900 года рождения, большевик с 1918 г., профессор, декан

исторического факультета Ленинградского университета, 25 декабря 1936 года осужден на 10 лет тюремного заключения и 5 лет поражения в политических правах, в 1948-1949 гг. жил в Казани, работал в Госмузее Татарии. На предварительном следствии и суде Дубровский ни в чем себя виновным не признал. Он заявил, что Эльвова знал, но не как троцкиста. Его показания против себя назвал нелепыми. Дубровский был реабилитирован в феврале 1954 года.

Берта Борисовна Граве, 1900 года рождения, член партии большевиков с 1920 г., профессор-историк, руководитель исторической редакции Соцэпгиза. 8 марта 1941 г. была осуждена на 8 лет лагерей. Жена Дубровского. Признала знакомство с Эльвовым, но чисто деловое. Виновной себя ни в чем не признала. Реабилитирована в июне 1954 г.

Сергей Андреевич Пионтковский, 1891 года рождения, большевик с 1919 г., профессор-историк, научный сотрудник АН СССР. Арестован 7 октября 1936 г., расстрелян 8 марта 1937 г. Виновным себя не признал. Об Эльвове сказал: "Показания Эльвова считаю ложными. Эльвова знал и встречался с ним. После убийства Кирова встречался с ним в Москве в январе 1935 г., но никаких антисоветских разговоров при этом с ним не вел. Эльвова троцкистом не считал". Пионтковский был реабилитирован в июле 1956 г.

Исаак Израилевич Минц, 1896 года рождения, большевик с 1917 года, историк-академик, лауреат Сталинских и Ленинской премий, Герой Социалистического Труда, ни к какой судебной ответственности не привлекался. Умер в 1990 г.

Эльвов после подписания протоколов допросов, где признавался во всем, в чем ему предлагалось признаться, где он по сути "потянул за собой" наиболее близких ему людей, чувствовал себя скверно.

22 августа 1935 года он написал заявление на имя начальника секретного политического отдела НКВД Г. А. Молчанова об отказе от пищи, прогулок, книг и пользования очками. "Все это для того,—писал он,—чтобы скорей покончить с той пошлой жизнью, которую я веду в настоящее время и которую больше выносить никак не могу, да и не вижу необходимости. 10 февраля 1935 г. жизнь моя окончилась". Он писал, что хочет умереть. "Проведя без малого семь месяцев в одиночном заключении, обдумав все и снова передумав, я пришел к убеждению, что жизнь моя безусловно окончена, что перспектив у меня нет никаких... Я подвергнут крайне суровому режиму (нет свиданий, нельзя написать—получить письма, необходи-

мые вещи, хотя это не запрещается правилами тюрьмы. Даже подушки лишен, очки и книжки получил—буквально зубами вырвал)... Ни жизни, ни работы, ни семьи мне не видеть. То, что влачу я сейчас, что предстоит в будущем—терпеть больше не могу—это свыше моих сил. Жизнь моя окончена и оставшиеся силы я хочу приложить на то, чтобы ускорить этот конец". Начальнику изолятора Эльвов сообщал, что начинает голодовку с 23 августа. Но через день, 24 августа, заявил, что аннулирует свои предыдущие требования и возвращается к обычной жизни заключенного.

Вскоре Эльвову было предъявлено обвинительное заключение, подписанное следователями В. Петровским, Г. Луловым и завизированное Г. Молчановым. В нем Эльвов обвинялся в том, что был членом антипартийной группы историков, которая распространяла "клевету по адресу тов. Сталина". Говорилось, что содержался Эльвов во внутреннем изоляторе и в предъявленном ему обвинении "сознался полностью".

15 октября 1935 года Особое совещание при НКВД рассмотрело дело казанцев. Эльвов и его жена Бычкова "за участие в контрреволюционной троцкистской группе" были сосланы на 5 лет в г. Шенкурск; З. П. Винтайкин—на 5 лет в Каракалпакию; Г. П. Щеперин—на три года в Казахстан; Е. И. Медведев и З. Б. Надеева—освобождены, но без права проживания в режимных городах на три года. Вскоре приговоры пересмотрели: 27 мая 1936 г. Эльвова из Шенкурска переправили в Гулаг, на Колыму. В Севвостлагеря была отправлена и Бычкова.

В 1937 году стали выявляться "новые" обстоятельства. Ужесточение карательной политики требовало новой крови. План на число пойманных "террористов" следовало выполнять. В лагерях и ссылках стали "отлавливать" бывших "троцкистов". Эльвова "этапировали" в Казань. Его психика не выдержала. 3 апреля 1937 г. Эльвов помещен в Казанскую психбольницу. Пробыл там несколько месяцев. 13 августа 1937 г. его допрашивали в Казани, обвинив в том, что в 1932-1935 гг. он проводил в городе "активную террористическую деятельность". Как ни был болен Эльвов, он твердо отказался подтвердить это обвинение. В этом последнем следственном деле Эльвова единственный протокол допроса. 15 сентября 1937 г. больной, измученный профессор предстал перед судебным заседанием Военной коллегии Верховного суда СССР и снова заявил в последнем слове что виновным себя не признает, террористической работы не вел, в Казани никакой контрреволюционной организации не сколачивал. Приговор был заготовлен заранее—высшая мера наказания. Тогда же,

в ночь с 15 на 16 сентября 1937 г., Эльвов был расстрелян.

Прошли годы. Живые—жена и сын Эльвова—возбудили дело о реабилитации. М. С. Бычкова писала о себе и муже. Неторопливая машина восстановления справедливости двинулась выяснять, искать “вновь открывшиеся обстоятельства”. Судили и расстреливали в минуты, восстанавливали память, честное имя—годы...

Следователи подняли дела двадцатилетней давности, чтобы в новой политической ситуации разобраться в том, что “натворили” их кроважадные коллеги, руководствующиеся безжалостными, бесчеловечными указами и классовой ненавистью ко всему. Они вызвали оставшихся в живых свидетелей, постарались по старым допросам разобраться в голосах мертвых.

Александр Антонович Диковицкий, казанский врач: “В качестве обвинения мне предъявлялось участие в троцкистской группе Корбута и Эльвова. Фактически же никакой организационной деятельности в Казани этой группой лиц не проводилось”.

Николай Николаевич Майорский, 1900 года рождения, соавтор Эльвова. Вместе написали брошюру “Ленинизм и оценка характера Октябрьской революции” (М., 1927), был спецкором “Правды” в Париже, расстрелян 13 августа 1937 г. Говорил, что сотрудничал с Эльвовым и при написании 4-томника истории ВКП(б). Ни в чем его не обвинял. Реабилитирован

Следователи быстро установили факт реабилитации свердловских “троцкистов” И. С. Когана, С. И. Кузнецова, С. В. Гингорна, которыми будто бы руководил Эльвов во время работы на Урале. Они нашли выписку из постановления Уральского обкома ВКП(б) от 2 марта 1932 г., которым Эльвов исключался из партии за то, что не дал “развернутой критики своих ошибок, ...не вскрыл и не дал оценки своей антипартийной работе в 4-томнике истории ВКП(б) под редакцией Ярославского, что свидетельствует о его недостаточной искренности и неспособности в дальнейшей работе оправдать доверие партии”. А где критерий этой “искренности”? Нет объяснений ничему. Вышестоящее лицо сказала и все подтверждают, обсуждают, не зная существа вопроса. Это хуже, чем казарма.

И наконец, противоречивые, мучительные показания арестованного философа Ищенко в 1936 г. Он говорил, что был дружен с Эльвовым, что в коммунистическом университете Татарии, где они работали, шла групповая борьба за руководство институтом, которой придали политическую окраску. “Взгляды Эльвова до января 1935 года я не расценивал как троцкистские... разговоры с ним я не расценивал как контрреволюционные”. В январе 1935 г.

Ищенко выяснил в горкоме партии, что "Эльвову нельзя доверять". В нем боролись в то время несколько чувств: как спасти себя, не очень подвести человека, вчерашнего друга, что сделать? Ищенко обо всем рассказал Эльвову и они решили на время дружеские встречи прервать...

Следователь писал, обзревая дело Эльвова с реабилитационными целями в 1958 г., что основанием к его осуждению послужили "признания" ряда знавших его лиц. Проверка установила "несостоятельность собранных в отношении него материалов". Он обнаружил, что к делу Эльвова была приобщена копия показаний свидетеля Ф. М. Майорова, из содержания которых видно, что он давал показания не об Эльове, а о директоре областной базы пушмехсырье Львове. Однако в некоторых местах протокола фамилия "Львов" исправлена на фамилию "Эльвов", путем приписки впереди буквы Э. Следователь КГБ Татарии капитан Татуркин предлагал дело Эльвова прекратить за отсутствием состава преступления. 18 марта 1958 г. военная коллегия Верховного суда СССР с этим выводом согласилась, добавив слова о невинности и необоснованности осуждения Эльвова.

В ходе дополнительной проверки выяснилось отсутствие каких-либо организационных "троцкистских" групп в Казани, Свердловске и в Москве, с которыми был бы связан Эльвов.

Эльвов и многие другие были реабилитированы, признаны невинными. Но человека не стало, была разрушена семья, исковерканы судьбы.

Я читал, наверно, все, опубликованное Эльвовым в 20-е годы,—его статьи в журнале "Пролетарская революция", книги и главы, написанные им для сводных работ. В них чувствуется поиск истины, дыхание энергичного человека, избравшего для себя творчество. Из этих работ видно—он не мог думать, как все... И так со многими, кому столь злорадно ухмыльнулась судьба. Сколько же они могли полезного принести людям, каждый в своей области! Не дали, уничтожили. За что? И что в результате? Смириться с этим невозможно!

ЭПИЛОГ

*Грех—кровь пролить из веры в чудо,
А кровь чужую—грех вдвойне.
А я молчал...
Но впредь—не буду:
Пока молчу—та кровь на мне.*

Наум Коржавин

Как жить в стране, изуродованной режимом? Почему десятилетия народы шестой части планеты жили в удушливой атмосфере насилия и отсутствия элементарных законов, способных защитить человеческое достоинство?

Как жить тем, кто был жертвой произвола, тем, кто на себе испытал всю жестокость и гнусность действий властей, превративших миллионы своих сограждан во "врагов народа", а их родственников в изгоев общества? Молиться о погибших?

Мстить?

Кому? Исполнителям и доносчикам? Их потомкам? Как понять то, что сердцем, здравым разумом воспринять нельзя? Наверное, чуда не будет. Мы сами живем в этой стране и в этом времени и сами ответственные за все. За молчание, непротivление, доносительство и убийства. И никто больше. Где найти волшебные слова, которые бы не допускали малейшей фальши? Клятва не врать, не обманывать, быть правдивым страшна для людей с тройной моралью, людей бессовестных и безнравственных. А как поступить—дело чести каждого. От правды же не уйти, даже покаянием... Даже если тебя воспитывали десятилетиями верить правдоподобной лжи...

Историки ныне видят причины репрессий в создании тоталитарного режима, в превращении произвола, нетерпеливой, необузданной жестокости в главные принципы жизни, в том, что военный коммунизм времен гражданской войны явился воплощением того интеллектуального багажа, с которым пришли в революцию лидеры большевизма. Эти идеи, в том числе безумные—об эффективности террора и произвола, например, легли в основу проводимых карательных мер, были впаены в фундамент существования и строительства государства. Поколения людей изначально рассматривались как строительный материал для "светлого будущего".

Еще Достоевский предупреждал, что люди могут найти красоту и удовольствие в самом акте убийства себе подобных. Но почему это происходит? Ведь в 30-х это не было единичным явлением. Может, к исполнению преступных приказов людей толкал страх? Возможно, они полагали,

что, убивая других, они тем самым спасали себя? Вероятно, освященная правящей партией и властями политика произвола и объявление насилия высоконравственным делом оправдывали их поступки и преступления? Трудно сказать. Ясно одно—эпоха террора калечила психику людей, извращала ее. “Кто мог подумать,—писал Короленко,—что в обстановке, рассчитанной на благо уничтожения частной собственности, может возникнуть государство “злых и бесовестных людей”, превративших теоретический рай в кошмарный ад”.

Все большее число историков и политологов приходит к убеждению, что Ленин и его гвардия изобрели и на десятки лет установили механизм государственной власти, который исключил многонациональную страну из семьи мировой цивилизации. Насилие над личностью, культ силы и власти, социальный экстремизм свели на нет общечеловеческие принципы морали и нравственности, развратили людей. Это проявилось и в общих одобрениях расстрелов “врагов народа”, в том, что самые простые, малограмотные люди из народа становились палачами и доносчиками, в торжестве тоталитарного мышления против всего независимого, талантливого, самостоятельного... Упования на мнение большинства не всегда дают положительные результаты. “народ”, толпа не всегда правы. Нельзя забывать, что Гитлер пришел к власти демократическим путем, через выборы и на альтернативной основе, за Сталина на выборах голосовало абсолютное большинство избирателей... А ведь гитлеризм и сталинизм стали самой большой трагедией века!

Ныне нетрудно назвать главных виновников случившегося несчастья—партийную большевистскую номенклатуру и карательные органы, прежде всего ВЧК-ОГПУ-НКВД. Это они, высшая власть в стране, сделали все не только для уничтожения миллионов невинных людей, но и для разрушения нравственной души народов, это они сделали террор универсальным методом решения любых проблем. На эту тему написано много: одни во всем винят злого гения Сталина, другие говорят, что более повинны чекисты, которые подчинили себя партию и расстреляли многих большевиков и сподвижников “железного Феликса Дзержинского”. Это верно, расстреляли, таким путем осуществили смену руководящих кадров в стране в середине 30-х, снимали людей слоями. Но вместо расстрелянного профессионального чекиста пост наркома внутренних дел занял секретарь ЦК ВКП(б) Ежов. А так как у нас была система подражательная, то и на местах происходило подобное, профессиональных палачей сменили партаппаратчики, и они стали еще более изощреннее пытаться и рас-

стреливать, доказывать свою преданность античеловеческому режиму... Сталинская номенклатура перегрызла горло ленинской гвардии, затем стала селекционировать внутри себя... Потому и трудно отделить партийное руководство от чекистского, они переплелись, срослись, но все-таки санкционировали расстрелы, а подписывали наиболее важные расстрельные списки генеральный секретарь ВКП(б) Сталин и председатель Совнаркома Молотов.

Нацисты выше всего ставили арийское, а большевики—пролетарское происхождение. "Все, что идет на пользу пролетариату как классу, хорошо; все, что вредит ему,—дурно",—говорил один из большевистских гуманистов Луначарский (Статьи о литературе.—М., 1988.—Т. 1.—С. 245) Может быть, из этого иезуитского "цель оправдывает средства" и выросло запредельное зло? Народы стали лишаться своей национальной истории, языка, культуры и религии, письменности; желание быть народом, а не процентом населения—пресекалось; народами стали торговать как скотом на базаре, а взамен ввели тотальное понятие—советский народ... Ради чего шло беспощадное и бессмысленное сокращение духа народов? А ведь в этом активно участвовала и ленинская, и сталинская гвардия и их последователи. Неужто рассчитывали на тысячелетнее царство? Неужто нравственно только то, что нужно революции и ее вождям?

Корни всего этого одни усматривают в марксовом учении, другие в воплощении его наиболее радикальных сторон Лениным. Да, для него превыше всего стала борьба за власть и связанные с нею законы беспощадной классовой борьбы, заключенные в простую формулу: "Кто не с нами, тот против нас". Это он изобрел систему тотального физического и духовного террора против собственных граждан и превратил гражданскую войну, где были воюющие стороны, в одностороннее уничтожение государством собственных подданных. Это он сумел сплотить, силой сколотить обломки российской распадающейся империи и оставить после себя ненависть ко всем, кто думал иначе, прежде всего к интеллигенции, при нем началось превращение страны в огромный концлагерь. Наверное, потому в стране так и не были полностью изданы все произведения Ленина, дабы знакомство с человеконенавистнической доктриной не перевернуло многие хрестоматийные, сусальные представления и о вожде, и о созданной им партии.

Эти лицедейства были весьма живучи, они вбивались в сознание людей. Герой романа Артура Кестлера "Слепая тьма", арестованный комбриг, сидя в камере, рассуждал: партия—порочная святыня—возможно ли это? Где и когда к высоким целям шли такими низменными путями? Если они действительно правы и партия творит волю истории,

значит сама история—порочна! (Нева.—1988.—N 7.—С. 136). Личность—ничто для великих свершений, если это не моя собственная личность! Так рассуждала партийно-советская номенклатура, равнодушно взирая или активно способствуя уничтожению **не** своей личности. Не понимая, что этим уничтожается, становится рабской и своя... Ясно одно, что если цель достигается неправыми средствами, это не есть правая цель.

Трудно быть объективным, вспоминая недавнее прошлое, особенно если оно своим черным крылом задело тебя самого. Вот передо мной два небольших тома следственного дела, одного из типичных для той поры доносов и расправ. Для меня они—особые,—это “дела” на моего отца, Литвина Льва Вульфовича, еврея, беспартийного, 1903 года рождения, сапожника, имевшего начальное образование, но выдвинутого рабочими казанского мехкомбината заместителем директора столовой N 5 Торгречтранса.

Мне шел тогда 10-й год, и я помню, как под утро (в марте рассветает рано), нас разбудили. В квартиру вошли двое—молодых, здоровых, в шинелях, и дворовая доносчица (ответственная за благонадежность жителей двора) тетя Дуся. У крыльца заливался лаем наш любимец пес Тузик.

Старший из вошедших, белокурый, рослый, с шальными наглыми глазами, вытащил наган, наставил его на открывшего дверь полураздетого отца и спросил: “Оружие есть?” Получив отрицательный ответ, наган спрятал в кобуру, заставил отца поднять руки вверх, обыскал его, затем показал ордер на обыск квартиры. Я не знал, что они искали, только помню, что кровать, на которую мать собрала всех нас, четверых детей, они не обыскивали и вылезать из постели не заставили.

То, что искали, они не нашли. Забрали с собой только отца. У меня навсегда в памяти остался его прощальный взгляд: глаза, полные слез, смертельная тоска вконец измученного человека и, вместе с тем, будто просившего у нас прощения за беду, свалившуюся на всех разом. Помню еще, что, когда он спустился с крыльца и уходил в сопровождении этих двух, завыл Тузик, словно в доме был покойник.

И вот передо мной это дело N 16349. В нем постановление на арест отца 7 марта 1941 г. Помощник оперуполномоченного НКВД Лебедев, опросив сексотов и собрав различные бытовые разговоры, все их приписал отцу, предоставив ему “отмываться” от высказываний разных лиц (да и были ли те высказывания, может быть, их попросту придумали?) Помощник опера “нашел”, что отец вел среди

работников столовой антисоветскую пропаганду. Будто бы 15 сентября 1940 года он говорил: "Я хотя по происхождению из рабочих, но недоволен решениями партии и правительства, и сейчас таких как я очень много". Какими именно решениями, не уточнено. Вторым ноября 1940 г. датировано опять-таки ему приписываемое высказывание: "Подумаешь, член партии, что они, лучше меня, конечно нет, они похожи на овчарок, когда же только им будет конец, всем этим членам партии".

Но главным в обвинении был рассказанный анекдот. Вот его содержание. Один бедный кавказец приехал в Москву на ишаке. Он долго ходил по Москве в поисках для ишака корма и пристанища и нигде ничего не мог найти. Тогда он решил обратиться к товарищу Сталину с просьбой помочь ему, кавказцу, накормить ишака. В ответ на это товарищ Сталин сказал, что у него 170 миллионов таких ишаков и "я один управляюсь, а ты с одним ишаком не можешь управиться".

Помощник опера увидел в этом клевету на товарища Сталина... В качестве свидетелей того, что анекдот рассказал отец, были привлечены директор материально-технической базы конторы буфетов Т. М. Конышев, директор столовой N 5 Я. М. Рубчинский, народный судья Кировского района Казани Я. Х. Хатамуллин, помощник бухгалтера столовой М. А. Кульборисов, директор столовой N 1 В. И. Береснев. Я никогда не видел, во всяком случае, совершенно не помню этих людей и не делал никаких попыток их отыскать. Зачем? О чем с ними говорить? Как они все навалились на отца, спасая себя? Я даже не знаю—спасли ли?

В деле есть свидетельские показания и протоколы очных ставок. Конышев, Рубчинский и Береснев подтвердили, что слышали анекдот от отца. Хатамуллин сообщил, что в компании этот анекдот отца заставил рассказать Конышев, слышавший ранее это злополучное произведение от директора Торгречтранса Шарипова. Об этом же говорил на допросе и Кульборисов. На очной ставке с Бересневым 18 марта 1941 г. отец назвал его утверждение ложью и просил верить ему, потому что он рассказывает так, как было на самом деле. В его рассказе было так: "В конце декабря 1940 г. в столовой N 5, в контору, где были Кульборисов, Рубчинский и я, вошел директор столовой N 1 Береснев и стал жаловаться на Шарипова, что тот не оценивает его работу. И тут же Береснев рассказал анекдот, который он слышал от Шарипова. После рассказа Бересневым этого анекдота я подтвердил, что тоже слышал его от Шарипова". На очных ставках с другими свидетелями отец повторил свое утверждение. Но поверили не ему, а

Бересневу и тем, кто, страшаясь за себя, готов был пожертвовать многими. Мне же очень хочется верить своему отцу, не говоря уж о том, что при здравом рассудке трудно, невозможно понять судилище за анекдот. Судили причем сурово, беспощадно.

31 мая 1941 г. отцу дали для ознакомления обвинительное заключение. В нем отец обвинялся в "распространении антисоветских измышлений на жизнь народов СССР и возведении клеветы на одного из руководителей коммунистической партии". Естественно, никаких вещественных доказательств вины представлено не было. Отец написал: "В предъявленном обвинении виновным себя не признаю".

21 июня суд не состоялся, не было одного из свидетелей. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Татарии собралась на закрытое спецзаседание 12 июля. Отец не признал себя виновным и повторил то, что говорил на очных ставках, признав, что в столовой анекдот рассказал Береснев, а дома, где они что-то отмечали с некоторыми из будущих свидетелей, его вынудил этот анекдот повторить Конышев. Он говорил о своей невиновности. Суд ему не поверил, суд тогда никому не верил и крайне редко выносил оправдательные вердикты.

Судебная коллегия приговорила отца к семи годам лишения свободы и трем годам поражения в правах, то есть возможности участвовать в каких-либо избирательных кампаниях, или, иначе говоря, объявляла его и по выходе из заключения политически бесправным человеком. Судили его по статье 58. 10. ч. 1 Уголовного кодекса РСФСР. Отец

написал кассационную жалобу в Верховный суд РСФСР, туда же написала прошение и моя мать, Сара Наумовна: "Со своим мужем прожила 15 лет и в течение нашей совместной жизни я никогда не замечала в нем чего-либо антисоветского. Я знаю своего мужа как человека с советским настроением". Мать просила понять, что у нас большая семья—четверо маленьких детей, я был по возрасту старший, и 80-летняя бабушка, а отец—единственный кормилец. Но разве имеет смысл взывать к милосердию в немилосердное время? Естественно, ничего не помогло. В кассации отцу отказали.

Отец был сослан под Норильск, рабочим на ртутные каторжные рудники. Скоро заболел, стало отказывать сердце. Один раз вытащили полумертвого. Еле отлежался. Стали использовать на разных работах. Позже он рассказывал мне, что, если б не профессия сапожника, если б не повезло шить сапоги лагерному начальству,—погиб бы. 7 марта 1948 года его освободили. Свой срок отсидел полностью. Домой вернулся больной и измученный, какой-то напуганный, так до конца не привыкший и не смогший понять несуразность происшедшего: рассказанный анекдот и жуткое, бессердечное наказание. В Казани ему жить не разрешили, послали в Алексеевский район. Домой повидаться с нами он мог приезжать только на сутки. За этим внимательно следила тетя Дуся. Она тут же обо всем докладывала участковому милиционеру. У нее единственной во дворе был телефон, в ее адрес поступала почта, и она ее разносила, могла и прочитать кто кому и что пишет. По ее зову являлся участковый лейтенант. Я помню его—высокого, добродушного, вечно подвыпившего лейтенанта, бывшего фронтовика. Он появлялся у нас в квартире и спрашивал, где отец, напоминал, что более суток ему быть здесь нельзя и вопросительно смотрел. Если было, я наливал ему стакан водки или давал денег на бутылку. Тогда он говорил, что ничего не знает и что отец мог бы еще побыть дома. Такса была незатейливой: стакан водки—лишние сутки жизни в семье. Казалось бы, и не так дорого. Ну, а если нет ни денег, ни водки... Отцу разрешили жить вместе с нами только в 1953 году, через несколько лет после смерти матери.

В феврале 1955 году отца реабилитировали, а в 1958-м я его похоронил. Тогда же Верховный суд установил, что отец виновным себя не признал, а анекдот пересказал по просьбе свидетеля и сам отец автором анекдота не был. "Поэтому дело отменить и прекратить за отсутствием в действиях Л. В. Литвина состава преступления". И в этом реабилитирующем документе продолжала оставаться статья обвинения за рассказанный анекдот...

С тех пор всякое запрещение что-либо говорить или писать, за исключением призывов к войне или человеконенавистничеству, вызывает во мне внутреннее возмущение. Почему нужен закон, охраняющий достоинство президента, а других людей, значит, можно безнаказанно оскорблять и унижать? Наверное, президент должен быть таким, чтобы не страх, а уважение к нему удерживало людей от нелегальных высказываний в его адрес...

Я долго сидел молча, прочитав "дело" отца. Я испытал унижение его и свое, мне было больно за искалеченную его и нашу жизнь. Потом я подумал, а откуда пбмощник опера узнал об анекдоте, кто ему донес? В деле фамилии того человека нет. Надо найти его или его потомков и высказать все, что я думаю обо всем этом. Но потом я решил—зачем его искать, он наверняка умер. Зачем травить душу его близким и себе? Он что, стал счастливым, отдав на заклятие "правосудию" моего отца? Уверен, что нет, не стал. Не может быть счастлив человек, плюнувший в колодезь, не может быть не проклят убийца невинного. Он будет непременно наказан, такова судьба всех, совершавших подлости. И не стал я узнавать ни имени этого негодяя, ни осуждать свидетелей, которые могли бы дружно сказать, что ничего не слышали... и делу конец. Они не были счастливы,—ни когда предавали отца, ни потом. В этом я уверен.

Ныне вряд ли у кого вызовет сомнение то, что характерной чертой созданного большевиками строя стало безжалостное безразличие у судьбам миллионов людей и к личности как таковой. Еще в незабываемом 1919-м еженедельная газета "Красный меч", орган политотдела корпуса войск украинской ЧК, оправдывала террор и насилие. "Наша мораль новая, наша гуманность абсолютная, ибо она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия. Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех. Жертвы, которых мы требуем, жертвы спасительные, жертвы, устилающие путь к светлому царству труда, свободы и правды" (18 августа 1919 г.). Вот и шли все годы жертвоприношения во имя светлого будущего, убивали невинных во имя "новой" морали, "нового" человека, пока не истекли кровью, не потеряли способность самостоятельно мыслить, пока все не стало нестерпимо для всех, кто еще что-то хотел увидеть в жизни, освободиться от жестких оковных объятий режима. Пока не поняли, что новое не всегда лучше отвергнутого напротив старого, что "кухарка" государством управлять не может, а "бедный" не является высшим носителем нравственных устоев.

Нельзя не согласиться с философом Н. А. Бердяевым в том, что "неслыханная тирания, которую представляет собой советский строй, подлежит нравственному суду, сколько бы вы ее ни объясняли" (Истоки и смысл русского коммунизма.—М., 1990.—С. 116). А кто судия в этом нравственном суде? Ведь на протяжении десятилетий людские судьбы потрясали бессудные расправы в бесправном государстве. А нас заставляли помнить только военные победы во славу государства, увлекая нас заманчивыми картинками, где враг всегда был повержен. Но ведь соединяет только любовь, вражда разъединяет. Это вражда и страх развивают генетическую готовность к стукачеству, к публичному самодоносительному оправданию во имя сохранения власти. Садизм при вседозволенности становится беспределом. И стал. Социальные идеологические мистификации делали общество нравственно пустым. Современники сказали об этом времени:

Нагая смерть гуляла без стыда
И разучились улыбаться дети

Анна Радлова

Говорят, Робеспьеры получают не из преступников, а из самых добропорядочных людей, стремящихся к общей справедливости и во имя этой цели готовых на самопожертвование и убийства других. Всякое бывает, но вряд ли можно Сталина и его окружение назвать добрым, как и тех, для кого убийство стало обычной работой.

Ожесточение, порожденное войнами и революцией, превратилось в государственную политику, раскаленным углем не давали остыть. Людей "натаскивали" на всяких "врагов", как легавых на дичь. Их растлевали с настойчивостью сладострастного старца. "Классово-чуждый" возбуждал жестокость так же естественно, как красивое обнаженное женское тело—соблазн.

На наших глазах рушатся старые догмы, облетают, как листья с ветхого гербария. Горло обжигает правда, она горька, как необходимое лекарство. Страх порождал веру, заставлял исповедовать немыслимое: муж—враг, отца—разоблачи и откажись от него. Иногда думаешь: это прошлое, оно беззащитно сейчас перед всеми, о нем пишут все что угодно. И все-таки, а что же это было: общий психоз из романа фантастов, или реальная, страшная действительность, при которой существовали люди, и даже пытались творить, ведь мыслительная энергия должна была находить какой-то выход...

Масштаб и интенсивность ожесточения, озлобленности—свидетельство нравственного состояния общества. Мы

долго жили во многих лживых измерениях, и когда стали это понимать, внутреннее возмущение стало переходить в открытое. Поколения не могут постоянно жить в страхе и во лжи. Как смягчить душу? Как страсти человеческие направить на созидание и добро, а не на доносы и убийства? Наше прошлое с нами, оно, как тлеющие угли, все время жжет сердце. Часто в памяти воскрешается давнее, пушкинское: "Черт догадал меня родиться в России с душою и талантом". А потом думаешь—ведь страну рождения не выбирают...

Большевистский эксперимент, породивший уродливую систему подавления личности, социального обмана и беспощадного террора, на наших глазах завершается крахом. Люди вновь оказались перед выбором: куда идти—к неравному распределению богатства или к равному распределению убожества и нищеты. Измученное, страдающее прошлое предупреждает...

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.	4
Операция "националисты"	42
Как погиб Фатхи Бурнаш	60
Трагедия старого большевика.	75
Два дела Евгении Гинзбург.	87
Запрет на жизнь.	108
Василий Слепков—"полпред" Бухарина в Казани.	122
Дело Карима Тинчурина.	138
Арест поэта (или Рассказ о том, как Хасан Туфан сравнил Кирова с Дантоном).	151
Смерть ученого.	164
Один из обманутого поколения.	179
"Троцкист" Николай Эльвов.	195
Эпилог.	214

Литературно-художественное издание

Алексей Львович Литвин

ЗАПРЕТ НА ЖИЗНЬ

ИБ N 6367

Редактор Г. Магдеева. Художник Б. Чукомин. Художественный редактор А. Тимергалин. Технический редактор А. Газиззянова. Корректоры Н. Максимова, Г. Хайруллина. Сдано в набор 20.07.92. Подписано в печать 21.09.92. Формат 84X108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура "Татар-Роман". Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76+форзац 0,21. Усл. кр.-отт. 12,14. Уч.-изд. л. 13,72+форзац 0,36. Тираж 25000 экз. Заказ Ч-209. "С".
Издание осуществлено при спонсорской поддержке фирмы "Агроинвест".
Татарское книжное издательство. 420111, Казань, ул. Баумана, 19. Полиграфическо-производственное объединение им. К. Якуба Министерства информации и печати Республики Татарстан. 420111, Казань, ул. Баумана, 19.